

Ванин Сергей

Стражи времени

Спецслужба "Хронос"

16+

Сергей Ванин
Стражи времени

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Ванин С. В.

Стражи времени / С. В. Ванин — «ЛитРес: Самиздат», 2010

Прошлое ближе, чем нам кажется - протяни руку, и ты сможешь прикоснуться к нему. Так считает капитан секретного российского спецподразделения «Хронос» Сергей Воронцов. То, что для других фантастика, для него рутина повседневной службы. По скупым сведениям архива КГБ перед Великой Отечественной войной в Свердловской области упал метеорит. В его обломках профессор закрытого НИИ Линке обнаруживает вещества внеземного происхождения, способные изменять время. Но следы таинственных «кристаллов времени» теряются, зато в современной Москве появляются личности из далеких сороковых.

Содержание

Глава 1. «Хронос»	5
Глава 2. Семен Борордин	12
Глава 3. Василий Борзяк	15
Глава 4. Вахтанг Дадуа	27
Глава 5. отто фон Шлёсс	45
Глава 6. Побег	53
Глава 7. Антон Зубарев.	60
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Глава 1. «Хронос»

Сна не было ни в одном глазу. Цифры электронных часов, стоящих на прикроватной тумбочке показывали 04.12. утра, но Сергей знал, что уже не заснет. Так всегда бывало, когда он возвращался оттуда. В первую ночь он никогда не спал, как ни старался заснуть и, как бы не был вымотан. Голова болела, но принимать лекарства было бесполезно. Она не пройдет до утра. Так тоже бывало всегда после его возвращения, и он хорошо усвоил это. Сергей просто дожидался, когда боль уйдет сама.

Он встал, поплелся на кухню и, плюхнувшись там, на табурет, перевел дух. Сердце стучало так, будто он пробежал десять километров с полной боевой выкладкой. Сергей вспомнил, как на первом курсе военного училища, расположенного в далеком сибирском городке, вот также пробежав свою первую десятку, сидел без сил на лавочке возле клуба. Он не мог снять с себя автомат с подсумками, скатку шинели и противогаз, в котором, по задумке их преподавателя по физподготовке, здорового хохла-подполковника, они бежали последние два километра кросса. Чей-то ленивый тычок привел его в чувство. Сергей мигом сорвал с головы противогаз. Рядом с лавкой стоял командир его отделения сержант Бурков.

– Быстро приходи в себя, урод, – прорычал он. – Друга своего, доходяжного, тоже в чувство приводи, – кивнул он на Сережиного земляка, москвича Володю Старикова, который бледный, как смерть, сидел на траве, привалившись спиной к скамейке.

– На все про все вам тридцать секунд. Потом строимся, идем сдавать оружие, после оттащим шинели и противогазы в каптерку. До построения на ужин – личное время, – продолжал вещать командным голосом Бурков, краем глаза поглядывая на то, как Сергей с Володей приходят в себя и начинают осознавать и реально воспринимать окружающую действительность.

Да, какой это был год – 1983? Точно 1983. А сейчас – 2010. Картинка из прошлого ушла также внезапно, как и появилась. Он опять увидел себя, как бы со стороны, сидящего на собственной кухне, усталого и разбитого. Он попытался закурить, но стало еще хуже. Сердце стучало так сильно, что Сергей торопливо загасил сигарету в пепельнице. Налил стакан холодной воды из-под крана и выпил, стало легче. Посмотрел в окно, ночь отступала, скоро рассветет окончательно. Теперь самочувствие улучшалось с каждой минутой. Сергей встал, вышел в коридор, и, упав на кулаки, отжался пятьдесят раз. Голова не болела, сердце стучало ровнее. Мускулы, утратив ночную слабость, стали привычными.

– Видел бы меня сейчас Бурков, остался бы довольным своим бывшим подчиненным, – подумал Сергей.

В свои сорок три года он оценил бы свою физическую форму на «хорошо», все-таки не на «отлично», объективность, прежде всего. Сделав обязательную утреннюю зарядку, и приняв душ, Сергей занялся приготовлением завтрака. Сварив два яйца вкрутую, он умял их, заедая здоровым бутербродом с маслом и, запивая несладким чаем. Сахара в доме не обнаружилось. После, посчитав завтрак незаконченным, Сергей, порывшись в шкафчике, где хранились емкости с крупами, обнаружил шоколадку «Аленка». Срок годности ее истек три года назад, но его это не смутило, что будет шоколаду? Сергей почти закончил завтрак, когда раздался звонок мобильного телефона. На экране высветился номер его непосредственного начальника майора Валова. Это был личный номер майора. Служебные номера сотрудников были засекречены и не определялись на дисплее. Значит, звонит не по казенной надобности, но почему так рано? В день после возвращения с задания сотрудников не трогали, это было негласное правило, которое могло быть нарушено только в экстренных случаях. Майор был другом Сергея, они были на «ты». Тесно общаясь по службе, Сергей Воронцов и Максим Валов разговаривали друг с другом запросто, как говорится, без чинов и званий.

– Ну, что стряслось, важное что-нибудь, или «проверка связи»? – Сергей был раздосадован и не скрывал этого.

– ЧП! Давай спускайся! Я у твоего подъезда, – рывкнула трубка голосом начальника Сергея.

Дальнейших объяснений не последовало, пошли гудки отбоя. Холодный липкий страх тихонько вполз в сознание.

ЧП! ЧП! ЧП! – стучало в голове Сергея, – Стучилось ЧП, этого боялись и ждали все. Это должно было случиться. И вот теперь это случилось.

Мысли бились в голове Сергея. Он быстро оделся, захлопнув дверь квартиры, выскочил на лестницу и, одним прыжком оказавшись у лифта, нажал кнопку вызова кабины. Кабина медленно поползла вверх, с первого этажа, где она стояла, на седьмой, где была расположена его квартира. Лифт шел как обычно, но теперь Воронцову казалось, что он тащится, как черепаха. Не дождавшись, Сергей через четыре ступеньки понося вниз, чуть не сломал дверь подъезда, открыв ее таким рывком, что полотно двери едва не слетело с петель. Быстрее, вот машина Максима. Сергей подбежал, открыл дверь и плюхнулся на сидение рядом с начальником. Макс рванул автомобиль с места, и, вырвав на Ленинский проспект, понесся в сторону области. Там, в непосредственной близости от города, в небольшом леске находилось здание их конторы.

Здание, в котором базировалось спецподразделение «Хронос», снаружи было похоже на огромный особняк «нового русского». Четырехметровый забор окружал его со всех сторон, въезд был только один. Прочные автоматические ворота открылись сразу, как только машина Максима подъехала к ним. Расположенные по периметру забора видеорекамеры передали картинку на монитор, который был установлен на КПП. Вообще-то, мониторов было несколько, и любое движение вокруг забора мгновенно отображалось на них. Один прапорщик сидел в здании пропускного пункта, уставившись на экран, второй же, подойдя к машине, внимательно осмотрел документы Сергея и Максима. Потом, не торопясь, встал перед автомобилем и секунд десять неотрывно смотрел на госномер. Прапор знал номера и марки всех въезжающих и выезжающих с этого объекта машин, но решил продемонстрировать офицерам служебное рвение. Те же, понимая, что стражу ворот скучно, обычно терпеливо ждали, когда «фейс» контроль подойдет к концу. Но в этот раз поведение нудного прапора раздражало больше обычного. За всю дорогу Максим и Сергей не сказали друг другу и пары слов. Напряжение, витавшее в воздухе, разрядил майор:

– Ты, что впервые меня или капитана видишь?

– Никак нет. Вижу вас не впервой и фамилии и звания ваши отлично знаю, – прапорщик был спокоен как удав.

– Тогда какого рожна выделяешься? Заняться нечем? Или власть демонстрируешь? – сорвался на крик Максим.

– У меня служба такая, товарищ майор. А если вам не нравятся мои действия, напишите рапорт, да подайте его по команде. Не мне вас учить. Можете ехать, – прапорщик козырнул.

Машина отъехала от КПП.

– Понаберут червяков ученых. Вот они всё копаются, хрен знает, чем занимаются, всё экспериментируют, мать их. А пошли их в горячую точку, мигом там обделаются. А ведь тоже погоны носят. Тьфу! – прапор смачно плюнул на ухоженный газон.

Сам-то он в свое время повоевал и на таджикской границе и в Чечне, проявил воинскую доблесть, имел правительственные награды и судил всех по своему прапорскому счету. Напарник его был с ним вообще-то согласен и выразил поддержку словам коллеги нечленораздельным мычанием.

Максим припарковал автомобиль на площадке перед входом в здание.

– Чего на «куска» орать начал? У него действительно служба такая, извинись, когда выезжать будем, – Сергей укоризненно посмотрел на друга.

– Самому тошно, Сергей. Извинюсь, точно извинюсь. Вот только когда мы уезжать будем – это большой вопрос. Ладно, давай к генералу, он ждет, сказано же было прибыть срочно.

В кабинет генерала, расположенный на последнем, третьем этаже здания, они вошли одновременно.

– Товарищ генерал-майор, разрешите доложить: начальник отдела оперативных мероприятий спецподразделения «Хронос» майор Валов и оперативный работник вышеназванного отдела, капитан Воронцов по Вашему приказанию прибыли.

– Заходите, присаживайтесь, – Генерал Фадеев, невысокий плотный мужчина, махнул рукой в сторону длинного стола.

За столом, в одиночестве, восседал длинный как жердь, вечно растрепанный начальник научно-технологического отдела «Хроноса» академик Поливайко. Сергей плохо знал научный штат подразделения, но Поливайко был ему знаком. Они здоровались при встрече, хотя дружеских отношений не поддерживали. Оперсостав и ученые практически не общались. Их службы и то располагались в разных местах огромного особняка. Опера базировались на первых двух этажах здания, на третьем этаже располагались кабинет генерал-майора Петра Петровича Фадеева, отдел материального обеспечения операций и отдел контроля перемещений. Подземная часть здания представляла собой, оборудованный по последнему слову мировой техники, научный центр. Это было царство, которое населял ученый люд, в несколько раз превосходивший численностью оперсостав «Хроноса». Ни Сергей, ни кто-либо другой из оперов, никогда не были в помещениях центра. Но все офицеры всегда осознавали, что выполнение поставленных перед ними задач не было бы возможно без открытий, сделанных «подземными жителями».

Сергей, Максим и Поливайко сидели за столом, но генерал не начинал совещания.

– Товарищ генерал, кого мы ждем? – академик начинал проявлять недовольство.

– Мы ждем начальника отдела контроля операций полковника Желудя и подполковника Зубко, он, как вы знаете, представляет отдел материального обеспечения, – раздраженно бросил Фадеев, мерно шагая туда-сюда по собственному кабинету. Генерал был зол – это было видно с первого взгляда.

Наконец дверь распахнулась, в кабинет генерала ввалились оба офицера разом.

– Извините, товарищ генерал, мы были на рыбалке, как только получили приказ, так сразу... – начал лепетать Зубко, пытаясь встать так, чтобы не было видно его запачканных болотной тиной резиновых сапог.

– Товарищи офицеры! Прошу садиться. Давайте начнем, – голос генерала звучал напряженно.

Сергей украдкой взглянул на часы на стене кабинета, ему показалось, что с момента звонка Максима прошло уже несколько часов. Но это впечатление было обманчиво, на самом деле все собралось меньше, чем за час. С какой же скоростью мчались со своей рыбалки Желудь с Зубко?

– Только что, два часа тому назад, не вернулся с задания оперативный работник, старший лейтенант Князев. Мы понесли первую, за восемь лет существования нашего подразделения, боевую потерю. Давайте почтим память нашего офицера, – генерал говорил сухо и четко.

После того, как все сели, Фадеев продолжил: « Мы потеряли в прошлом времени своего боевого товарища. Он не вернулся обратно. Но мы все знаем специфику службы в «Хроносе». Это может случиться с любым сотрудником, – голос Фадеева дрогнул, но генерал тут же овладел собой, теперь он говорил отрывисто и громко, словно разрезая невидимым ножом повисшую в кабинете тишину. – В наших рядах нет места паникерам и трусам. А, посему, к делу!

Вчера выполнялся ряд перемещений согласно ранее составленных планов. Капитан Воронцов, доложите, как прошло выполнение вашей операции».

– Задание было не сложное, товарищ генерал, – Сергей встал. – Мне надлежало попасть в 1995 год и проследить счет, на который из одного из офисов банка «Суверенная Держава» были несанкционированно отправлены 480 миллионов долларов бюджетных средств. Воспользовавшись оперативными данными, ставшими известными нашей службе в последнее время, получатель денег, спустя пятнадцать лет, установлен. Счета фирмы «Альдос», добившейся в последнее время существенных успехов в бизнесе, уже вчера были арестованы. Насколько мне известно, экономической эффект для казны страны будет много больше, чем 480 миллионов долларов США, которые в 1995 году похитило руководство фирмы. Вчера же вечером, против ключевых фигурантов этого дела были возбуждены уголовные дела. Подробности операции в моем рапорте.

– Хорошо, – генерал нетерпеливо махнул рукой.

– Позавчера наши ребята переместились в 1986 год. От лица КГБ ими был завербован печально известный ныне международный террорист, который в году оном прибыл к нам из республики Афганистан и старательно учился в ростовском сельхозинституте. В свободное от лекций время этот тип ухлестывал за нашими девушками, и не помышлял еще ни о какой террористической деятельности, – начальник Сергея, майор Валов обстоятельно докладывал вслед за Воронцовым. – Подлинники документов на вербовку главаря международного бандподполья вскоре появятся в СМИ. С одним из самых злобных и кровавых террористов будет покончено, свои не простят ему подобных контактов.

– Хорошо, майор, – Фадеев промокнул платком лоб и кивнул подчиненному. – Спасибо, Валов, хорошо сработали твои ребята.

– С Князем все-таки непонятка какая-то произошла, – полковник Жолудь поднял тяжелый взгляд на Фадеева, – Как он пропал? Где? При каких обстоятельствах?

Но генерал молчал, он смотрел прямо перед собой, сложив руки на папке с личным делом Стаса Князева.

– Может, Князев, и не погиб вовсе, может быть, произошла накладка – аппаратура не сработала, да мало ли что, – подал голос Зубко. – Может быть...

– Слово имеет академик Поливайко Владимир Иванович, – прервал Зубко генерал Фадеев. – Пожалуйста, слушаем вас.

Академик Поливайко встал со стула, поправил халат, причесал рукой волосы, еще более взъерошив их.

– Товарищи офицеры, я хотел бы регулярно проводить с вами беседы по поводу нашей совместной эксплуатации прибора временного и пространственного перемещения. Я ни единой минуты не говорил вашему непосредственному командиру и начальнику Петру Петровичу, что считаю своим долгом объяснить вам, хотя бы на пальцах, принцип работы данного устройства. В процессе эксплуатации прибора, его отдельные узлы и компоненты постоянно модернизируются и заменяются на более современные, – Поливайко вернулся к столу генерала, налил в хрустальный стакан минеральной воды, шумно выпил и продолжил вещать. – Для прохода во временной отрезок, согласно поставленной вам боевой задачи, используются окна временно-пространственного погружения. Именно через них вы и проходите в прошлое. Временно-полусной модулятор – сердце нашего устройства. Принцип его работы основан...

– Хватит, помилуйте! Вы мне всех моих офицеров своей наукой замучаете, – генерал выскочил из-за стола и подбежал к академику. – Давайте быстро и в общих чертах, кое-что разберем подробнее. Вот мой вам вопрос, почему ваш прибор, господин академик, работает всё хуже и хуже? Сбои у него часто стали случаться. К примеру, мы хотим агента отправить в 1970 год. На таймере набираем дату и время, согласно вашей же инструкции, входим в ваше окно погружения, черт бы его побрал, и что?

– И что же? – переспросил закипающий и готовый сорваться, академик.

– А то, – генерал ударил кулаком по столу, – Что наш опер вместо 1970 года оказался в 1953. Да ладно бы, одно это, а то, входил в ваше временное окно в тихом дворике, а вышел на проезжей части. Его чуть молоковоз не сбил. Хорошо, вернуться успел. Раньше работал агрегат как часы, а сейчас всё хуже и хуже пашет. А Вы причину всё никак не найдете.

– Все дело в кристаллах, которые составляют загрузку модулятора прибора, – академик сокрушенно покачал головой, – Именно их излучение движет всем процессом. Правда ваша, Петр Петрович, прибор работает всё хуже. Излучение заметно ослабело. Новых кристаллов у нас нет. Вы же не хуже меня знаете предысторию нашего прибора. Вот послушайте все, вам тоже, товарищи офицеры, интересно будет узнать. Вы не возражаете, Петр Петрович? – академии Поливайко склонил голову в сторону генерала.

– Валяйте, академик, только изъяснитесь попроще, – Фадеев достал из ящика стола таблетки от головной боли, выковырял из пачки две штуки, подумал, добавил третью, и лихо взмахнув ладонью, отправил их в рот. Налив в стакан изрядную порцию минералки, запил лекарство и, только после этого, поднял указательный палец вверх – начинай, мол.

– В 1938 году некий профессор Иван Фридрихович Линке, трудящийся в одной из бериевских шарашек. Так назывались закрытые научно-исследовательские институты, – пояснил Поливайко.

– Мы знаем, – ту же встрянул Зубко.

– И мы знаем, что ты шибко умный, – Фадеев угрожающе повернул голову в сторону подполковника. – Того гляди к академику в помощники перейдешь.

Зубко вмиг умолк.

– Продолжайте, пожалуйста, Владимир Иванович.

– Так вот, – продолжил Поливайко. – Мы не знаем, чем эта контора занималась, но догадываемся, что Линке вел какие-то секретные испытания. В результате этих испытаний и явился на свет наш прибор перемещения во времени и пространстве (ППВП), в просторечье именуемой некоторыми недотепами «машинной времени». Только машина времени – миф, а наш прибор – реальность! Только вот доработка его ведется медленно. – Мы основываемся на том, что осталось нам от профессора Линке. А осталось от него не так много, как хотелось бы. Вновь исследования начались в 2000 году, когда в процессе ревизии архива Лаврентия Берия была обнаружена странная папка. В этой папке, заведенной офицером МГБ Бородиным содержалась служебная записка о смерти некоего Вахтанга Дадуа. Про него известно, что Дадуа был личным другом Берии и курировал всякие непонятные дела, связанные с чертовщиной и мистикой. Дадуа был убит в 1946 году, вместе с ним погиб и сержант МГБ, вероятно его охранник. Там же, в папке находился чертеж нашего устройства, правда, в более примитивном виде. Но несведущему человеку этот чертеж мало что скажет. К слову, описание кристаллов в папке тоже наличествует. Так же в папке лежал какой-то фрагмент письма профессора Линке, вот только кому писал автор – неизвестно. Письмо, да и сама папка сильно обгорели.

– Как папка могла обгореть? – задал вопрос Сергей.

– После ареста Лаврентия Берия один из его замов по фамилии Явлоев пытался вывезти архив своего шефа из помещения, расположенного рядом с кабинетом наркома. Кабинет-то опечатали, а про каморку рядом – забыли. Она была заперта, дверь, обитая металлом, оказалась крепкой. Ломать ее времени не было, главного чекиста арестовывали. Вот суматохой этой Явлоев и воспользовался. С двумя подручными он сумел не только вынести папки, но, погрузив их в машину и выехав из Кремля, рванул, подлец, в расположение дивизии Дзержинского. Но маршал Жуков, проводивший арест Берии, в последний момент заметил побег Явлоева и приказал своему офицеру-порученцу догнать его. Офицер исполнил приказ маршала и догнал помощника Берии. Явлоев, видя, что дело – швах, остановил автомобиль, велел своим двум

бойцам сдаваться, а сам поджег машину с папками из архива своего босса, а затем пустил себе пулю в висок, – пояснил Фадеев.

– А потом? – опять спросил Сергей.

А что потом? – продолжил генерал. – Время тогда, какое было? Огонь, а не время. Папки эти раскрыли, ничего в них не разобрали, так, листочки какие-то полу обгорелые. Впрямую о Берии в этих папках ничего не было, свалили их кучей в архив, который стал позже называться архивом КГБ. Потом перестройка, потом смутные времена, хаос, переходный период – не до этого было. В 2000 году власть в стране сменилась, Россия стала потихоньку возрождаться. Вот тогда и взялись за эти документы всерьез. Создали сначала ученую группу, во главе ее стал автор научных трудов по целому спектру различных направлений, ученый с мировым именем Владимир Иванович Поливайко, – Фадеев кивнул в сторону академика. – Вам слово, уважаемый Владимир Иванович.

– Получив финансирование, я и мои помощники смогли воссоздать агрегат, который замыслил Линке. Это был целый переворот в научном мире. Я доложил своим кураторам в комитет научных разработок и предложил засекретить проект. Кроме всего прочего, в папке был обнаружен непонятный металлический контейнер, по размерам меньший, чем сигаретная пачка. В контейнере содержалась частица неизвестного науке вещества. Я предположил, что это и есть кристаллы Линке. Кстати, профессор в своей записке, которая практически вся сгорела, упоминал о неких кристаллах времени. Я предположил, что именно этими кристаллами и пользовался в своих исследованиях профессор.

– А что это за вещество? – спросил Валов. – Неужели нельзя получить подобное теперь, при современных научных достижениях?

– Нельзя, – развел руками академик. – Я привлек к решению этой проблемы ведущих специалистов, но факт остается фактом. Я не могу синтезировать эти кристаллы.

– А на чем же до сих пор работал наш прибор, если найдена была лишь крохотная частица? Восемь лет работы нашего комплекса временно-пространственных перемещений – это долгий срок, – подал голос начальник отдела материального обеспечения операций Зубко.

– После перестройки настала эпоха дикого капитализма, – Поливайко снял с носа очки и протер их полой лабораторного халата. – Закрылся один древний НИИ, в нем и работал Иван Фридрихович Линке. После войны и до перестройки этот институт как-то существовал, но выдающихся исследований за ним не числилось. И вот, в 1994 году НИИ приказал долго жить, не сумел адаптироваться в условиях рынка. Институт закрыли и перепрофилировали под склад китайского ширпотреба, в гаражах разместили автосервисы и мойки. Но в НИИ, тем более закрытых, имелся спецотдел, надзиравший за режимом и секретностью. Когда НИИ закрылся, тамошний начальник отдела передал архив института и кое-какие материалы, имевшие гриф «Секретно» в ФСБ. А уж оттуда, они попали к нам с Петром Петровичем. В числе переданного имущества и были еще несколько контейнеров с аналогичными кристаллами. На них и работал наш прибор, теперь энергия носителей практически исчерпана. Если не будет других кристаллов, работа «Хроноса» будет парализована.

– Поиск кристаллов – первоочередная задача, – поддержал академика генерал Фадеев, – но это еще не все. Энергия носителя пока полностью не исчерпана, а вот мое терпение скоро лопнет.

– Не совсем понятно, товарищ генерал-майор, – высказался с места Валов, – по службе вроде, нареканий нет.

– Ишь ты! – голос Фадеева стал грозным. – Да по службе у меня к вам, товарищи офицеры, масса нареканий. Несмотря на то, что подписки разные подписываем, инструктажи и проверки знаний проводятся, разгильдяйства среди личного состава «Хроноса» хватает. Сотрудники, что в операциях задействованы, служебную дисциплину блюдут слабо. Ну ладно, там мелкие нарушения – сигареты из того в наше время таскают. Я и сам грешен, люблю сига-

реты того времени. Советские не так горло дерут, как нынешние, якобы, американские. Мне самому офицеры из перемещений блок «Друга» недавно принесли. Ну, или, на родителей своих посмотреть, особенно, если умерли они уже к сегодняшнему времени, или себя маленьким увидеть, это я понимаю и закрываю на это глаза. Но халатно к обязанностям своим относиться, за это увольнять будем к чертовой матери.

– Поясните, товарищ генерал, – поднялся полковник Желудь.

– Пожалуйста, – Фадеев достал пачку сигарет «Друг» и закурил. – По заданию капитан Колобов должен был отправиться в 1987 год. Задание он выполнил, все сделал, как положено.

– Ну вот, – удовлетворенно сказал Желудь, – главное, задание выполнил.

– Да, – согласился генерал, – зато потом оплошал. Осталось у него время до обратного перехода и, он двинул во двор, где раньше молодым проживал. Нашел там девушку свою бывшую, и давай около нее круги нарезать.

– А дальше? – заинтересовался Воронцов, не обращая внимания на Макса, дергавшего его за рукав.

– А дальше, – сурово нахмурил брови генерал, – получил по физиономии от ребят, что в этом же дворе крутились. В ответ им надавал. Забрали дурака в милицию, пришлось еще одного агента посылать, чтобы вызволил его. А его, в том времени, еще найти надо было, так-то! Хорошо, что приказа не поступило в будущее сотрудников отправлять, пока задания только в прошлом выполняем. С ужасом жду, когда в будущее офицеров направлять придется. Всякому же интересно узнать, что с ним в дальнейшем произойдет. Злоупотребления на этой почве случиться могут.

Товарищ генерал, – не сдавался Валов, – нас вообще-то проверяли перед тем, как сюда на службу направить. Я лично, будучи на задании, никаких вольностей себе не позволяю. Недавно направлен был в тот год, когда мама у меня еще жива была, так даже отказал себе в удовольствии увидеть ее живой и здоровой, потому что с возвращением опоздать боялся. И за то, что Стас Князев из перемещения не вернулся, мы все ответственность несем, переживаем тоже все. А то, что Колобов прокололся, он наказан был, звездочки с погона лишился. Старлеем теперь ходит. А так, он боевой парень и в горячих точках служил, да и здесь хорошо служит, я лично за него ручаюсь.

Ладно, Валов, – генерал устало закрыл глаза, ослабил узел галстука. – Иди, лично ты службу несешь добросовестно, а о других, позволь, я сам свое мнение иметь буду.

Макс, повернувшись через левое плечо, удалился, демонстративно четко печатая строевой шаг.

– Ершистый, – генерал потер красные от недосыпа глаза. – А ты, Воронцов, готовься к перемещению во времени. Задание тебе будет, какое – скоро узнаешь, а сейчас иди, Сергей. Кругом, шагом марш!

Есть, – Сергей спокойно повернулся и, не спеша, вышел.

– Как он тебе? – генерал бросил взгляд на академика.

– По-моему, годится, – Поливайко утвердительно кивнул, сдвинув очки на нос.

– А вам? – обратился Фадеев в Зубко и Желудю.

– Думаю, Валова надо послать, – Желудь прямо посмотрел в глаза Фадеева.

– У Валова – семья, а Воронцов – один как перст, – встрял Зубко, – да, и шabutной Максим очень, а дельце тонкое предстоит.

Пойдет капитан Воронцов, – решительно хлопнул ладонью по столу Фадеев, – не потому, что один как перст и плакать о нем некому будет, а потому, что он более спокойный и рассудительный.

– А почему Воронцов или Валов? – не сдавался Желудь. – Других, что ли, нет?

Пойдет Воронцов! – Фадеев повысил голос. – Всё, дебаты закончены, наше совещание тоже.

Глава 2. Семен Борордин

Старший лейтенант МГБ Семен Бородин пребывал в прекрасном расположении духа. Открыв окно служебного кабинета, он полной грудью вдохнул терпкий утренний воздух послевоенной Москвы. Только что проехавшая поливальная машина прибила пыль и в теплом майском воздухе появилась свежесть, как после дождя. Жизнь шла, как хорошо отлаженный часовой механизм, четко отсчитывая и отбивая мажорным звоном важные вехи и события.

Попав в армию после школы в 1940 году, Семен старательно исполнял приказы командиров и буквально «ел глазами» начальство. Будучи от природы сметливым пареньком, он тут же понял, что свою сообразительность и образованность в армии надо прятать подальше, не то сгинешь в нарядах, и служба медом уж точно не покажется. Родившись в Москве, в семье рабочих, Семен четко понял, что рассчитывать ему особо не на кого. В жизни придется всего достигать самому. Единственное, чем ему удружили родители – это своим пролетарским происхождением. Будь он каким-нибудь поповичем, или сыном интеллигентов, или даже выходцем из крестьян, разве добился бы он того положения, какое имел сейчас?

– С поповичами и интеллигентами все понятно, а крестьяне-то чем не угодили Советской власти? – спрашивал Семен армейского особиста.

– Любой крестьянин мог бы оказаться кулаком, дай им только волю и достаток. Сколько сил партия наша приложила, пока их, дерьмуков дремучих, в колхозы объединила, да объяснила, что так им жить вольготней станет, – объяснял молодому солдату зам. начальника особого отдела полка лейтенант НКВД Зубарев.

Антон Зубарев в полку был человеком уважаемым, а уж начальника особого отдела, капитана Швеца, боялся и сам командир части. Когда Зубарев и Швец шли по расположению полка, всех как ветром сдувало. Сначала Семен не мог понять, почему полковник прячет глаза, когда молодой лейтенант НКВД смотрит ему в лицо, да еще выговаривает за какую-то ерунду. Ну и что с того, что у этого сопляка НКВДешные петлички? Но вскоре Бородин уяснил, люди с такими петлицами шутить не любят, а от встречи с ними добра не жди.

Однажды в полк прибыл для дальнейшего прохождения службы орденосец, награжденный за проявленный в боях на озере Хасан героизм. Звали его Никита Седых, и он носил звание капитана. После представления у комполка, Никита решил проставиться новым сослуживцам. Капитан был холост и, на помощь жены в устройстве банкета рассчитывать не мог, поэтому гулял в столовой, где заблаговременно, силами дежурившего в тот день наряда по кухне, был накрыт стол с большим количеством выпивки и закуски. Боец Бородин в тот день находился в наряде и под чутким руководством повара-ефрейтора Гусевой, огромной свирепой бабищи, по прозвищу «Бомбовоз», доставлял на стол из кухни, быстро исчезающие закуски и напитки. После обязательных тостов за товарища Сталина, нашу партию и армию, а также конкретно за род войск – пехоту, к которой имел честь принадлежать их полк, официальная часть банкета была закончена. Изрядно захмелевшие отцы-командиры расслабились, разговор потек вокруг женского пола и коснулся жены лейтенанта Зубарева, Алены, гарной дивчины с длинной косой, уложенной вокруг головы, и нежным взором темных зовущих глаз. Жена у особиста действительно была, что надо. Она работала учительницей в городской школе и, Антон Зубарев иногда выходил встречать ее к трамвайному кругу, который был недалеко от КПП их части. Потом они вместе, минуя КПП, шли к трехэтажному дому, где жили офицеры с семьями. Очевидно, один из таких моментов узрел вновь прибывший орденосец капитан Седых.

– Красивая у тебя жена, лейтенант, – смачно выдохнув струю папиросного дыма прямо в лицо Антону, заявил Седых. – Мне бы такую заиметь, горя бы не знал. Да только все вашему

брату достается, и звания, и почести, да и бабы красивые тоже. Оно и понятно, пока некоторые сражаются, другие только политзанятия проводят, да девок валяют, скажешь не так?

– Извинись сейчас же, и при всех! – побелевшими губами вымолвил лейтенант.

За столом воцарилось молчание, пьяный треп смолк. Все ждали, что скажет комполка, но он, открыв рот, лишь переводил взгляд с одного офицера на другого и ошалело вращал глазами.

– Извиниться? Да пошел ты на...! Ты хоть раз в атаку-то ходил, в окопе сживал, из винтовки-то хоть раз стрелял?! То-то, и не стрельнешь никогда. Только доносы строчите, да ладно бы дельные, а то все из пальца высасываете, лишь бы перед начальством своим поганым выслужиться, да лишний раз о себе напомнить: Вот, мол, я тут, дескать, врагов народа выискиваю. Совсем с ног сбился, дайте путевочку в санаторий к морю съездить, геморрой полечить, который в кабинете, сидя на стуле, заработал! Вот вы все у меня где! – Седых показал огромный кулак и со всего маху стукнул им по столу. – Мне товарищ Сталин лично орден вручал в Кремле и руку жал. Понял?! А коль не понял, я тебе сей момент спесь собою, щенок! Пристрелю на хрен и весь разговор! – капитан рванул из кобуры, с которой не расставался даже во время застолья, наган и направил его на Антона. – Наградной, понял? Еще с Гражданской, я из этого нагана басмачей перебил, не сосчитать.

– Немедленно сдать оружие, Вы арестованы! – Антон смотрел капитану прямо в глаза, а глаза у Седых наливались кровью. Офицеры, сидевшие за столом, наблюдали за происходящим со все более нарастающим ужасом, не решаясь вмешаться.

Семен Бородин, тоже видевший эту безобразную сцену, сделал несколько шагов вдоль стены, находящейся за спиной Седых. В тот момент, когда палец капитана дернулся на спусковом крючке нагана, Семен, бросившись на бравого вояку, одним сильным движением рванул правую руку стрелявшего вверх, к потолку. Прозвучавший выстрел разнес вдребезги светильник, не причинив никому вреда. Еще через мгновение Седых, с выпученными глазами и пеной на губах, бился в припадке на полу офицерской столовой со стянутыми за спиной руками. Кожаный солдатский ремень Семена прочно фиксировал руки смутьяна. Мигом, прорвав тишину, всколыхнулся гул голосов.

– Что ж это такое?! Да он же психический, глядите, он же в припадке бьется!

– Надо немедленно доложить в штаб округа о недостойном поведении товарища капитана, – лепетал седоусый комполка с пьяным подобоострастием заглядывая в лицо НКВДешника.

– Завтра из командировки приезжает мой непосредственный начальник, капитан Швец, вот тогда и разберемся. Разберемся во всем, и в том числе, как в армии может служить человек, место которого в психбольнице! Почему рядовой оказывается расторопнее целой толпы офицеров, мы тоже разберемся. И как вверенная Вам часть дошла до такой жизни, мы тоже будем разбираться досконально, – четко, выплевывая слова, отчеканил Зубарев, – А сейчас вызывайте из лазарета двух санитаров с носилками. Пусть вкатят ему укол, уложат в койку, да приглядывают за ним. Арестовывать его нет смысла – он псих, и это видно всем. Да! Под голову ему что-нибудь положите, а то вон, уже затылок весь в крови, – отдал распоряжение Антон, стоящему перед ним навтыжку командиру части. – Вроде все! Ах, да, ты, Семен, со мной пойдешь, – кивнул Антон Бородину, все еще стоящему рядом с поверженным капитаном.

– Я на тебя давно внимание обратил, – Антон хлопнул Семена по плечу.

Они сидели на квартире лейтенанта. Жена Зубарева угощала их чаем с печеньем, которое приготовила сама. От того, что печенье было вкусное, хрустящее, чай – горячий и ароматный с какими-то травами, а жена у особиста красивая, Сеня разомлел и лишь согласно кивал головой, по ходу речи Зубарева.

– Надо тебе, Семен, в жизни определяться! Ты из Москвы, десятилетку окончил, происхождение у тебя что надо, самое пролетарское. Голова варит, хватки и расторопности тебе

тоже не занимать. Я за тебя, Семен, слово, где надо замолвлю, перевод тебе будет в дивизию Дзержинского, под Москву, там срочную дослужишь. А оттуда махом в училище по профилю поступишь. Выйдешь оттуда лейтенантом НКВД. А такой лейтенант, иного майора или полковника соплей перешибет. Особый отдел, это особый отдел, это, брат, понимать надо! Опять же по боевой и политической подготовке ты в отличниках ходишь, тоже тебе ни хухры-мухры! Ну, как, согласен? – лейтенант раскрыл перед Семеном коробку «Казбека».

– Так точно, согласен, товарищ лейтенант! Спасибо за доверие, – Семен взял папиросу. – А что, это лучше, чем, как мать с отцом на «Красном треугольнике» горбатиться, – подумал он про себя.

– Ну, вот и ладушки, считай, заметано. Ты, Семен, помалкивай о сегодняшнем происшествии в столовой, дело с капитаном этим, чокнутым, мы, я думаю, на тормозах спустим. По-тихому из армии уйдет, рапорт сам напишет, по состоянию здоровья, его и уволят на гражданку. А тебе, я думаю, два треугольника в петличку приколят и через месяц-два уже под Москвой, в Дзержинской дивизии плац топтать будешь. Вот так-то, друг! – лейтенант протянул руку, и Семен крепко пожал ее.

На утро приехал из командировки начальник Зубарева, капитан Швец. Через два дня Седых перевели из лазарета в окружной госпиталь, а еще через месяц, по-тихому, уволили на гражданку. Прощай герой, лечись, пей успокоительное. А Семен через два месяца, как и обещал Антон, был переведен в дивизию Дзержинского в звании младшего сержанта. А еще через полгода, по спецнабору, поступил в училище младшего состава войск НКВД, с благодарностью вспоминая лейтенанта Зубарева, задавшего ему такой грамотный жизненный вектор.

Глава 3. Василий Борзяк

Вася Борзяк сидел за столиком в ресторане «Встреча», уплетая шашлык по-карски и, запивая его красным грузинским вином. Сегодня он отмечал день рождения, ему стукнуло 25 лет. Дата эта была весьма условная. Василий не знал, ни когда он родился, ни где появился на свет. Даже смутно не помнил своей семьи. Отсчёт его жизни потёк с того момента, когда какой-то красноармеец, нашедший его на грязной лавке глухого полустанка, не поленившись, донёс, завёрнутого в тряпку ребёнка, до ближайшего сиротского приюта. Именно этот день стал его днём рождения, а имя и фамилия доброго красного воина, нашедшего его, стали именем и фамилией мальчика. Только вот клички, воровского погонялы «Шалый», тогда у него не было. Появилось оно в 13 лет, когда подросший пацан сбежал из опостылевшего детского дома, больше похожего на тюрьму для несовершеннолетних. А тогда шел 1921 год, жизнь в стране Советов начала потихоньку налаживаться, но в убогом среднерусском захолустье обездоленным сиротам жилось, ой как не сладко. Время от времени местные жители, подходя к щелястому некрашеному забору «Спецдетисправучреждения № 71», как официально именовался приют, протягивали детям кто булку свежее испеченного хлеба, кто яблоко, а кто и кусок сала. Детские ручонку хватали подачки быстро и отчаянно, ели, давясь, пока не отняли. Воспитатели не препятствовали подкорму. Сами еле сводили концы с концами.

Барак делился на две половины: в одной жили мальчики, в другой – девочки. Утром после завтрака проходили уроки. Потом обед, после него воспитанников вели на сельскохозяйственные работы в колхоз, расположенный неподалеку. Иногда возили в городок, где ребята трудились на ткацкой фабрике, помогая взрослым. Работа была тяжелая и не интересная. Мальчики еще справлялись, девочкам приходилось труднее. Они были слабее.

Вася был малым не робкого десятка, на рожон не лез, но и себя в обиду не давал. Жизненный принцип «Каждый за себя» был нарушен всего один раз, зато самым радикальным образом. Верховодил детворой здоровый 15-летний пацан Игнат по кличке Буйвол. На вид ему можно было дать и все восемнадцать. Родители его сгинули в молохе гражданской войны. Никто не знал, что с ними произошло, как они погибли. Игнат не рассказывал, а спрашивать у него боялись. Один раз, новенький мальчик задал этот вопрос и тут же был бит самым жестоким образом. По хваткам Игнат был каким-нибудь кулацким отпрыском. Так, по крайней мере, говорили о нем воспитатели. Вообще, этот детский дом, по большей части, населяли дети, родители которых чем-либо провинились перед советской властью и, на себе испытали лживость, сказанного через годы, утверждения: «Сын за отца не отвечает». Отвечает, еще как отвечает, и до конца жизни отвечать будет, а как родятся у него свои дети, так и они отвечать будут, и так далее до седьмого колена. И будут они изгоями в остальном светлом, ни чем не запятнавшем себя мире. Хотя ни в чем они не виноваты, но будут все время ощущать собственную неполноценность перед другими.

Васе приглянулась девочка Таня, она была на два года старше его, но выглядела моложе. Маленькая, затравленная, с вечно опущенными глазами. Ее часто обижали другие девчонки, во время обеда быстро хватали ее пайку хлеба, воровали сахар. Насмехаясь, называли блаженной, вареной. Таня не плакала, закрыв глаза, ждала, когда товаркам наскучат издевательства. Василь решил взять над Таней шефство. Во время ужина у Тани опять отняли хлеб и сахар, заставив хлебать жидкую пшенку через край миски. За столом девочек стоял жуткий визг и хохот, смотреть на сцену унижения сбежался почти весь детдом. Дежурившая по столовой воспитательница пыталась перекрыть визг десятков голосов, но не смогла, зайдясь в надсадном кашле. Василий подошел к веселящейся компании, отнял у Тани пустую миску, которой она пыталась заслониться от девчонок и, с маху надел на голову заводе этого мероприятия, глухо стукнув по дну посуды кулаком. Получилось впечатляюще – все разом замолчали. «Кого

еще уделать?» – вежливо поинтересовался Борзяк. Желаящих не нашлось. Потом Вася принес Тане со своего стола чай в кружке и кусок сахара.

– Давай Танюха, мечи резче, а я рядом постою, чтоб не отнял никто.

Таня, приняв пищу из рук Василия, благодарно посмотрела на него, улыбнувшись, наверное, первый раз за время пребывания в детском доме. Однако счастье было не долгим, через два месяца Таня слегла, она и раньше подкашливала еле слышно, будто вздыхала, как бы извиняясь за то, что своим кашлем приносит кому-то неудобство. А тут кашель стал нестерпимым, жгучим и страшным. Таню тут же увезли в больницу, принялись лечить, но все было тщетно. Василий так и не узнал, что с ней было, отчего она умерла, как вообще попала в приют. Он даже не знал ее фамилии, он помнил только ее имя и то вскоре забыл его, окончательно зачерствав душой. И было от чего. Буйвол-Игнат обзавелся подручными из вновь прибывших ребят, наглых, дерзких, вороватых. Учителя и воспитатели в большинстве своем женщины, сами побаивались такого дитяти. Встретит где-нибудь в темном углу, какой спрос с малолетки? Даже не посадят.

«Пока не прибил никого, упечь не имею права» – разводил руками участковый, который два раза вызывал Игната на беседы. Да только он плевать хотел на нравоучения и угрозы старших.

– Мне тюрьма как дом родной будет, чем наш приют не тюрюга? Да, я, считай с рождения уже сижу, подумаешь, с нар на нар перелегу, – гоготал Буйвол. – Гы, гы, гы, – вторили ему дружки. Компания издевалась над всеми подряд и, вот, дошла очередь до Василия.

Однажды у учительницы по математике украли кошелек с только что полученной зарплатой. Дело было не шуточное, нужда кругом, зарплата, и так мизерная, да и той женщина лишилась. А у нее дочка десяти лет, мужа нет, в гражданскую убили.

Старший воспитатель, решив отыскать пропажу устроил самодеятельный обыск. Ему надо было участкового вызвать, чтобы все чин по чину, да по протоколу, а он сор из избы выносить не стал. В тумбочке, возле койки Борзяка, он нашел красный учительский кошелек, без денег, естественно. Не разобравшись, напустился на Василия:

– Ах ты, сука, гад, бандитский выкормыш, у своих тыришь. Теперь без жратвы сидеть будешь, пока зарплату учительнице не вернешь, а там поглядим, что с тобой делать!

– Я ничего не брал, кошелек мне подбросили, – хмуро оправдывался Вася.

– А кто тогда брал, сучье племя?

– Не знаю я, вы власть, вы и ищите.

Учительницу обчистил Буйвол с подручными. Это знали многие мальчишки. Уже третий день Игнат сотоварищи хлестали по ночам водку на чердаке барака. По утрам, с помятой рожей и запахом перегара, попадался он на глаза учителям, но те молчали, старшему свои наблюдения не докладывали, как бы чего не вышло. В ту ночь Буйвол и еще два парня, спустившись с чердака, подошли к койке Василия. Вася проснулся от удара, нестерпимая боль пронзила тело, бить Игнат умел и любил.

– Завтра скажешь старшому, что это ты кошель подрезал, понял? Ты младше меня, тебе бояться нечего, а меня в случае чего отправят лес валить. Мне выпускаться скоро, я уже совершеннолетний.

– Ты же баздал, что ни тюрьмы, ни срока не боишься? Или уже зассал, дешевка? – Василий смотрел без страха, с усмешкой, – Ни хрена говорить не буду, сам выпутывайся!

Игнат рванул из сапога нож – Убью, пададь! – лезвие прошло по касательной, расцарапав кожу и порвав майку на плече Борзяка. Вася ударил Буйволу в лицо, но тот лишь отшатнулся, продолжая размахивать ножом, пытаясь попасть Василию в грудь или живот. Вася попятился к печке, что стояла в углу барака, рука нащупала кочергу и, в том момент, когда Буйвол бросился в третий раз, Борзяк обрушил на его голову удар кочергой такой страшной силы, что соперник упал замертво, не проронив ни единого слова.

Василий сразу понял, что Игнат мертв, но не испытал никаких чувств, ни сожаления, ни страха, ни облегчения. Так он убил в первый раз. Не мешкая, Борзяк быстро оделся, распахнул окно и, выбравшись в ночь, бросил через плечо товарищам: «Счастливо оставаться!».

К утру Борзяк дошел до станции и на перекладных добрался до Москвы. Тут и началась его новая жизнь. Вася прибил к шайке подростков, которые по вечерам грабили трудовой люд, идущий с работы по домам. Занятие это было малоприбыльное, народ богатством не отличался, зато опасное. С подростковой преступностью к тому времени Советская власть, в основном, уже покончила. Большинство малолетних преступников, осознав, что бузить и воровать занятия недостойные для юных строителей коммунизма, всюду учились или работали. Небольшая часть, не желающих изменяться бывших беспризорников, а нынче полноценных зеков, во всю обживала лагерные бараки.

Попав в первый раз «к хозяину», Василий смог сделать для себя один важный вывод, который стал для него основным. Блатные всех цветов и мастей, «политические», простые обыватели, которые попали за «колючку» по случайному стечению жизненных обстоятельств, все были разные, но пытались объединиться в какие-то группки, землячества и сообщества по интересам. Это все приводило к тому, что один раз отбыв срок, они вновь и вновь попадали в лагерь. Сама здешняя среда не давала им выбраться. Один сдавал другого, другой третьего, и так шло по кругу.

Василий решил ни к кому не примыкать, быть одиночкой намного тяжелее, зато ты никому не обязан. А подельников он будет выбирать себе сам, когда захочет и кого захочет. То, что он никогда не будет жить честно, как миллионных советских тружеников, Борзяк уяснил сразу. Можно неплохо прожить за счет других, используя свою силу, ловкость, изворотливость. Обманывать, грабить, убивать не возбраняется, надо только кумекать, как по-умному все обтяпать, да не попасться самому. А если посадят или убьют, что же, судьба такая, значит. Страх, опаска, жалость к ближнему и к себе самому навсегда покинули Василия. На смену им пришли наглость, дикая злоба и уверенность в собственной неуязвимости.

На каждое новое дело Василий шел или один, или с напарником, которого выискивал на воровских малинах или вокзалах среди праздно шатающихся по улицам подозрительных личностей, коих в избытке в любой исторический период, при любом режиме. Один раз, взглянув человеку в лицо, Борзяк тут же довольно точно определял, на что способен «фрукт», будет ли от него толк в том мероприятии, что было задумано. Надо сказать, что Василий никогда не ошибался, ну, или почти никогда. Верный раз и навсегда заведенному правилу, обчистив квартиру, брать только деньги и драгоценности, которые легко умещались в элегантный портфель из черной блестящей кожи, Василий с подельником покидали «поле боя». Респектабельно, не торопясь, шествовали они, покачивая легонько портфельчиками, ни дать ни взять, служащие среднего звена. Борзяк любил надеть коверкотовый френч полувоенного покроя и водрузить на нос очки. Товарища одевал скромнее, тужурочка, шапочка пирожком, уголовную физиономию можно заретушировать мешанской бородкой а-ля бывший приказчик табачной лавки. Даже если кто, что и заметил! Кого видели? Да кто его знает, проходили двое, видимо из интеллигентов, один в очках, портфельчик нес, второй с бородкой. Шли, неспешно беседу вели, да по всему видать, случайно здесь оказались, то есть никаких подозрений не вызвали. Вещи, картины, громоздкий антиквариат Василий никогда не брал, навару на копейку, а шуму на сто рублей. Такие вещи легко узнаваемы, а значит легко проследить, откуда взялись. Другое дело – золотишко. Драгоценности Василий прятал или сдавал нескольким барыгам. Они переплавляли рыжье на безликие слитки, вынимая камни, сбивали авторскую огранку. Цена, понятное дело, сильно падала, зато риска влипнуть практически никакого. После реализации товара Борзяк отчислял подельнику его долю и больше никогда с ним не работал. Принцип есть принцип. Подельник тоже знал, что акция одноразовая, и не искал потом Шалого. Свою же долю, Вася отвозил в Подмосковные Мытищи, где в погребке одного из домиков оборудовал тай-

ник. В домике одиноко жила женщина лет пятидесяти. Она была слаба здоровьем, частенько болела, получала копеечную пенсию по инвалидности. Сын ее, худосочный студент-очкарик, учившийся в Москве на врача, тоже требовал финансовой подпитки. Так, что деньги, которые ежемесячно платил ей Шалый, были отнюдь не лишними. Женщина не задавала лишних вопросов, а Василий радовался, что так надежно поместил свой капитал.

Через какое-то время Борзяка стали посещать мысли, что жизнь, которую он ведет в данный момент, слишком суетна и сильно его выматывает. Ведь это только кажется, что «бомбить фатеры» – дело плевое. Как бы ни так, это, если ты фраер лопухий, работаешь кое-как и абы-где. Это недоумки, да вахлаки лезут, куда ни попадя, вышибая дверь ударом ноги, а потом, схватив по пятерке на рыло разлетаются чайками по лагерям и тянут срок за копеечный навар. Шалый же бомбил по-другому, можно сказать, используя всю географию нашей обширной Родины. Выбирая какой-нибудь, более-менее крупный город, Василий, прибыв на место, начинал шататься по центру города, где располагались крупные учреждения. Делая вид, что осматривает достопримечательности, Борзяк примечал какого-нибудь важного фраера, неспешно возвращающегося со службы после трудового дня. Достаточно пристроиться объекту в корму и проводить до дома, отследив подъезд, а по зажигающимся окнам определить номер квартиры. Все, на следующий день можно было бомбить. Фраер повалил на службу, а Василий к нему на хату. Надо лишь с утра пораньше отследить уход жильца, а после, позвонив, или постучав в дверь, действовать по обстановке, если никто не открывал, можно смело вскрывать берлогу и потрошить. Если же открыли, нужно быстро прорезать ситуацию. Если дома старуха, дед или женщина – один удар кастета и, все готово дело, чисти на здоровье, если же здоровый бугай или два – дело тухлое, придется стрелять, маленький браунинг всегда с собой, ни разу не подводил, выстрел не громкий, что очень удобно. Правда, если открывали дети, Шалый говорил, что ошибся квартирой и ретировался.

Обычно, прибыв на гастроли, Шалый намечал двух-трех терпил и, чистил их по одному и тому же сценарию за один день. Забрав деньги и драгоценные украшения, шпарил на вокзал и валил в родные пенаты. Деньги брал себе, драгоценности сбывал барыгам. Приемщиков у него было пятеро. Двое жили в Москве, один – в Клину, один – в Омске и один – в Ялте. Шалый старался сдавать им товар строго по очереди. Так надежней получалось, не слишком часто, мозолить глаза он не любил. Самые любимые места Борзяка были города ударныхстроек объектов народного хозяйства, где возводились корпуса заводов и фабрик. Там народ получал большие зарплаты, накапливал трудовые рубли на последующую счастливую жизнь. Понятное дело, труженики несли отложенные деньги в сберкассы, складывая их на сберегательные книжки, чаще всего на «предъявителя». Счет получался обезличенным, потеря книжки оборачивалась потерей денег. Зато, обналичивая деньги со сберкнижки, паспорт можно было не предъявлять.

Как-то Шалому в руки попал скучный журнал, не понятно для кого выпускавшийся. Назывался он «Вестник пятилеток». Вперемешку с рапортами и отчетами об успехах советских тружеников, попадались статейки о банковских услугах населению. Ненавязчиво объяснялась политика Советского государства, ведущего свой народ к светлому будущему. Оказалось, что по статистическим выкладкам за текущий год, население СССР больше всего доверяло именно обезличенным вкладам «на предъявителя». На самом деле такая любовь советских трудящихся к этому способу накопления была вполне объяснима. Пытаясь скопить на что-нибудь мало-мальски ценное, люди откладывали часть своей зарплаты на обычный вклад. Через некоторое время, когда на счету скапливалась более-менее приличная сумма, вкладчику начинали поступать предложения от различных общественников, трудившихся с ним бок о бок. Предлагалось купить марок «ОСВОХима», скинуться на мелиорацию земель Узбекистана, в добровольно-принудительном порядке сделать посильный взнос в кассу заводского комитета. Наиболее сообразительные граждане сразу догадались, что информационный вете-

рок дует от служащих трудовых сберкасс, регулярно снабжавших администрацию предприятий сведениями о состоянии финансовых счетов их работников. Попробуй, не дай на нужды армии и флота, не помоги деньгами братьям-узбекам орошать земли, сразу будешь наказан. Прямо тебе никто ничего не скажет, однако, очередь на получение жилья отодвинется на неопределенный срок, путевку в санаторий отдадут кому-нибудь другому, а о повышении производственного разряда, а значит, и зарплаты забудь навеки вечные. А все из-за того, что, скопив кое-что, человек превратился в куркуля-накопителя. Смекнув, люди перестали доверять свои деньги сберкассам, предпочитая копить честно нажитое в кубышке или под матрацем. Государство, увидев, что поток народных средств иссяк, приняли мудрое решение ввести вклады «На предьявителя». Фамилию никто не спрашивал, рабочий люд вздохнул свободнее и понес свои трудовые копейки обратно в кассы, но уже на других условиях. Поэтому, популярность этих вкладов у населения была вполне объяснима.

Эта тема так понравилась Шалому, что он тут же отправился в славный город Челябинск, где всю строилось несколько крупнейших заводов союзного значения. Правда, поголовье передовой молодежи, ударно трудящейся на стройках народного хозяйства было щедро разбавлено зеками, которые работали бесплатно. Город и пригород были напичканы рабочими общежитиями. План Шалого был прост. С фанерным чемоданчиком, одетый по-простецки, в телогрейку да поношенные солдатские галифе, Василий вваливался о общежитие, громогласно вопрошая:

– Это общежитие строителей «Мехзавода № 17»?

– Да, – отвечала вахтер, бабушка – божий одуванчик.

– Фу, наконец-то нашел! Я к другу приехал, к Витьке, он в вас тут на втором этаже обретается, мы вместе в армии служили, он в письме мне писал про строительство, звал к себе на работу, устраиваться, значит.

– А, Витька? Как же, знаю такого, Фомин из 12 комнаты. Только его сейчас нет, на смене он, придет вечером, после восьми. Ты, тоже нашел, когда заявиться. Утро, ведь, сейчас, все на работе...

– Хорошо, забегу вечером.

Всё, информация получена, можно уходить. Через день-два можно являться вторично, уже по делу. Нужно только видоизмениться, совсем малость, поверх телогрейки напялить куртку-спецовку, сунуть в карман какой-нибудь ключ, на плечо – холщовую сумку, якобы с инструментами, на самом деле там лишь несколько старых газет, да кусок пакли-подмотки, торчащий наружу чуть ли не на полметра. Чтобы было заметно, мастерской человек явился, не бездельник какой. На нос – очки нацепить, в угол рта – чинарик потухший, за ухо – карандашик, а в руки – бланк какой-нибудь мятый, перемяты, жирными отпечатками трудовых пальцев запачканный.

– «Челябинскгаз», колонки газовые осматриваем, починяем, если что в поломке находится. Вот мои документы – Пупкин Иван Иванович, мастер ремонтного участка № 2, – и корочки, липовые, естественно, вахтеру – в нос, читай мол, если грамотный. Вахтер, конечно, корочки возьмет, к глазам подслеповатым поднесет. А что он там прочтет-то? Печать расплывчатая, наличие фотографической карточки владельца удостоверения не предусмотрено. Документ, как документ, чего его изучать?

Василий вопросик еще провокационный подбросит: «Может газовое оборудование в полном порядке и в починке не нуждается? Тогда, может, вместе с вами пройдем, по месту осмотр быстро сделаю, прямо при вас? Потом вы мне наряд-заказ подпишите, да и пойду я, мне еще в столько учреждений успеть надо, что голова кругом идет.»

– Ха! – думает вахтер – кучеряво жить парень хочет. Как это, починять нечего? Ишь, размечтался, зря, что ли ему государство зарплату регулярно платит? Нет, дружок, давай-ка отработывай! У нас зазря денег не платят.

А вслух и говорит Васе: «Как это «осмотрим по-быстрому, да и все»? У нас по-быстрому не получится. Вон на втором и третьем этажах колонки воду плохо греют. Народ после смены помыться толком горячей водой не может, еле теплая из крана идет. А при такой помывке и застудиться недолго, а потом на бюллетень усесться. А это, друг ты мой ситный, и работяге горе – разболелся человек, и государству нашему советскому убыток получается. Кто план давать будет, а? Так, что давай, ключик в зубы и ремонтируй. Да чтоб сделал, как положено! Я потом приду, обязательно проверю, краник открою, воду пушу, да пальцем шупать буду – хорошо ли струя нагревается? А потом, еще коменданта общежития вызову. Пусть от тоже проверит. А вот после этого, мы тебе твои бумажки подпишем, можешь не волноваться». Говорит вахтёр со значением, довольный собой.

«Пусть гость сразу уяснит, кто здесь власть. Пусть узнает, что нас на хромой козе не объедешь, пусть почтение имеет и обязанности свои исполняет с усердием. Так вот», – думает вахтер уже про себя и отравляется вниз, за свой столик, чай пить да радио слушать. У каждого свои обязанности.

Шалому же только этого и надо. Открыв для виду помещение, где установлены нагреватели, бросит на пол ключ, кусок подмотки, вентиль какой-нибудь, который тоже заботливо принёс с собой. Всё! Рабочая обстановка. Можно воды из крана на пол слегка ливануть, тоже хорошо, вид создавать помогает. Первый этап окончен. А теперь, Васёк, за дело! Пулей по комнатам! Но не по всем. Сначала стукнуть в дверь надо, вдруг кто не на работе? Занемог там, или еще что-нибудь. В общаге жилец остался. Тогда у Шалого вопрос:

– Как колонка газовая работает, как напор воды? Какие еще замечания имеются? – выслушал Вася, если жилец чего-нибудь сказать имеет и все, дверь закрыл, дальше побежал. Двери в комнатах такие хлипкие, а замки такие плевые, что скрепкой канцелярской открываются. Дверь открыл, вышел, осмотрелся. Все ясно: первым делом смотрим под кровать. О! Чемоданчик фанерный, вскрыли – пусто! Ничего, время терпит, замок хлипкий Вася за собой прикрыл. Если кто покажется, всегда рывок сотворить успеет. Вторым номером нашей программы – шкаф одежный, встроенный в стену. Открываем! Быстро карманы одежки хозяйской обшариваем. Есть! В подкладку, мудрецы, деньги закатать додумались. Целую пачку наличных Шалый обнаружил. Неплохо! Наверное, на домик, где-нибудь в укромном местечке работяга копил. Ничего, у нас вся страна – дом родимый. Дальше в белье нужно смотреть. Пусто. А вот в столике, прямо в ящике лежат себе пара книжонок сберегательных. На предъявителя, как водится. Денег не так много на них, копейки трудовые. А все равно берет их Борзяк, не гнушается. Ещё две-три комнатухи и хватит. Деньги наличные на карман складывать, а вот с книжками в сберкассу срочно скакать надо. В каждой книжке указаны не только счёт и номер сберкассы, а и городской адрес. Всё для удобства вкладчика. Пара-тройка часов уходит на то, чтоб прогуляться по сберкассам, собрать деньги с книжек и ходу на вокзал. Купив билет на ближайший поезд до Москвы, Шалый отправляется в вокзальный ресторан отметить дело. Естественно, облик его после набега на общежитие кардинально изменился. Будут искать какого-то очкарика в ватнике и треухе. Сейчас же ожидает поезда молодой, хорошо одетый пижон, без очков и усов.

Иногда, собираясь на дело, Василий прикидывался водопроводчиком, телефонистом, страховым агентом, пожарным инспектором. А однажды, директору потребкооперации одного украинского города представился журналистом газеты «Социалистическая Родина».

– Прибыл писать о вас очерк. Очень вы умело хозяйствуете. Лично товарищ Микоян имеет на вас виды. Такие кадры в Москве, нужны, в столице. Очевидно, после выхода материала в печать получите предложение оттуда, – Борзяк многозначительно поднял глаза вверх и с почтением покивал головой.

Хохол долго изучал «редакционное удостоверение», но липа была сработана на высочайшем уровне. Шалый работал с «ксиводелом» высокого класса. Старик «лепил» всё, начи-

ная с бланков командировочных удостоверений, кончая паспортами. Мог изготовить даже удостоверение сотрудника милиции. Работа велась через проверенных людей и стоила довольно внушительных денег. Изучив «ксиву», директор сунул нос в командировочное удостоверение. Посопев, поднял трубку телефона.

– Товарищ! Дайте Москву! Газету «Социалистическая Родина»! Жду! – пробасил директор.

– Газета «Социалистическая Родина», – ответил женский голос на другом конце телефонной линии.

– Вас беспокоят из города Брилёво. Ваш корреспондент, товарищ Звирский сейчас должен находиться в командировке в Брилёве?

– Да, Звирский действительно сейчас в командировке, но, где он, в Брилёве или в Казани, я вам сказать не могу, не имею на то соответствующих полномочий. Всего доброго. – Отбой.

Василий весь диалог прослушал с обиженно-брезгливым выражением лица, ничуть не волнуясь. Вот точно так же несколько раз и он беспокоил сотрудников газеты. Ответ всегда был один и тот же. Никто никакой информации не даёт. Не те времена. Кругом полно шпионов, враги народа на каждом шагу! Но даже такой ответ хохла успокоил и, он, притащив бутылку коньяка, организовав закуску, тут же принялся потчевать московского гостя, от которого, в какой-то мере, зависела его дальнейшая судьба и карьера. Выпив рюмочку, Борзяк откланялся, сказав, что интервью состоится завтра. На следующий день директор выгнал наготовившую снеди жену за час до прихода корреспондента.

«Ну, зачем москалю смотреть на эту старую калошу? Мало того, что в дверь не пролезает, так еще глупа как пробка. Женился в свое время сдуру. Дети теперь выросли и разлетелись из гнезда, а он с этой клушей до смерти обречен куковать. Разведёшься, можешь поста лишиться, наверху пришьют моральную неустойчивость, век не отмоешься. Любовница, конечно, есть, Катенька, секретарша в конторе, красавица писанная, да и язык за зубами держать умеет. Можно, конечно, пригласить ее с подружкой. Интервью это, чертово, закончится, нужно же поужинать красиво, да и гостя ублажить не помешало бы – от него многое зависит. Газета серьезна. Заинтересовались им, наконец, труды его даром не пропали. Пахал, как вол, мотался по всей области, отрасль укреплял. О себе, конечно, тоже не забывал, что ж он дурак, что ли? А все ж таки не тот масштаб, провинция здесь. Другое дело – Москва, столица нашей Родины. Какие возможности, какие перспективы открываются! Посадить, правда, тоже могут, вон, как головы-то летят. Но то за политику. А он за Советскую власть глотку перегрызет, в случае чего. Так и надо этому хлыщу московскому выдать – партия для меня, мол, на первом месте, а личное – на сто первом. А баб этих не стоит звать, еще неизвестно, что москвич в газете напишет о таком приеме, еще развратником, бабником выведет. Нет, бережённому – бог бережёт. Сам принимать буду, авось не обидится» – думал деятель потребкооперации, в который раз производя смотр батареи бутылок, стоящей на столе.

Но встреча прошла совсем не так, как представлял себе кооператор. Едва начав беседу, московский гость резко оборвал, начавшего заливаться соловьем торгаша, задав вопрос, который тот никак не ожидал услышать от журналиста:

– Михаил Остапович, где вы прячете деньги и ювелирные украшения жены?

Михаил Остапович поперхнулся, закашлялся, водка полилась через ноздри на богато сервированный стол. Он всё понял, его провели, как последнего пацана, никакой это не журналист, это урка, жиган, сейчас он будет грабить его, а потом, получив деньги, ухлопает, как пить дать, ухлопает. А может попытаться напасть на урку, схватить бутылку, разбить об угол стола и резануть розочкой по горлу, по ставшей вдруг, в одно мгновение, ненавистной морде. А потом заорать во всю глотку, может быть соседи допрут, что здесь что-то происходит и вызовут милицию.

– А что милиция? Вы что от милиции, да и вообще от власти какой-то помощи ждёте? – незнакомец как будто читал его мысли, голос его звучал издевательски спокойно.

– Напрасно, власть вам не поможет, Вы же эту самую власть и обворовываете, причем в особо крупных размерах, как я погляжу. А ведь у вас, любезный, дети. Дочь студентка, на врача учится. Сын, художественное училище окончил. Подает надежды, может из него хороший живописец выйдет? Даже скорей всего выйдет, с твоей-то финансовой поддержкой молодое дарование окрепнет гораздо быстрее. А вызовешь милицию... Ведь я у тебя возьму деньги, заметь, не все, часть тебе останется. А они дадут тебе срок, посадят ведь тебя за воровство и должностные преступления, а богатство твое, которое ты все это время нечестно наживал, просто конфискуют. Вот и останешься ты при пиковом интересе. Мало того, что гол как сокол станешь, так еще и в лагерь отправишься, а семья твоя опозорена будет. До конца своих дней ни сын, ни дочь, ни жена не отмоются. Да они тебя все ненавидеть будут, как же, папаша вор, всю жизнь им испортил. А вас, Михаил Остапович, в лагере обязательно удавят. Там такие, как вы там не в почете. Знайте это. Ну, так как? Будем в милицию звонить?

Не будем никуда звонить, – откашлявшись, устало молвил деятель кооперативного движения. – Возьми нож со стола. Подними третью, четвертую и пятую паркетины, видишь, там тайник? Забирай всё к чертовой матери и катись, глаза б мои тебя не видели!

Шалый внимательно осмотрел добычу, денег было намного больше, чем он ожидал обнаружить, так же имелись сберкнижки на предъявителя, естественно. Он сразу обратил внимание, что суммы разложены в разные сберегательные кассы города. Не дурак кооператор-то, хорошо шифруется. Сумма на книжках тоже была гигантской.

«Нужно половину получить, если больше снимать, подозрительно может показаться, спалиться можно. Ладно, черт с этим Михайлой, пусть радуется» – Василий отделил половину стопки сберкнижек и бросил на стол перед торгашом:

– На, держи, буржуй советского разлива, я не жадный.

Михаил Остапович продолжая хлопать глазами, тяжело дышал.

– Так, теперь последний этап операции, – меж тем продолжал Борзяк. – Ты почему «рыжьё» зажал, гражданин хороший? Давай, колись, а то пальцы сейчас начну ломать, ну!

– Шкаф платяной у стены открой, – еле лепетал Михаил Остапович. – Там на задней стенке фальшпанель установлена, отодвинь её. Забирай всё, только жизни не лишай.

– Ладно, мочить тебя не стану, хотя стоило бы. Детей твоих пожалею. А ты, не рыпайся, сиди тихо, забудь, что я у тебя побывал. В случае чего, и дочь твою и сына закопают так, что и следа от них не останется. Понял?

– Понял.

– То-то. И запомни, мне срок по любому меньший, чем тебе будет. Потому, что я чищу частных лиц, а ты грабишь государство. А за государство всегда больше карают.

Борзяк аккуратно сложил добычу в портфель и, попрощавшись, вышел. Прибыв на вокзал, Шалый купил билет до Москвы. Он взял купе и, сразу, получив белье, залёг спать. Портфель он, нимало не опасаясь, пристроил в головах. В купе он ехал в гордом одиночестве, что его очень устраивало. Борзяк возвращался в Москву, домой с гастролей, оставшись довольным собой и взятым кушем. Проснувшись, и, выпив душистого чаю с лимоном, он с удовольствием прокрутил в голове события истекшего дня. Ловко он обставил зарвавшегося торгаша, Михайлу Остаповича. Можно быть стопроцентно уверенным, что никуда жаловаться он не побежит, а постарается забыть о визите московского «журналиста». Можно было бы, конечно, прямо сразу ухлопать этого деятеля, итог был бы один и тот же. Но к чему пальба, когда можно изящно и непринужденно вынудить его отдать несправедливо нажитое.

Прибыв в столицу, Борзяк, прямо с поезда отправился в Мытищи. Там, верный своим привычкам, запрятал часть добычи в тайник. Лишь только после этого он двинулся домой, на Сивцев Вражек, где в коммунальной квартире коридорного типа занимал маленькую комнатку.

Отоспавшись, и подкрепившись купленными в Елесеевском гастрономе деликатесами, Борзяк запил это великолепие марочным вином. Пиршествовал он в комнате, а не на общей закопченной и благоухающей мало аппетитными ароматами кухне. Ни к чему соседям знать, как он питается. Для всех, он скромный экспедитор, часто, по служебной надобности, уезжающий в краткосрочные командировки. На самом деле, Борзяк в своей жизни не работал ни дня. В конторе же, где он числился, Василий появлялся раз в месяц, расписывался за зарплату, отдавая ее полностью жуликоватому старшему экспедитору, подчиненным которого формально и являлся. Тот был и шофёром и сопровождающим грузов, хотя подобное совмещение было запрещено должностной инструкцией, хитровану с легкостью удавалось обходить все предписания и инструкции, получая две зарплаты, собственную и Василия. Борзяк же тоже был доволен. В Москве прописан, жилплощадь есть, работа тоже имеется. Чего ещё желать?

Впрочем, одна мечта у Борзяка все же появилась. Он возжелал иметь домик у Черного моря. Вася начал мечтать о нем сразу, как оказался в Ялте. В первый же день, приехав в этот замечательный город, Василий понял, что хочет здесь остаться, не навсегда, конечно, но на время. Как человек неглупый и практичный, Вася понимал, что жить нужно в Москве, в столице. Там кипит жизнь, бьется пульс огромной страны, а в Ялте нужно отдыхать, отдыхать душой и телом, купаться, загорать, принимать воздушные ванны. Дома и большие и поменьше здесь продавались. Но все было настолько дорого, что даже Васиных капиталов хватило бы разве, что на собачью будку. Здесь имели дачи знаменитые артисты, художники, выдающиеся ученые и военачальники, а также темные личности различных мастей, которые пытались «косить» под советскую элиту и получалось это у них довольно успешно.

Тут же, в Ялте Шалый «обнес» дачу известного артиста. Навар был небольшой, артист, похоже, большую часть денег с шиком проматывал, но кое-что Борзяк все же прихватил. Денег могло бы хватить на шикарный отдых, но в тот же вечер, ужиная в местном ресторане «Крымский берег», Борзяк свел знакомство с очкастым инженером, за одним столиком с которым оказался. Инженер, сверкая очками и промокая лысину платком, с восторгом живописал прелести экскурсионной поездки по окрест лежащим поселкам. Осмотр местных достопримечательностей настолько вдохновил инженера, что он тут же предложил Василию выпить за знакомство. Очкарик, заказав бутылку дорогого вина и, угостив Василия, принялся рассказывать о себе. Оказалось, что знакомец имеет честь трудиться на огромном машиностроительном заводе в Свердловске. А сейчас находится на лечении в санатории «Лазурный». Кроме всего прочего, инженер сообщил, что во время отпуска, в свободное от процедур время, присмотрел себе небольшой домишко. Правда, дачка маленькая, зато от моря недалеко и стоит не так дорого. Шалый тут же наострил уши. Цену инженер сообщил такую, что Василий присвистнул.

– Хорошо же у нас инженеры на уральских заводах получают, если для них такая цена маленькой дачки считается недорогой, – подумал Шалый.

Инженер порядком накачался, после бутылки вина они выпили графинчик коньяку, а закончили водкой. Уралец пьяно вздыхал, постоянно протирая стекла очков.

– Скучно вот только здесь по вечерам. Днем процедуры, на пляж можно пойти. Оркестр на набережной играет, дамы туда-сюда дефилируют. А сейчас чего? Танцверанда закрылась. А время детское, одиннадцать вечера всего натикало. Может, в картишки перекинемся? – вяло поинтересовался инженер.

Василий уставился на нового знакомого с явной издевкой.

– Во что играть будем, извините, в дурачка подкидного на шалабаны? – сказал Борзяк, а сам подумал, – Во, очкан распалился, может обуть его, тепленького? Сам ведь просится, интеллигент хренов.

– Зачем же в дурачка, да еще на шалабаны, – обиделся инженер. – Играть будем хоть в преферанс, хоть в буру, хоть в очко. А насчет шалабанов, увольте, солидные люди на инте-

рес играют. Финансы имеются, вот, – совслужащий достал из внутреннего кармана пиджака и потряс перед Васиным носом увесистой пачкой ассигнаций.

Василий в лагерной жизни не претендовал на звание каталы-профессионала, но поигрывал и, весьма неплохо это у него получалось временами.

– Когда только этот «лох ушастый» в буру да в очко выучиться играть успел? На партсобраниях, что ли, они на заводе своем упражняются? – успел подумать Борзяк. Но мысль эта, едва возникнув в разомлевшем от алкоголя и вечерней курортной неги, мозгу, тут же упорхнула. На место здравой рассудительности пришла опьяняющая и всепоглощающая жадность, желание по легкому завладеть довольно внушительной суммой, которую Василий намеревался «откатать» у уральца. Играть решено было в номере у инженера.

Уральский интеллигент достал из ящика стола нераспечатанную колоду и предоставил право открыть коробочку сопернику. Тот вскрыл, сбросил оберточную бумагу, пробежал привычно пальцами по рубашкам карт. Крапа не было, колода была чистая. Но, что-то все же беспокоило Шалого. Хотя видимых причин для беспокойства не было.

Началась игра в буру, инженер отдал первые четыре партии. Вася довольно крупно выиграл, но радости от этого не испытал. Наоборот, он ясно осознал, что его «катают». Инженер трезвел на глазах. Пятую сдачу отыграл уралец. «Хотя, какой он к черту уралец, – подумал Борзяк, – шулер, катала типичный. Как же я так оплошал?». Соперник начал выигрывать партию за партией. Василий не мог даже понять, как он передёргивает карты. Казалось, что идет честная игра. Но этого не могло быть, у Василия на выигрыш не было ни единого шанса, катала был высочайшего класса. Раньше Борзяку таких встречать не доводилось. К моменту, когда дверь номера открылась и, в комнату вошли трое мужчин, Шалый, проигравший всю, имеющуюся у него наличность, угрюмо взглянул на вновь прибывших. Он здорово влип, это было ясно, но неясно было, как теперь выпутываться....

– Наше вам с кисточкой, – один из вошедших полный, хорошо одетый мужчина небрежно махнул рукой катале, – отдыхай, ты свое дело сделал, баклана в западню заманил.

Борзяк внимательно присмотрелся к полному. Лет под пятьдесят, лицо рыхлое, дряблое, волосы длинные, как у попа. Левая ноздря порвана, срослась неправильно, шрам идет по всему носу. Толстяк ухмыльнулся, обнажив золотые зубы и, побарабанил пальцами по столу. На правой руке незнакомца отсутствовал мизинец. Он расстегнул верхнюю пуговицу рубашки и, на шее показался красный рубец.

– Паша-Ломовик! – пронзила Василия страшная догадка. – Бандюга с дореволюционным стажем, каторжанин, убивший за свою жизнь людей больше, чем он, Борзяк, папирос выкурил.

Борзяк слышал о «подвигах» Ломовика. Работал Паша под ломового извозчика. Выезжал на дело всегда один, одетый в рваный армяк и треух. Подъезжал к бойкому месту, где толпился торговый люд. Базары, лабазы, вокзалы были излюбленными местами Паши. Подряжаясь вести товар, он никогда не торговался, создавая впечатление сговорчивого простака, соглашался на цену, которую предлагал за работу купчик. Погрузив на подводу товар, Ломовик завозил клиента в укромное местечко, где безжалостно убивал и вычищал карманы жертвы. Товар же Паша сбрасывал по смехотворным ценам знакомым барыгам. Царская полиция сбилась с ног, разыскивая неуловимого бандита. Десятки переодетых под мелких торговцев агентов охраны напрасно ловили на живца Пашу. Обладая поистине звериным чутьем, он обходил все ловушки.

Взяли его случайно. Напившись в гостях у знакомой проститутки, Паша потерял бдительность и выболтал публичной девке правду о своих подвигах, подкрепляя рассказ демонстрацией огромного количества имевшихся у него банкнот. Проститутка, позарившись на обещанную полицмейстером Москвы крупную награду, сдала Ломовика властям. Власти определили его на пожизненное каторжное времяпрепровождение. Перед самой революцией Паша с каторги сбежал и, ничуть не теряясь, возобновил свою деятельность. Теперь Ломовик орга-

низовал банду уличных извозчиков, грабивших и убивавших без всякой жалости своих пассажиров.

Приход к власти большевиков только подогрел Пашины аппетиты. Новым властям стоило немалых трудов вновь упрятать Пашу на нары, но срок на этот раз вышел ему небольшой. Большевики посчитали Ломовика жертвой царского режима и попытались наставить на путь истинный неисправимого громилу и убийцу. перевоспитать Ломовика не удалось, но, выйдя на свободу, Паша стал действовать более осмотрительно, переключившись на оргабления зажиточных граждан страны Советов.

– Ну что, Шалый, ведь так твоя кликуха звучит? – Ломовик достал из кармана добротного пиджака пачку дорогущих папирос «Левадия». – Наслышан я про тебя. Сказывают, ты большой мастер квартиры потрошить. Так, нет?

– Ты и сам, я вижу, хаты обдёргивать начал, раз у меня совета спрашиваешь, – нагло ответил Борзяк, смотря прямо в глаза Ломовику.

– Хамишь, паря, – Ломовик шелкнул пальцами, – Дрын, поучи его хорошим манерам.

Один из мордovorотов, пришедший с ломовиком, в момент подскочил к Шалому и ударил того в грудь. Дыхание перехватило, бешено вращая глазами, Борзяк упал со стула на ковер, украшавший пол гостиничного номера.

– Завтра утром пойдёшь в дом, который я укажу, и обдернешь его под орех. Там и деньги, и драгоценности, и валюта иностранная имеется, – продолжал меж тем Ломовик. – Припрёшь всё мне, долю получишь свою и мотай на все четыре стороны. Всего и делов.

– Раз деньги, драгоценности и валюта имеются, значит, это общак местный, – в раз просек Борзяк. – Меня потом тутошние жиганы по кускам порежут.

– Выхода у тебя, Васёк, нет, – Ломовик хихикнул, – будешь в отказку лезть, я тебя в раз в бушлат деревянный одену.

Бандит налил себе в рюмку коньяку и, не торопясь выпил, достав из кармана наган, положил перед собой на стол.

– Мне, Шалый, терять нечего, я в бегах, мусора мне в спину дышат. Вот я в Крым и подался. Людишек здесь сейчас полно, затеряться легко. – Ломовик вставил в рот папиросу и замер, ожидая, когда шестерка поднесет ему огня.

Дрын, почтительно согнувшись, чиркнул спичкой. Второй, как изваяние продолжал сидеть в углу, посматривая в окно, на вечернюю панораму города.

– Пора, второго шанса не будет, – Борзяк в прыжке бросился к лежащему перед Ломовиком нагану. Бандит, сидевший в углу, попытался вскочить и перехватить его руку, но пуля, выпущенная Борзяком сразила его наповал.

– Ах ты, сука, – взревел Паша-Ломовик и, это были его последние слова. Борзяк выстрелил ещё и ещё раз. Ломовик и оба его халуя были мертвы.

– Бежать, – думал Борзяк. – Нет, нужно хлопнуть картежника, он не выходил их номера. Наверняка слышал в разговоре мою кличку и вложит меня легавым.

Борзяк метнулся в ванную, заперто. Василий рванул дверь.

– Помогите! – истошно заорал катала, прятывшийся в ванной.

– Стой, где стоишь! Руки в гору! – дверь в номер с треском слетела с петель.

В проёме, сжимая в руках пистолеты, стояли двое в милицейской форме. Из-за их спин с интересом выглядывал невысокий человек в штатском.

– Пока ты стрелял только в бандитов, – штатский оттеснил обоих милиционеров и бесстрашно подошел к Борзяку. – Я – заместитель начальника местного угро, майор милиции Коваль. Если аккуратно положишь наган на пол, будешь жить, если выстрелишь в кого-либо, сдохнешь, выбирай сам. Считаю до двух.

– Ша! Сдаюсь я, как есть сдаюсь, – торопливо проговорил Борзяк, аккуратно складывая к ногам Ковалья оружие.

– В машину его и в отделение, – приказал Коваль милиционерам.

Те спокойно взяли Шалого под белые руки, и повели к воронку.

Пожилой следователь, ведший дело Василия, особо не возился. Подследственный не запырлся, убитыми были личности, плевавшие на закон с высокой колокольни. Суд был спорным, приговор оглашён был, как и ожидал Василий, девять лет лишения свободы, по трём за каждого убиенного.

– Ещё хорошо отделался, – думал Шалый, посматривая в зарешеченное окно за-вагона, везущего осужденных в славный северный город для отбытия сроков, отмеренных им советской властью.

Глава 4. Вахтанг Дадуа

Вахтанг Дадуа прибыл на службу ровно в девять утра. Попасть в кабинет Вахтанга можно было прямо из коридора. Приёмная отсутствовала, следовательно, не было и секретаря. Личного водителя Дадуа тоже не имел, хотя по статусу он был ему положен. Но Вахтанг не любил иметь в подчинении ненужных ему людей.

Он сам водил закрепленную за ним эмку, сам встречал визитеров в своем служебном кабинете, сам угощал их чаем, кофе, иногда коньяком. Лишние люди всегда раздражали Вахтанга, поэтому он старался, как можно больше времени проводить одному. Дадуа ходил в гимнастёрке и галифе. Материал, из которого они были пошиты, был генеральского класса, но ни петличек, ни знаков различия на форме Вахтанга не имелось. Никто из сотрудников наркомата внутренних дел, где служил Дадуа, не знал, есть ли у него воинское звание, и если есть, то – какое?

Зато многие знали, что Вахтанг Дадуа является личным, ещё с юности, другом главного чекиста СССР Лаврентия Павловича Берия и занимает при нём пост советника наркома. По слухам, Дадуа занимался всякими мистическими, малопонятными вещами, неразгаданными тайнами и необычными явлениями, в общем, всякой «чертовщиной», как говорили о сфере его деятельности некоторые гэбисты, близкие к самому наркому внутренних дел. На самом деле это было не совсем так.

Кроме вышеперечисленных сфер деятельности, Дадуа занимался так же надзором за научной деятельностью некоторых закрытых институтов и лабораторий, так называемых шарашек, ведущих разработки по самым различным тематикам. Вахтангу надлежало регулярно отслеживать и ставить в известность Берия о самых необычных событиях, новейших исследованиях советских и зарубежных ученых. Занятие это было не очень сложным, но очень трудоёмким процессом. Вахтанг справлялся со своими обязанностями блестяще. Хорошее разностороннее образование, аналитический склад ума, потрясающая работоспособность делали Вахтанга незаменимым специалистом своего дела. Берия нарадоваться не мог на своего друга и соратника, поручая ему разбираться в самых запутанных и непонятных событиях. Сам Лаврентий Павлович был весьма не равнодушен к оккультизму и живо интересовался всякими необъяснимыми явлениями, происходящими, как в родной стране, так и за её пределами.

Получая очередное донесение с мистическим налетом, Берия тут же вызывал Вахтанга и просил его разобраться с происшедшим. Подавляющую часть документации подобного сорта Вахтанг, порвав на мелкие кусочки, сжигал в большой хрустальной пепельнице, подарке самого Берия. «Сколько же у нас в стране больных головой людей» – с досадой думал Вахтанг, отправляя в пепельницу очередной шедевр мистического или фантастического толка.

Но сегодня Вахтанг решил заняться совершенно другими делами. Он читал отчет руководителя института, занимающегося исследованиями в области физики и химии различных веществ. Дадуа так увлёкся, что не заметил, как зазвонил телефон. Он бросил взгляд на край стола, где в ряд выстроились три аппарата: городской, внутренний и прямой связи с товарищем Берия. Надрывался прямой, наркомовский. Дадуа схватил трубку:

– Слушаю, товарищ Берия!

– Вахтанг, дорогой ты мой, зайди, пожалуйста, ко мне в кабинет. Долго не задержу, дело очень важное, нужно посоветоваться.

– Слушаюсь, товарищ Берия, сейчас буду, – разговаривая по телефону, Вахтанг обращался к шефу сугубо официально. Дадуа открыл дверь своего кабинета, щелкнул ключом и шагнул в лабиринт лубянского коридоров. Через десять минут Вахтанг уже открывал дверь кабинета Берия.

– Здравствуй, друг! – Берия стоял, опершись о стол, прочно сидевшее на его носу пенсне поблёскивало в свете апрельского солнца, которое проникало во все окна просторного кабинета.

– Доброе утро, Лаврентий, – Дадуа пожал протянутую руку и без приглашения уселся на стул, прямо перед шефом.

Берия, оттолкнувшись от крышки стола, подошел к книжному шкафу, стоящему в глубине кабинета и снял с него хрустальную пепельницу, по форме напоминавшую корабль. Весь этот ритуал Вахтанг знал отлично. Сейчас Лаврентий поставит «кораблик» на стол, рядом с Дадуа, приглашая его, страстного курильщика, не стесняться и дымить прямо в наркомовском кабинете. Что, к слову сказать, было дозволено только Вахтангу и «хозяину», в те редкие визиты, когда «отец всех народов» посещал бериевский кабинет. Вскочившего секретаря в звании подполковника, находившегося в приемной на своем рабочем месте, и пытавшегося вытянуться по стойке смирно, Сталин всегда останавливал небрежным взмахом руки. Не лезь, дескать. «Хозяин» заходил в кабинет Лаврентия Павловича всегда молча, окидывая того насмешливым взглядом своих прищуренных глаз. После этого, выбрав себе стул, подальше от наркомовского кресла, стоящего во главе стола-аэродрома, вождь закуривал трубку. Дальше происходило следующее: если Иосиф Виссарионович замирал с трубкой в руке, Берия тут же подставлял под эту руку пепельницу, а вождь выбивал туда превращенный в пепел табак. Если же Сталин поднимался и, затягиваясь трубочным дымом, поворачивался к Лаврентию Павловичу спиной, пепельница оставалась стоять на месте. А Иосиф Виссарионович покидал кабинет Берии. За время этих молчаливых визитов Сталин не произносил ни слова. Лаврентий же, что-нибудь сказать просто не решался. На различных кремлевских мероприятиях и в рабочей обстановке соратники общались между собой по-деловому, даже можно сказать, дружески. Но причины молчаливых визитов вождя были непонятны Лаврентию Павловичу. Нельзя сказать, что Берия их панически боялся, но после них наступало уныние. Другое дело – приходы Дадуа. Они всегда доставляли Берии радость. Старый друг, как никто другой, мог одним своим видом успокоить его, снять мучительное нервное напряжение.

Жизнь в ожидании провокаций и диверсий стала для наркома привычным делом. Подозревая всех и вся, боясь, несмотря на свою должность, всех и вся, насаждая повсеместно атмосферу тотальной слежки друг за другом, и доноительства друг на друга, нарком постоянно ожидал удара в спину. Этот удар мог нанести кто угодно. Такие правила игры придумал не сам Лаврентий Берия. Они существовали до него. Его предшественники убивали и боялись так же, как и он. Но при нем маховик жутких бессмысленных репрессий был раскручен с новой силой.

Куривший уже вторую папиросу, Вахтанг Дадуа смотрел на старого друга. Смотрел и не узнавал его. И, хотя разница в возрасте составляла каких-нибудь семь лет, выглядел грузный, одутловатый Берия не в пример хуже своего друга Вахтанга. Подтянутый, молодежавый Дадуа с черными, как смоль коротко подстриженными волосами, был очень любим прекрасным полом. И, если нарком брал женщин силой, заставляя своих холуев хватать на улице и тащить к себе в логово понравившихся ему красоток, Дадуа, знакомясь с женщиной, мог очаровать ее, не прилагая особых усилий. Представительницам прекрасного пола нравился этот немногословный интеллигентный человек, несущий в себе некую тайну.

Сейчас Вахтанг, глядя на расстроенного чем-то наркома, пытался отгадать причину его плохого настроения. Берия был мрачнее обычного, сильно раздражен и, Дадуа молча ждал, когда Лаврентий начнет разговор. Наконец Берия решился. Подойдя к двери, закрыл ее на ключ, подергал ручкой, проверяя, хорошо ли закрылся замок.

– Вот, Вахтанг! Дело тут у нас образовалось такое, как бы это сказать, – Берия сильно выдохнул, соединил меж собой пальцы обеих рук, покачал в воздухе образовавшейся конструкцией. – А не поймешь, что за дело, чертовщина какая-то, да и только! Может чертовщина, а может и диверсия!

Что за дело? – Вахтанг обозначил неподдельный интерес и деловую озабоченность.

– В Свердловской области имеется село, называется Большие Борщи. В этом селе служит участковый, он один на три близлежащих села. Так вот, этот участковый, капитан Андрей Андреевич Копылов. Кстати, по службе характеризуется очень положительно, мои архаровцы уже проверили. Человек он надежный, его словам верить можно. Ну, так вот, этот Копылов был недавно в Москве по служебной надобности. Приходил сюда, к нам, но, ты же знаешь наших псов цепных, охрану нашу дубиноголовую, – Лаврентий с досадой стукнул по колену, обтянутому синим сукном форменных галифе. – Так вот, наши «гаврики» капитана Копылова этого из далекого Свердловского захолустья послали по месту прописки, как говорится. Тогда он написал письмо лично для меня и просил охрану передать. Сам в тот же день убыл домой. Письмо они мне передали. Оно у меня почти неделю в кабинете вот тут, рядом с газетами провалялось. Сам знаешь, Вахтанг, работы невпроворот. А сегодня, когда мне чай принесли, решил ради поднятия аппетита новости из глубинки прочесть. А как прочитал, кушать расхотелось. Тебе сразу позвонил. Давай сейчас вместе обсудим, а потом ты этим делом займешься. Сам ведь знаешь, как я тебе доверяю, Вахтанг. Больше никому не верю. Кругом вражки силы. Ну, так вот, – нарком перешел к делу. – Рядом с этим селом, в лесу, два месяца назад раздался страшный взрыв. Дело было ночью. Пока капитан Копылов, власть местная, звонил в район, сообщал, пока они там до места добирались, утро наступило. Нашли они там воронку от взрыва, похоже, метеорит упал. Ну, про тунгусский метеорит слышал, ведь?

– Конечно, Лаврентий, – Вахтанг прикурил третью папиросу, поняв, что разговор будет долгим.

– Ну, упал и упал, эка невидаль. Их довольно много падает. Есть маленькие, есть большие. Это, само по себе, не событие для нас. Но, спустя некоторое время, началась форменная чертовщина. Да, я тебе, Вахтанг, забыл сказать, – Берия открыл красивый резной шкафчик, стоящий рядом со столом, достал из него бутылку армянского коньяка и два хрустальных стаканчика. Друзья выпили, и нарком вернулся к рассказу.

– Забыл тебе сказать, Вахтанг, что года четыре назад у капитана Копылова умерла жена. Живет он теперь бобылем. Так вот, недавно он ее повстречал, живую и здоровую. Она за водой шла.

Вахтанг подавился табачным дымом и закашлялся.

– Кто шла? Куда шла? Да ты что, Лаврентий? Капитан этот, видно, жену очень сильно любил. Смириться с ее потерей не может. Ну, как говорится, змия зелёного оседлал, или змий его оседлал, что сути не меняет. Пить он начал, вот и мерещится ему жена его живая и здоровая.

– Не пьющий он, совсем не употребляет, мои ребята все о нем выяснили. Да и потом случай с ним не единичный. Кто-то отца своего покойного увидел да еще в молодом возрасте. Тот с первой мировой войны возвращался. Мужик, который его заметил, в ту пору совсем маленьким был. Так теперь он и отца молодого и себя маленького наяву увидел. Не испугался, подошел к ним и даже разговаривал с ними. Да и не только эти факты, есть и другие. Участковый милиционер все подробно описал. Все здесь! – Берия постучал по тоненькой картонной папке, лежащей на столе.

– А что говорят местные власти? – Дадуа вопросительно взглянул на наркома. – Ну, я имею в виду то, что капитан-то наш, наверное, докладывал своему начальству? Они что, не отреагировали?

– Почему не отреагировали? Два раза из района приезжали, да ничего подозрительного не нашли. Не разобрались, в общем, а, может, не хотели разобратся, а, Вахтанг? – Берия смотрел на друга, прищурился левый глаз. У любого другого от этого взгляда душа бы в пятки ушла, но Вахтанг выдержал его спокойно.

– Что ты имеешь в виду, Лаврентий?

– А то, что враги кругом и саботажники, особенно на местах. Я, Вахтанг, в отличие от тебя, с всякими мистическими выкрутасами не встречался, в чертовщину не верю. Зато тебе верю, безоговорочно. Разберись с этим делом, срочно разберись. Я тебе, Вахтанг, вот что скажу. Это или случай массового гипноза, направленный на подавление силы воли советских людей, или, что, скорее всего, пробрались туда шпионы, Вахтанг, и испытывают они там какое-то новейшее оружие, не известное пока ни тебе, ни мне, ни, вообще, кому-либо, кроме этих псов заграничных. На дворе 1941 год! Я лично не верю, что Гитлер пакт о ненападении долго соблюдать будет. Скоро нападет на нас, сволочь! А у нас бардак, Вахтанг, страшный бардак. Кругом враги окопались. Да, что греха таить, верхушка чекистская в Свердловской области, что сообщение капитана милицейского похерила, наверняка уже вся на немцев работает! Сниму их всех к чертовой матери, да расстреляю, поделом им будет! – лицо наркома исказила страшная гримаса злобы, лоб покрылся испариной, расширенные с покрасневшими белками глаза буравили Дадуа.

– Прямо сейчас приказ отдам об аресте. Зови, Вахтанг, дежурного офицера. Приказ ему диктовать буду! – Берия выругался по матери.

«Да он больной, маньяк, совсем свихнулся от крови. Да разве от так ругался раньше? У нас, горцев, такое ругательство раз употребишь, от тебя все отвернутся от мала до велика. И так уже полстраны под конвоем ходит, а он все никак не успокоится» – думал про себя Вахтанг, устремив взор красивых, немного печальных глаз на наркома. Вслух Дадуа, этого не сказал.

Подойдя к наркому, Вахтанг похлопал того по плечу:

– Не горячись, Лаврентий, надо разобраться. Приказ всегда отдать успеешь.

– Да, да, разберись! Немедленно собирайся и тот час же лети. Возьми кого-нибудь с собой. Одного кого-нибудь, понадежней. Кто у тебя в охране, Вахтанг, самый надежный? Никому ничего не говори, Вахтанг. Полная секретность. Там, в пятидесяти километрах от этой деревни полк наш НКВДешный стоит. Я лично тамошнему начальству приказ отдам, чтоб содействовали тебе во всем. Ну, все! Давай друг, дуй на спецэродром, там мой самолет личный бери и вперед. Я сейчас им туда позвоню, – Берия пожал Вахтангу руку, проводил его до дверей кабинета. Потом вернулся к столу, взял бутылку с коньяком и, налив почти полный стакан, вопреки привычке смаковать этот благородный напиток, выпил его залпом.

Возвратившись от Берии в свой кабинет, Дадуа срочно связался с отделом картографии. На подробнейших картах были обозначены все объекты народного хозяйства, воинские части, транспортные артерии, участки геологоразведки и добычи полезных ископаемых. Если таким необычным способом действует диверсионная группа, значит взрыв, якобы от падения метеорита, и последующие массовые галлюцинации призваны отвлечь внимание населения и органов от истинных целей вредителей. Через двадцать минут Вахтанг уже держал в руках подробную копию плана заданного участка местности. Поблизости от интересующего района не имелось никаких объектов, которые могли бы заинтересовать собой предполагаемых диверсантов. Вариант массовой атаки на психику местного населения Дадуа до поры до времени в расчет не принимал.

– Дело ясное, что дело темное! – подумал Вахтанг. – На месте будем разбираться. Одного помощника с собой возьму, Антона Зубарева! Толковый офицер, исполнительный, образованный, и, по всему видно, язык за зубами держать умеет. Надо предупредить его, что летим немедленно. Дело срочное.

Вахтанг поднял трубку телефона внутренней связи:

– Антон, будь добр, зайди ко мне, дело срочное, – голос Дадуа был спокоен.

Вахтанг не терпел громких разговоров и командных интонаций. Все, с кем имел дело этот тихий человек, сами вслушивались в его слова, боясь что-либо пропустить. Через минуту Антон уже стучал в дверь своего начальника.

– Заходи, Антон. Я слышал, у тебя месяц назад родилась дочь?

– Так точно! – лицо старшего лейтенанта просветлело при мысли о дочурке, заставив его улыбнуться. – Галюша, Галя Зубарева.

Вот и хорошо! Давай, Антон, мы сейчас заедем к твоей семье и, ты со своими женщинами попрощаешься. Через пару часов мы с тобой должны вылететь в Свердловскую область. Срочное дело, к тому же дело это на контроле у наркома, – Вахтанг поднял указательный палец правой руки вверх. – В наше распоряжение товарищ Берия даже свой личный самолет отрядил. Медлить нельзя.

– Все понял, Вахтанг Георгиевич! Спасибо, что домой заскочить разрешили.

– Давай, Антон, спускайся вниз. Я за машиной. Ах, да, – Вахтанг открыл шкаф и достал оттуда шинель без знаков различия. – Храню ее прямо в кабинете на случай вот таких командировок. Да и ты, Антон, прихвати из дома шинельку. Это в Москве конец апреля – весна, а за Уральским хребтом еще зима продолжается.

Дадуа завез Антона домой и, наказав тому через час быть готовым к отъезду, на предельной скорости погнал эмку в один из закрытых институтов, работу которого курировал уже более трех лет. Режимное предприятие представляло собой типичную бериевскую шарашку. Фактически же это был тот же лагерь для заключенных, только контингент этого лагеря состоял из ученых. Они точно так же, как и зеки работали, отбывая свой срок, который им щедро отмерила советская власть за участие в шпионской деятельности против СССР. Существенное отличие состояло лишь в том, что ученые работали головой, фактически продолжая заниматься любимым делом, научным трудом. Режим шарашки был намного мягче лагерного. Научных зеков лучше кормили. Комнаты для проживания, рассчитанные на 5-6 человек, с обычными кроватями мало напоминали бараки с двух ярусными шконками. За успехи в научно-трудовой деятельности ученый-шарашник мог рассчитывать на дополнительные послабления и поощрения. Ежемесячные свидания с родными, оставленными чекистами до поры до времени в покое, могли плавно перейти в еженедельные. Некоторым, особо отличившимся, даже выплачивалась заработная плата, которая, понятное дело, переводилась родственникам сидельцев. Сами учёные, находясь в подобных учреждениях, могли получить с воли лишь посылку со снедью и табаком, возможность самостоятельного приобретения каких-либо товаров в местном буфете, тоже расценивалось как своеобразное поощрение. Однако визиты в буфет тоже строго дозировались, и чаще одного раза в неделю никто не мог прикупить в нём низкосортные папиросы, засиженное мухами печенье, а так же маленькие, грязно-серые кусочки мыла, которое являлось настоящим дефицитом среди осуждённых. Но даже сам факт похода в этот занюханый «пункт доп.питания», как гласила табличка на двери буфета, был для заключенных событием приятным, напоминающим о той жизни, которой они были теперь лишены. И молодые, и пожилые зеки вспоминали своих родных, близких, друзей, счастливое время, когда они работали, степенно возвращались со службы, заходили в магазины, ездили на курорты. Даже житейские мелочи, не заметные тогда, теперь вспоминались с нежностью и умилением.

Люди, осужденные за преступления, которые никто из них не совершал, загнанные сюда по чьему-то злобному оговору, а чаще всего, по прихоти власть имущих мудрецов, старались работать, как можно лучше, буквально фонтанируя новыми, свежими идеями. Они надеялись, что рвение, старание, новые научные достижения, помогут им защитить своих близких от дальнейших репрессий. А там, кто знает, может, и самим удастся выйти отсюда на свободу, снова, как прежде, ходить на службу, приходить домой, есть, пить, спать, видеть, как растут собственные дети. Делать всё то, что для свободного человека является обыденностью, а для них теперь представляется недостижимым счастьем.

– Сколько же по стране подобных заведений? – думал Вахтанг Дадуа, внимательно следя за лентой дороги, с огромной скоростью убегающей под капот его автомобиля. – Сотни! Они делятся по направлениям научной деятельности, их ежедневно пополняют новыми кадрами,

выплёвывая больных, старых, уже не могущих решать поставленные задачи, людей. Страдают не только сами учёные, страдают их семьи, мучающиеся неизвестностью, боящиеся получить еще более жестокий удар судьбы.

Вахтанг вспомнил, как пару лет назад нескольких сотрудников подведомственного ему института администрация решила отправить в обычный лагерь. Они, де, перестали давать дельные научные предложения, плохо справляются с поставленной задачей, растратили свой интеллектуальный потенциал, а посему, впредь, на лесосеку. Дадуа видел, как старик-профессор, заплакав, бросился в ноги местному начальнику режима, умолял, пытался рассказать о больной жене, но тот даже не хотел слушать старика. Тогда Вахтанг, на правах куратора и личного друга наркома, вмешался. Старика оставили в шарашке, остальных же, всё равно перевели. Об инциденте сразу же доложили Берии. Тот позвонил и начал журить Вахтанга: «В институте есть своё научное руководство, помимо тебя, друг. Оно и решает, кто нужен, а кто – нет» – отрывисто рубил слова нарком. – «А ты, Вахтанг, находишься над всеми ими. Тебе ли заниматься каким-то выжившим из ума дедом? Это для тебя слишком мелко. Пусть бы он поехал рубить лес! Может, срубил бы хоть одно деревце. Хоть чем-то был бы полезен напоследок. А то сдохнет – хорони его, старого пня, яму ему копай, труп в одеяло заворачивай. Не жалей ты, Вахтанг, этих стариков от науки. Они своё пожили и пожили хорошо!» – закончил тогда нарком свои нравоучения.

– Почему бы не распустить шараги, не упразднить этот арестантский режим пребывания? Пусть люди ходят на работу, а вечером идут домой к семьям. Нужно положить им хорошую зарплату, предоставить удобную квартиру, обеспечить необходимое медицинское обслуживание, – пытался достучаться до Берии его старый друг. – А ты знаешь, Лаврентий, кто осуществляет научное руководство подшефного мне института? Другие научные работники, те, которые пока ещё на свободе. Над всеми ними ещё присматривает целый штат офицеров госбезопасности, которые ничего не смыслят в науке. Они просто цепляются к ученым, пытаюсь уличить тех в каких-то мифических нарушениях режима секретности и чуть ли не в диверсионной деятельности. Стараются, даже теперь, когда учёные уже сидят, обвинить их в работе на иностранные разведки. Ну, скажи мне, как старый друг, кому это нужно?

Берия смотрел на Дадуа своим знаменитым взглядом, прищуривая то один, то другой глаз. Смотрел и молчал. Молчал долго, может быть минуту, потом, перестав прищуриваться, посмотрел Вахтангу прямо в глаза.

– Знаете что, товарищ Дадуа? Давайте-ка, каждый будет заниматься своим делом: вы – своим, научники – своим, офицеры ГБ – своим. И давайте не будем «мешать говно с эклерами», товарищ Дадуа. Вы ведь согласны со мной, не так ли?

Ни до этого разговора, ни после, Лаврентий Берия никогда не разговаривал в таком тоне со своим старым другом. В тот день Вахтанг, вернувшись вечером домой, ждал ареста. Но ни в это вечер, ни в последующие дни за Дадуа никто не пришёл. Разговор с Берией Вахтанг расценил как первое и последнее предупреждение наркома. Больше он Берии не перечил, хорошо понимая, что тот ему этого уже не простит. Дадуа и теперь довольно мягко относился к научным зекам, но делал это по-тихому. Часто приносил им еду и папиросы, но старался передавать так, чтобы местные охранники не видели. Чекисты же со своей стороны, зная, что Вахтанг не простой исполнитель воли наркома, а его старинный друг, тоже больше не рисковали доносить на Дадуа. «Раз Берия не наказал друга в случае со стариком-профессором, значит, не будет трогать и впредь» – рассуждали чекисты. Откуда было им знать о жестком разговоре друзей с глазу на глаз. То, что Вахтанг Дадуа вышел из инцидента невредимым, добавило ему очков в глазах режимщиков, теперь они предпочитали с Вахтангом не ссориться.

Вот и знакомый забор. Шарага находится на окраине Москвы. Также здесь располагается несколько промпредприятий. И их институт по внешнему виду смахивает на фабрику или завод. Впрочем, с дороги ничего, кроме сплошного кирпичного забора, не разглядишь.

По верху ограждения натянута колючая проволока, через каждые десять метров – фонари. А вот и въездные ворота. Ни таблички с названием предприятия, каких-либо опознавательных знаков не наблюдается. Едва машина Вахтанга приблизилась к воротам, те сразу открылись. Двое рядовых в гёбешной форме придерживали створки, давая возможность Дадуа захватить на территорию объекта. Ворота закрылись, и ничто опять не напоминало о наличии жизни, которая текла за этими глухими, неприступными стенами. Вахтанг вышел из машины. Навстречу ему, печатая шаг, двинулся крепыш с сержантскими нашивками, старательно козырнул.

– Здравия желаю, Вахтанг Георгиевич.

– Здравствуй, – кивнул Дадуа начальнику КПП. – Сядь в мою машину и отгони её к запасному выходу, я буду выезжать через запасные ворота.

– Есть! – сержант опять козырнул, поправил кобуру и, сев в автомобиль, поехал в объезд здания.

– Вот, хитрец! – подумал Вахтанг. – Ведь мог бы проехать через арку, так было бы короче. Но нет, едет вокруг, чтобы начальство увидело, что Дадуа приехал.

Вахтанг бросил взгляд на окна института. Точно! В окне второго этажа, которое, по случаю теплой погоды, было открыто, Дадуа заметил фигуру начальника режима объекта, майора Ялоева. Того самого офицера, который хотел отправить старика-профессора на лесоповал. Секунду он осматривал Вахтанга из оконного проема, потом быстро кивнул ему и задернул занавеску.

«Вот мерзавец! Такому, человека сгноить, ничего не стоит» – неприязненно подумал Вахтанг, взлетая через две ступеньки по лестнице в лабораторию профессора Ивана Фридриховича Линке. Этого человека и отстоял, в своё время, Вахтанг, спас от лагеря. Правда, касемо возраста профессора, Дадуа ошибся и ошибся значительно. Позже, Вахтанг поднял личное дело Линке и обомлел – профессору было всего пятьдесят три года, а выглядел Иван Фридрихович на два десятка лет старше. Жизнь у Линке сложилась трагически. После революции он с семьей пытался эмигрировать из большевистской России, но планам не суждено было сбыться. Большевики профессора не выпустили, жена и дочь, в принципе, могли бы покинуть страну, но без главы семьи ехать отказались. С тех пор несчастья посыпались на голову бедного Ивана Фридриховича. Новая власть объявила обрусевшего немца в пособничестве белобандитам. На самом же деле аристократ-профессор слабо разбирался в политике. Путал эсеров с кадетами, большевиков с меньшевиками. Вся его провинность перед Советской властью состояла в том, что родной брат Линке, будучи блестящим морским офицером, не принял революцию. На службу в Красную армию не пошёл, зато подался в лагерь противника. За активную контрреволюционную деятельность Александр Фридрихович Линке был расстрелян. Заодно досталось и Ивану Фридриховичу. Профессор был арестован вместе с супругой. Маленькую дочь профессора Таню отправили в спецприют для детей-сирот, расположенный, где-то в российской глубинке. Там следы Тани терялись. То ли умерла, то ли затерялась где-то на просторах огромной беспокойной страны. Супругу профессора вскоре выпустили на волю из-за слабого здоровья. Она вернулась в Москву. Новая власть даже выделила ей комнатку в переоборудованном под рабочее общежитие, бывшем купеческом доме. Вскоре в Москву вернулся и Иван Фридрихович. Большевики решили, что ученый, занимаясь научным трудом, сможет принести стране гораздо больше пользы, нежели, если бы умирал от голода и холода в одном из лагерей, быстро плодящихся на территории бывшей Российской империи.

Теперь Иван Фридрихович получил большую светлую комнату в коммунальной квартире. Воссоединился с женой, работал во вновь открытом институте, занимаясь любимым делом и искал свою Танечку. Обращаясь в различные ведомства, профессор то терял надежду, то обретал ее вновь. Но все усилия были тщетны. День за днем, месяц за месяцем, год за годом Иван Фридрихович бился в глухую стену чиновничьей чёрствости.

Как же так? Ведь не может человек, тем более маленькая девочка, взять и бесследно исчезнуть, пропасть, сгинуть! – вопрошал профессор то в одном, то в другом кабинете. – Если она умерла, сообщите, где она похоронена. Если не её саму, то могилу ее отыщите!

Но различные комиссии, подкомиссии, ведомства и управления молчали, перестали приходить даже отписки. Один из людей в сановном кабинете, куда Линке в очередной раз пришел со своей бедой, пообещал посадить докучливого интеллигента, если тот не перестанет доставать занятых людей своими просьбами и жалобами. Вот тогда профессор отступил, он испугался, не хотел обратно в лагерь, откуда не так давно вернулся, не успев по-настоящему прочувствовать всю тяжесть положения советского заключенного. Линке понял, что требовать что-нибудь от власти бесполезно. «Плетью обуха не перешибешь» – подумал профессор. Тем временем супруга профессора болела все чаще, а приступы сердечной хвори становились все страшней и продолжительней. Иван Фридрихович помогал, выхаживал супругу, но что он мог сделать, когда даже врачи разводили руками, говоря: «Развился тяжелейший порок сердца. Очевидно, жизненные обстоятельства дают о себе знать». Жена уже почти не вставала с постели, когда Линке арестовали снова. На сей раз ему вменили в вину участие в террористической организации, ставящей своей целью свержение советской власти, а также передачу результатов секретных научных исследований, проводимых его лабораторией, на Запад. Все кругом без исключения понимали, что эти обвинения – полный бред. Просто государство решило создать ученым новые условия труда.

– К чему платить им зарплаты, выделять жильё, отправлять летом в санатории к морю? Все это напрасная трата государственных средств. Можно организовать шараги, предоставить им койку и сносную пайку. Пусть работают на родную страну, нечего время тратить на походы домой. Пусть живут и работают в одном и том же месте. Сразу возрастет научный потенциал Родины, а какая экономия? – вопрошали на своих закрытых совещаниях высшие чины НКВД. – А будут проявлять недовольство – мигом окажутся в настоящих лагерях, где условия содержания на порядок хуже.

Вахтанг Дадуа не был в восторге от идеи создания подобных учреждений. Он искренне полагал, что рабский труд малопродуктивен. И только, оставаясь свободным, человек трудится с полной отдачей. Но также, будучи реалистом, Вахтанг понимал, что возражать бесполезно и принимал существующие правила игры. Вахтанг искренне жалел Линке, восхищался его трудоспособностью, честностью, широтой спектра научных интересов и быстротой мысли. Линке мог решить практически любую научную задачу, поставленную перед ним руководством института. Профессор любовно собирал и доводил до совершенства различные приборы, мог своими руками починить практически любую установку для проведения необходимых ему опытов, содержал в идеальном порядке исследовательский инструментарий. Являл собой в одном лице и исследователя, и техника, и лаборанта. Жена профессора умерла год назад и, теперь Линке всецело принадлежал науке, жил ею, так как других интересов в жизни у него не осталось.

«И такого человека эти «дуболомы» в погонах хотели, оторвав от любимого дела, сослать на верную смерть в лагерь. Они прекрасно знали, что Линке не имеет известий о дочке, заботится об умирающей жене и просто не может в данный момент думать о работе. Знали, но продолжали гнобить учёного. Нет, хорошо, что я вступился за него тогда, – думал Дадуа, открывая дверь лаборатории. – Кто кроме Линке, поможет мне разгадать эту головоломку в Свердловской области? Вот кого нужно, не мешкая, взять с собой, только бы он оказался в добром здравии». Последнее время Иван Фридрихович часто болел. Вахтанг заходил проведать его в местный лазарет, приносил ему продукты и папиросы. Медперсонал смотрел сквозь пальцы на эти передачи, хотя подобные действия должны были пресекаться, согласно правилам содержания заключенных в лечебных учреждениях.

Зайдя в лабораторию, Вахтанг прошёл в маленькую, отгорожённую от остального пространства помещения, комнатку, служившую профессору кабинетом. Все пространство кабинета Линке занимали стеллажи с научными приборами, колбами, какими-то маленькими баночками. Отдельно стоял обшарпанный шкаф с книгами. Дверцы на этой мебели рухляди отсутствовали, но, несмотря на это, книги и брошюры не вываливались из шкафа, ибо были расставлены ровными рядами. Рукописные листы тонкой некачественной бумаги, на которых Линке записывал результаты своих исследований и опытов занимали отдельную полку и были сложены аккуратными стопками. Стол профессора тоже был старым и облезлым. Сверху крышка стола была накрыта куском обыкновенного стекла, вырезанного четко по периметру столешницы. Под стеклом – какие-то клочки с пометками, маленькая фотография, молодая, красивая женщина в строгом темном платье держит на руках грудного ребенка. Рядом стоит профессор с букетиком цветов. «Семья профессора! Жена с дочкой еще живы, все еще счастливы. А теперь! Бедный профессор!» – Дадуа закурил, задумался. Сколько раз Вахтанг пытался узнать о судьбе дочери Линке, просил знакомых, весьма влиятельных людей. Те только головой качали – ничего сделать нельзя! Сколько времени прошло.

– Вахтанг Георгиевич, здравствуйте, – прервал воспоминания Вахтанга хрипловатый голос профессора Линке. Навстречу, протягивая руку, шел Иван Фридрихович. – А я в библиотеке был, справочник один понадобился.

– Иван Фридрихович! – пожимая руку профессора, Дадуа сразу же перешел к делу. – Нужна ваша помощь, дело срочное и малопонятное. Необходимо срочно вылететь на место. Там и разберемся, что к чему. Давайте-ка, собирайтесь, Иван Фридрихович! Я пока в режимную часть зайду, оформлю документы. А вы пока, не мешкая, соберите все, что необходимо.

– Вахтанг Георгиевич! Чтобы собрать все, что необходимо, я должен хотя бы в общих чертах знать суть вопроса.

– А профессор прав, – Вахтанг бросил взгляд на часы. Время неумолимо бежало вперед, Дадуа опаздывал на аэродром и опаздывал сильно, наверняка тамошнее начальство, предупрежденное Берией о его, Дадуа, отправке в Свердловск отзвонилось и сообщило, что вылет задерживается по вине самого Вахтанга, до сих пор еще не прибывшего на аэродром. – Ну и черт с ними, со всеми. Задержусь еще немного, введу Линке в курс дела.

Дадуа рассказал профессору все, что знал сам, ничего не утаивая. Профессор слушал внимательно, не прерывая, по окончании рассказа Линке вскочил.

– Как вы понимаете, Вахтанг Георгиевич, воздействие на сознание людей – это не по моей части. Мой удел – точные науки, в крайнем случае, прикладные исследования. Вот здесь, я думаю, буду вам полезен. А чтобы выяснить, что к, необходимо тщательно осмотреть место падения инопланетного тела! Нужно сделать кое-какие замеры, опыты, взять на исследования пробы грунта и все такое прочее, – профессор взволнованно потер руки. – Но мне необходимы будут помощники, ассистенты, так сказать! По крайней мере, двое. Поднести что-нибудь, собрать образцы, произвести необходимые замеры.

– Ассистенты у вас будут, Иван Фридрихович! Я сам с удовольствием буду помогать вам. В крайнем случае, привлечем Антона. Он офицер ГБ, мой помощник. Участие кого-либо еще, кроме нас, крайне нежелательно. Дело секретное, находится на контроле у самого товарища Берии. В случае утечки информации, нам всем мало не покажется.

– Тогда вопрос снят, – профессор достал стремянку и ловко стащил с верхнего яруса стеллажа большой продолговатый деревянный ящик – это для моего инструментария. Пока вы будете ходить по начальству, подписывая разрешение на мой выход с объекта, я соберу все необходимое для исследований.

– Очень хорошо, – Дадуа покинул лабораторию и направился к начальнику режима предприятия, майору Явлоеву.

Явлоев находился у себя в кабинете. Всякий раз, заходя сюда, Дадуа поражался той роскоши, с которой было обставлено обиталище режимника. Отличная Дубова мебель, мягкие кожаные кресла, на стенах портреты Сталина и Берии мирно соседствовали с репродукциями картин русских художников.

«А кабинетик-то у майора по убранству ни чуть не уступает наркомовскому, разве, что чуть поменьше, чем у Лаврентия» – без всякой зависти, просто констатируя факт, подумал Вахтанг.

– А я вас видел из окна час назад, – изобразил радушие майор. – Что же, думаю, Вахтанг Георгиевич, ко мне никак не зайдет. Уже сам ходил вас искать по институту, да не нашел.

Вахтанг бросил взгляд на Явлоева. Режимник по-восточному хитро улыбался.

– Настоящий азиат! Улыбается, а сам зарезать готов. Сегодня, стоя в проеме окна, он был настоящий. Взгляд холодный, губы сжаты в тонкую жесткую линию. А сейчас надел маску благодушия, – подумал Дадуа, молча протянул майору заранее заготовленную бумагу.

Явлоев прочитал, улыбнулся еще шире.

– По личному указанию Лаврентия Павловича действуете? Очень хорошо! Сейчас пропуск Линке на выход с объекта оформлю, – майор убрал бумагу Дадуа в папку и принялся выписывать необходимые документы. Закончив, подождал, пока высохнут чернила, и лихо шлепнул печать, которую осторожно извлек из бронированного сейфа, сработанного еще до революции. Выполнив все необходимые манипуляции, Явлоев отдал документ Дадуа. Вахтанг взял бумагу, скрепя сердцем, пожал протянутую ему узкую, но твердую, как дерево ладонь режимщика и, облегченно вздохнув, направился к профессору.

Со времени стычки Явлоева и Дадуа прошло довольно много времени, но Вахтанг, несмотря на это, продолжал тихо ненавидеть этого восточного царька. Явлоев, судя по всему, платил ему той же монетой, внешне выказывая почет и уважение.

Войдя к профессору, Дадуа увидел, что тот уже закончил собираться. На полу стоял почти полный ящик, все инструменты и приборы. Линке любовно обматывал ветошью, чтобы в дороге уберечь их от порчи и поломок. Тщательно закрыв ящик, Вахтанг отстранил профессора, порывавшемуся самому нести свое добро, и, крикнув от натуги, поволок тяжеленную ношу к машине. Выйдя из здания, Дадуа и профессор расположили ящик в ногах, рядом с задним сидением авто. Усадив Линке рядом с сидением водителя, Вахтанг выехал с объекта через запасные ворота, предварительно отдав пропуск, подписанный Явлоевым, часовому.

Разогнав автомобиль почти до предельной скорости, Вахтанг поехал к дому Антона, но по пути остановился у ресторана.

– Зайдемте, профессор, пора пообедать, – Дадуа подошел к наглухо закрытой двери ресторана. «Мест нет» – гласила табличка на двери заведения. Из-за стекла на них безучастно смотрел сытомордый швейцар. Вахтанг достал из кармана красный прямоугольник служебного удостоверения и поднес его к стеклу, прислонив ниже уровня глаз сытого бугая. Бугай, нагнувшись, и рассмотрев документ, сразу же открыл дверь. Впустив гостей, швейцар, проявляя неожиданную для своей комплекции прыть, бросился в зал, подозвав официантку, указал гостям на столик с табличкой «Занято».

– Для директора молзавода держим. Он тут у нас обедает завсегда, – льстиво поклонившись, вещал бугай. – А сегодня вы у нас, дорогие гости, обедать будете. Зоя, давай неси все самое лучшее! Дорогие товарищи, кушать хотят!

Не прошло и пяти минут, как стол был накрыт по высшему разряду. Выплывший со стороны кухни дородный метрдотель лично принес на подносе графин водки и блюдец с черной икрой.

«Вот ведь, что ксива гэбешная творит. Даже не успел ничего сказать, глядь, а все уже само сделалось» – думал Вахтанг. Сам Дадуа был к еде совершенно равнодушен, мог сутками сидеть на чае с сухарями. Он и в ресторан заехал, чтобы Ленке, впервые за долгое время, мог

по-человечески поестъ. И профессор воздал еде должное. Ел он, не торопясь, ловко орудуя ножом и вилкой, тщательно пережевывал пищу, закрывая глаза, одобрительно кивал головой. Насытившись, Линке аккуратно вытер губы салфеткой.

– Все съел я один, – виновато посмотрел на опустевший стол профессор. – Сто лет так не пиршествовал.

Дадуа, за весь обед, выпивший лишь рюмку водки, положил на угол стола несколько купюр. Выйдя из ресторана, и усадив слегка разомлевшего от обильной трапезы профессора в машину, Вахтанг поехал к дому Антона. Тот, выйдя из подъезда, уже поджидал их. У ног Зубарева стоял новый щегольской чемоданчик, на котором лежала утепленная форменная тужурка. Захватив офицера, Дадуа, наконец-то, поехал на аэродром. Военный аэродром «Букино» располагался недалеко от Москвы. Пока Вахтанг посвящал Антона в подробности предстоящей командировки, показались знакомые голубые ворота с нарисованными на них красными звездами. КПП. Приехали, наконец-то. Въехав на территорию аэродрома, Дадуа поставил автомобиль на стоянку и, вместе с Линке и Зубаревым направился к взлетно-посадочной полосе, на которой стоял личный самолет наркома. Рядом с самолетом прохаживался личный пилот Берии, подполковник Виктор Рогозин.

– Здравия желаю, Вахтанг Георгиевич! – козырнул подполковник.

– Приветствую, Виктор! – Вахтанг с удовольствием пожал протянутую руку летчика, Рогозин был отличным парнем и превосходным пилотом. – Ты уж нас извини, Бога ради, ждать тебя заставили: дела, понимаешь, раньше никак не могли.

– Ерунда, Вахтанг Георгиевич, Лаврентий Павлович, вот только беспокоится. Звонил лично прямо на аэродром, узнавал, почему до сих пор не улетели. Вы бы с ним связались.

Пришлось Вахтангу идти к начальнику аэродрома, чтобы из его кабинета позвонить в приемную наркома. Соединили лично с Берией, тот попенял другу на нерасторопность и велел держать в курсе дела, а по прибытии явиться на доклад.

Вернувшись к самолету, Дадуа отметил, что багаж профессора погружен, а торе мужчин ждут только его возвращения. Рогозин приставил к люку лестницу-трап и пассажиры поднялись по ней в нутро самолета. Салон поражал простотой и удобством. Небольшой столик и стул были прикручены к полу, лампа, стоящая на столе тоже была прочно закреплена. Прямо перед столиком компактно располагались несколько откидных кресел. Через двадцать минут стальная птица, разбежавшись, взмыла в воздух и взяла курс на Уральский хребет. Антон и Иван Фридрихович сразу же заснули. Вахтанг, закрыв глаза, намечал дальнейший план действий.

Полет прошел нормально, покидая борт, Вахтанг еще раз от души пожал руку Рогозину, поблагодарив его за быструю доставку. Тут же обозначилась и встречающая их группа. Дадуа еле слышно выказал недовольство. Ну, что за ненужная помпа! К прибывшим подъехал «форд». Через несколько минут к «форду» присоединилась полупортка. В кузове, по меньшей мере, два отделения солдат.

Вахтанг Георгиевич? – обратился к Дадуа толстячок в чине майора. – Разрешите представиться! Командир особого полка войск госбезопасности, майор Скворцов, а это мой зам – капитан Грошев.

– Здравствуйте, товарищи офицеры, – Дадуа пожал руки обоим. – Ну, к чему такое беспокойство? Можно было бы и одну полупортку с водителем прислать. Неудобно, ей Богу, вас от дел отрывать.

– Не каждый день к нам из Москвы товарищи приезжают, – майор приглашающим жестом указал на «форд». – Садитесь, пожалуйста.

Профессор и Зубарев забрались в легковушку. Двое бойцов погрузили в кузов полупортки профессорский ящик.

– Я с бойцами в кузове поеду, проветрюсь немного, – Дадуа проворно вскочил в грузовик и уселся на свободное место. Рядом с ним на лавочке восседал круглолицый сержант.

– Куда едем, товарищ Дадуа? – спросил Скворцов. – В штаб полка или сразу в Большие Борщи?

Сейчас вечер уже, давайте сразу в деревню, – ответил майору Дадуа, удобнее устраиваясь на лавке. Машина, взревев, тронулась с места, фары вырывали из синей темноты бетонное полотно взлетно-посадочной полосы. Выехав за пределы аэродрома, полуторка начала подпрыгивать на ухабах грунтовой дороги. Было довольно прохладно, Вахтанг поднял воротник шинели и извлек из кармана пачку «Казбека».

Закуривайте, ребята, – Дадуа пустил пачку папирос по кругу. – Долго ли ехать до ваших Борщей?

– Часа три ехать придется, – за всех ответил круглолицый сержант. – Сейчас дорога получше будет, побыстрее дело пойдет.

– А есть ли среди вас кто-нибудь из этой деревни родом?

– Я сам борщёвский, – степенно, не торопясь, ответил сосед Дадуа, наслаждаясь «Казбеком».

– А что, Андрея Андреевича Копылова, участкового тамошнего, знаешь? – Вахтанг мысленно похвалил себя за то, что предпочел тряску в кузове полуторки комфортному нутру офицерского «форда». Информация сама шла к нему в руки, лучше жителя этой деревни никто не расскажет про личность местного милиционера.

– Как не знать, знаю, конечно. Копылов – мужик надежный, честный, работающий и по службе у него полный порядок. Всех пьяниц да бузотеров местных приструнил. Он, вон, за три села отвечает, так везде люди ему благодарны, никто и слова худого по Андрея Андреевича не скажет.

А я слышал, у него жена не так давно умерла, – Дадуа придал голосу нарочито скучающий тон. – Так от после этого выпивать начал, мерещиться ему всякая ерунда стала...

– Да кто вам такое мог сказать? – сержант щелчком выкинул за борт окурки папиросы. – Да Андрей Андреевич в рот ни капли не берет. Что до смерти жены, что после! Любил он жену сильно – это да! А выпивка – это не про него. А что мерещится что-то, возможно. Там вся деревня чумная ходит с некоторых пор. Рядом с болотом, с неба камень огненный свалился, метеорит, по-научному, называется. Вот с тех пор и началась ерунда всякая. А вы разбираться туда едете?

Да, разбираться едем, – Дадуа узнал все, что его интересовало. – Ты сержант, не рассказывай, кому ни попадя про то, что в Борщах творится. Сам знаешь, время, какое нынче.

– Это точно, – сержант подобрался. – Враги кругом! Мы всё понимаем, политинформации регулярно слушаем. Врагов народа и шпионов иностранных выявлять надобно, да к стенке ставить без суда и следствия.

«И этот туда же! К стенке ставить» – с тоской подумал Дадуа. Достав из кармана папиросы, Вахтанг протянул их сержанту:

– На, кури и товарищей угощай.

– Спасибо! Уже почти приехали, товарищ начальник.

– Какой, говоришь, дом у участкового?

– Вот сейчас у сельсовета остановимся. Второй справа дом и есть Копыловское жилище.

Вахтанг выбрался из кузова грузовика и подошел к «форду», который прибыл несколькими минутами ранее.

– Товарищ майор, – обратился Дадуа к Скворцову. – Завтра к семи утра в Больших Борщах должен быть батальон бойцов из вашего полка. Так же, мне понадобится грузовой автомобиль без шофера.

– А квартировать где будете? – поинтересовался майор.

– Мы остановимся у участкового, – решил Дадуа. – Пусть ваши люди доставят ящик с оборудованием к дому Копылова.

– Слушаюсь. – Скворцов вытянулся в струнку.

– Тогда, спокойной носи! – Вахтанг повернулся и, взяв с собой Антона и профессора, пошел к дому Копылова. Впереди них двое бойцов, пыхтя, тащили ящик Линке.

– Во, хлыщ, – Скворцов сдвинул фуражку на затылок. – Москвич, нас за валенок держит, к бабке не ходи.

– Ты с ним поосторожнее, – остудил пыл начальника Грошев. – Я слышал, что он при Берии советником числится.

– Да! Это точно. С таким ухо остро нужно держать. – Скворцов полез в «форд». – На хрена ему батальон бойцов? Он, что, воевать собрался, что ли?

– Делай, что велят! Им в Москве виднее. Небось, из-за метеорита этого прикатали. Плюхнулся он тут, на нашу голову. – Грошев тяжело вздохнул, и уселся в машину.

Дом у Копылова был небольшой, но основательный. Видно было, что хозяин строил его на века, надеясь прожить в нем долгую счастливую жизнь. Сейчас, несмотря на поздний вечер, одно окно было освещено керосиновой лампой. Даду толкнул калитку, вошел во двор. Собаки у Копылова не было, хозяйственные постройки выглядели мертвыми. «Наверное, как умерла жена участкового, тот перестал держать скотину. Целый день на службе, заниматься живностью некому», – подумал Вахтанг. Антон поднялся на крыльцо, постучал в дверь.

– Эй, хозяин, пустишь переночевать?

– Кто такие будете? – в дверном проеме показался приземистый человек. На нем были милицейские галифе, тельняшка и меховая безрукавка.

– Товарищ Копылов, Андрей Андреевич? – в разговор вступил Дадуа. – Мы из Москвы, по поводу вашего письма приехали, насчет непонятных явлений! Вы же самому товарищу Берия писали.

– Точно! Писал, – участковый обрадовано улыбнулся. – Наконец-то серьезные люди этой проблемой заинтересовались. Заходите, раздевайтесь, располагайтесь поудобнее. Я сейчас на стол соберу.

Гости вошли в дом. Дадуа и Зубарев внесли ящик, поставили его в сенях. Копылов угостил постояльцев вареной картошкой и напоил чаем. После ужина все улеглись спать.

Вахтанг проснулся в пять утра, уже брезжил рассвет. Он потихоньку встал, направился к сельсовету. Сельсовет располагался в старинном помещичьем доме. Здание было сделано из кирпича и смотрелось на редкость нелепо. Парадный вход обрамляли странного вида колонны, похожие на гигантские бутылки из-под вина. Второй этаж выглядел гораздо массивнее, чем первый. От этого создавалось впечатление, что дом вот-вот завалится вперед.

– Помещика местного, Серопузова, домишко. Редкостный был гад! – голос говорившего показался Дадуа знакомым. Он оглянулся. Андрей Копылов, одетый в милицейскую форму, при оружии, стоял невдалеке от Вахтанга.

– Как же участковый так неслышно подкрался? И во сколько же он проснулся? – подумал Дадуа, здороваясь с Андреем.

– А я в четыре утра уже у сельсовета был. С той стороны дороги машины с бойцами прибывают. Майор Скворцов уже здесь. Самый первый приехал. Да вот и он!

Скворцов уже спешил к ним. Позади него остановилась очередная полуторка, из затянутого тентом кузова споро посыпались бойцы, вооруженные автоматами.

– Товарищ Дадуа, разрешите доложить, – начал было Скворцов.

– Вольно, майор, вольно, – Вахтанг поморщился. – Давайте потише и без официоза.

– Не понял, – майор растерялся.

– Я попрошу вас, майор, – Дадуа старался говорить как можно медленнее, чтобы туповатый Скворцов понял задачу с первого раза. – Окружите место падения этого таинственного метеорита двойным кольцом своих бойцов. Радиус оцепления примерно два километра. Никого не впускать и не выпускать. Ну, кроме, меня и моих людей, конечно.

Не понял, – майор шмыгнул носом. – Насчёт «не впускать через оцепление» – это я уяснил. А вот насчет – «не выпускать» – не ясно. Кто же из оцепления, кроме ваших людей может выйти? Ведь там сейчас, поди, и нет никого. Только рассветать начало, местные так рано там не появляются, а больше там сроду никто не шлялся.

– Это я так, на всякий случай, – Дадуа и сам начинал думать, что меры предосторожности, которые он предпринял, чрезмерны.

– Разрешите выполнять? – козырнул Скворцов.

– Выполняйте, товарищ майор.

Деревня давно уже проснулась. Мычание коров, лай собак наполнили апрельское утро. Немного потеплело, даже появившееся раннее солнце стало робко припекать. Жители Борщей с удивлением взирали на маневры, развернувшиеся прямо у них на глазах.

– Учения начались или война, штоль? – маленький дедок в огромных валенках потянул Дадуа за рукав шинели.

– Учения, дед, учения, – успокоил старика Вахтанг и обратился к Копылову. – Пойдем в дом, Андрей, подождем там доклада Скворцова.

Вернувшись в жилище участкового, Вахтанг и Андрей обнаружили Антона и Ивана Фридриховича занимающимися подготовкой завтрака. На столе стояли три банки армейской тушенки, рядом лежали несколько буханок черного хлеба.

– Откуда дровишки? – Вахтанг удивленно воззрился на продукты.

– А это Скворцов о наших желудках позаботился, – Антон довольно улыбнулся. – Сержанта с полным вещмешком провианта прислал.

– Я сейчас и чай приготовлю, духмяный, – Копылов достал с полки берестяной коробочек с листьями мяты.

Через час, когда завтрак был закончен, явился Скворцов и доложил, что оцепление выставлено, местность на предмет посторонних лиц обследована, и можно начинать осмотр.

– Очень хорошо, – Дадуа отпустил майора. – Теперь можно и трогаться. Андрей, будешь у нас проводником.

Копылов быстро довел московских гостей до места падения метеорита. Он шел первым, следом налегке шагал профессор, за ним Вахтанг и Антон тащили ящик с оборудованием. Добравшись до места, Андрей указал на внушительную воронку. Ее радиус составлял метров двадцать, глубина – примерно метров семь. Частично неровные края воронки осыпались внутрь. Вокруг были набросаны поваленные обгоревшие деревья, несколько стволов торчали из воронки. Пришедшие остановились в нерешительности. Один профессор выглядел заинтересованным и оживленным.

– Открывайте ящик! – скомандовал Линке Дадуа и Зубареву. – Да, и разыщите мне веревку подлиннее.

– Не понял, профессор, – Дадуа развел руками. – Зачем вам веревка?

Что тут непонятного? Я хочу спуститься внутрь воронки! Это важно, я должен произвести кое-какие измерения. – Линке уже не был виновато-мягким интеллигентом. Это был жесткий, целеустремленный человек, увидев загадку, он спешил разгадать ее.

Копылов сходил к подчиненным майора за веревкой. Дадуа и Антон аккуратно опустили неугомонного Линке вглубь воронки. Оказавшись внизу, профессор начал аккуратно заполнять баночки пробами грунта.

– Профессор, действуйте побыстрее, грунт может неожиданно обвалиться. – Дадуа искренне беспокоился за Линке.

– Не торопите меня, Вахтанг Георгиевич, лучше сами спускайтесь сюда, мне нужна ваша помощь, ведь вы обещали работать у меня ассистентом. – Линке выпрямился. – Антон, поднесите ящик и, обвязав его веревкой, спускайте сюда, ко мне.

– Раскомандовался, старый черт, – подумал про себя Антон и принялся выполнять профессорские указания.

Закрепив ящик и, спустив его вниз, Зубарев и Копылов помогли спуститься и Вахтангу.

Иван Фридрихович, разобравшись со своими приборами и, сделав необходимые замеры, почесал бородку и задумался.

– Сильнейшее магнитное поле, очень интересно и необычно, – возбужденно бормотал Линке. – Сильнейшие колебания, очень странно.

– Копайте, Вахтанг Георгиевич, копайте, дорогой, – профессор выхватил из своего ящика маленькую компактную лопатку, больше похожую на детский совок, и всучил ее Вахтангу.

Может быть лучше сходить в деревню за лопатой? – осторожно поинтересовался Дадуа. – А то этим совком только в детской песочнице орудовать.

– Это специальный геологический инструмент, – оскорбился Иван Фридрихович. – Этот совок очень удобен в работе.

Вахтанг послушно принялся копать, вскоре совок стал выбрасывать вместе с грунтом какие-то желто-черные камешки. Некоторые были со спичечную головку, некоторые величиной с горошину. Дадуа копал без перерыва, он давно вспотел, сбросил шинель и фуражку, но упорно продолжал ковырять грунт. Находящийся рядом с ним Линке, извлек из кармана пинцет и, как коршун, набросился на показавшиеся из грунта необычные крупички. Наконец, профессор велел Вахтангу прекратить работу. Дадуа, достав пачку «Казбека» с наслаждением закурил. А Линке, вороша совком переработанный грунт, продолжал выбирать необычные золотишки.

– Метеорит сторел практически до конца. Кроме этих необычных частиц, других его фрагментов, мы не обнаружили. Впрочем, необходимо продолжать раскопки, – «обрадовал» профессор своих товарищей.

Андрей Копылов все же сходил в Борщи и принес штыковую лопату. После этого, в течение нескольких часов в разных местах воронки продолжались интенсивные раскопки. Сначала работал Зубарев, сменивший Дадуа, а после, поменявший Антона, Андрей Копылов. Они продолжали истово вгрызаться в грунт кратера, образованного падением иноземного тела. Наконец, профессор Линке, который продолжал все время осматривать выкопанный грунт, взмахнул рукой, давая сигнал об окончании земляных работ. Когда вылезшие из воронки на поверхность исследователи наконец-то присели отдохнуть, профессор бережно прижимал к груди металлический контейнер, наполненный странными желто-черными камешками.

– Недурно, очень недурно! Сейчас я сделаю еще кое-какие замеры и, можно будет пока закончить, – Линке был доволен и смотрел на помощников победителем.

– Может быть, Вы отпустите нас с Андреем, профессор? – спросил Дадуа, помогая Линке разобраться с извлеченными со дна воронки измерительными приборами. – Мне хотелось бы осмотреть здешние окрестности.

– Конечно, Вахтанг Георгиевич, мне тут хватит и одного Антона.

Дадуа и Копылов отошли от воронки и двинулись в сторону лесной опушки. Пройдя вечно зеленый ельник и, отклонившись от опушки чуть левее, они подошли вплотную к небольшой полянке. Чуткий слух Вахтанга уловил человеческие голоса.

«Странно, до оцепления идти еще с километр, а никого, кроме нас, тут просто и быть не может. Все же перекрыто гэбистами» – с удивлением подумал Дадуа.

Подняв руку, Вахтанг дал Копылову сигнал остановиться. Но Андрей и сам уже, почувствовав неладное, застыл на месте. Сквозь первую апрельскую листву деревьев было видно все, что происходило на полянке. Несколько добротного одетых бородатых всадников с обрезами в руках допрашивали крепкого молодого парня со связанными за спиной руками. Конники были одеты одинаково, длинные поддевки, брюки, заправленные в щегольские сапоги, на головах картузы. Парень же, несмотря на прохладную погоду, был в одной косоворотке и солдатских

галифе, сапог на нем не было. Босые ноги его были окровавлены. Видно было, что пленника давно уже вели по лесу. Главным у конников являлся крепко сбитый невысокий бородач. Он соскочил с коня, вплотную подойдя к парню, ткнул того в лицо нагайкой.

– Отвечай, большевистская сволочь, куда ты хлеб подевал, что в моей усадьбе запряган был?

– Куда тебе, Серопузов, столько хлеба? – парень зло усмехнулся. – Народ с голодухи пухнет, а ты, кулацкая морда, зерно гноить удумал. Не выйдет! Сейчас подвода с района придет и под охраной хлебушек твой голодающим доставят!

– Доставят, доставят. Да только тебя, гада красножопого, черти прежде в гиену огненную доставят.

Дадуа непонимающе посмотрел на Копылова.

– А это Серопузов, сволочь, помещик местный, банду из таких же, как и он кулаков организовал. Хлеб жег, активистов убивал, натворил, гад, дел. Это вы, Вахтанг Георгиевич, его домом сегодня с утра любовались, – пояснил Копылов.

– А молодой? Кто он? – тихо, чтобы не услышали бандиты, прошептал Дадуа.

– А это первый председатель нашего борщёвского колхоза – Емельян Глушко. Его изверг Серопузов расстрелял в 1922 году.

Тем временем, Серопузов ударил Емельяна обрезом по лицу.

– А ну, краснопузый, конец твой настал! Давай, вставай мордой к дереву, чтоб я харю твою мерзкую не видел.

Емельян Глушко стоял прямо и усмехался в лицо своему мучителю:

– В лицо стреляй, гадина, спину я тебе не покажу! И вот тебе напоследок от меня! – Глушко плюнул, плевок достиг цели.

Бандит молча утерся и, подняв обрез, стал целиться. Целился он медленно, продлевая удовольствие. Емельян презрительно смотрел ему в глаза. Копылов извлек из кобуры наган и тоже начал целиться, но уже в Серопузова.

– Ты что делаешь? – Вахтанг пытался схватить за руку Андрея. – Отставить, Копылов! Пойми, Андрей, это всё нам кажется, массовая галлюцинация. Науке известны подобные случаи. Вот скажи, Андрей, что случилось с Глушко?

– Его Серопузов убил, а потом и Серапузова через полгода поймали и расстреляли прямо у его же дома, – Андрей продолжал целиться.

– Выходит, что ты второй раз в него, уже мертвого стреляешь? Где же логика, Андрей? – Вахтанг сам не знал, что делать, у него голова шла кругом.

– Ничего, такого гада, как Ванька Серопузов, и два и три раза убить не грех! Отойдите и не мешайте, Вахтанг Георгиевич, – Копылов оттолкнул руку Дадуа и выстрелил.

– Бандит пошатнулся, схватился левой рукой за грудь, потом упал на землю. Прозвучал еще один выстрел – подручный Серопузова застрелил Емельяна. Парень рухнул, как подкошенный.

– Что за черт? Целился Ваньке в голову, а попал в грудь! – ругался на чем свет стоит Копылов. – А вы что онемели, Вахтанг Георгиевич, давайте, жарьте по этим, они Емельяна только что убили!

Вахтанг плюнул, полез во внутренний карман шинели, где, по старой чекистской привычке, хранил верный наган, но выстрелить не успел. Четверо всадников, слышав выстрелы, помчались в сторону села. Преследовать их было делом бесполезным.

– Наваждение, чертовщина какая-то. Очевидно, место здесь такое, аномальное, навевающее массовые галлюцинации, – думал Дадуа, присев на траву и, прислонившись спиной к стволу дерева.

Копылов пытался преследовать конников, паля им вслед из пистолета.

– Надо зажмуриться! Постоять, потом, сосчитав до десяти, открыть глаза, психоз закончится, трупы пропадут. Да и не трупы это вовсе, а галлюцинации, – убеждал себя Дадуа, закрывая рукой глаза. – Раз, два, три, – закрыв глаза и, затаив дыхание, считал Вахтанг. – Четы....

– Та-та-та – заработали автоматы чуть в стороне от деревни.

– Это еще что? – Вахтанг бросил взгляд на трупы и резко вскочил с земли.

Нет, тела погибших никуда не исчезли. Дадуа присел на корточки и потрогал тело председателя колхоза. Оно было еще теплое, кровь в уголках губ Емельяна Глушко еще не успела засохнуть.

«Та-та-та» – опять пророкотали автоматные очереди. Вахтанг, сбросив с себя оцепенение, помчался, не разбирая дороги, на выстрелы.

– Это почти рядом с деревней. Что происходит? Только бы не пострадали Антон и профессор.... А что с Копыловым? Куда он подевался?

Пробежав около полутора километров, Вахтанг выскочил к чекистскому оцеплению. Первое, что он увидел – раненная лошадь, дергающаяся в предсмертной агонии. Рядом лежал труп бородача, который чуть ранее застрелил председателя колхоза Глушко. Поодаль лежал третий член банды Серопузова. Лицо трупа было сильно обезображено, автоматная очередь прошла ему голову. Дадуа прошел еще с десятков метров и наткнулся на мертвого бойца. Парень лежал на спине, круглое, посеревшее лицо, бездонные голубые глаза, застывшие в изумлении. Вахтанг узнал парня. Вчерашний сержант, с которым Дадуа разговаривал в кузове полуторки. Бойцы войск госбезопасности построившись цепью, старательно прочесывали лес, перед которым несколько часов назад стояли в оцеплении. Вахтанг присел на траву и закурил, уставившись перед собой. Он был подавлен и не понимал, что происходит. Двое бойцов вынесли из леса и аккуратно положили на траву труп Андрея Копылова, еще недавно преследовавшего всадников, двое из которых теперь лежали недалеко от него. Дадуа подошел к телу товарища и нагнулся над ним. Пуля бандита попала Андрею в шею.

– Бред какой-то! – подумал Вахтанг, сжимая виски, – нужно срочно разыскать Линке и Антона. – Где они, что с ними?

– Мать вашу! – раздался вдруг стремительно приближающийся дикий крик.

Вахтанг поднял голову. Навстречу ему неся комполка майор Скворцов с пистолетом в руке.

– Что у вас тут происходит? Почему выстрелы? Это кто такие? – майор покраснел от напряжения. – Отвечать!

Молоденький младший лейтенант, руководивший оцеплением на этом участке, торопясь и запинаясь, стал докладывать.

– Мы, товарищ майор, стоя в оцеплении, слышали выстрелы. Да, одиночные выстрелы. Я дал приказ, нескольким бойцам проверить обстановку. А тут прямо на оцепление выскакивают эти, – лейтенант кивнул в сторону мертвых бородачей. – И давай в нас из своих обрезов палить. Я дал приказ «Огонь!». Ну, этих двоих мы срезать успели, а еще двое развернулись и ходу обратно в лес. Отстреливались, гады. Сержанта нашего, вон, убили. Мы, естественно, начали их преследовать, разбились цепью и вперед. Даже, если мы бы их не взяли, все равно на другой сектор нашего оцепления выгнали бы их, гадов. Прочесывая лес, обнаружили труп участкового местного, Андрея Копылова. Видели так же москвичей командированных. Старлей и дед-профессор так у воронки метеоритной и сидят. Выстрелы они тоже слышали, но никого не видели. Мы дальше прочесывать местность стали и вышли на другой фланг нашего оцепления. Они тоже, как стрельбу слышали, со своей стороны в лес углубились, и давай тоже прочесывать. Только никого мы не нашли. Как сквозь землю эти твари провалились. Их двое или трое было, все на лошадях.

Младший лейтенант удрученно замолчал, глядя в наливающееся злобой лицо Скворцова.

– Та-ак! Проморгали, значит, диверсантов? Я же утром приказывал, чтобы всю местность проверили перед тем, как оцепление выставить, – Скворцов говорил тихо, еле слышно, побелевшими от ярости губами.

– Мы, товарищ майор, каждую былинку здесь проверили, каждый камень осмотрели, – младший лейтенант развел руками. – Никого не было. Откуда они взялись, ума не приложу.

– Я тебе покажу! – майор схватил младшего лейтенанта за грудки. – Да я тебя за халатное отношение к службе....

– Отставить, Скворцов, – Дадуа посмотрел в глаза майору. – То, что здесь происходило, является государственной тайной. В рапорте, который мы составим вместе, опишем, что на оцепление было совершено нападение неизвестных диверсантов. В результате вся диверсионная группа уничтожена, есть погибшие и с нашей стороны. Трупы убитых похороним сегодня ночью тайно. Вопросов ни у кого не возникнет. Это я возьму на себя, ясно?

– Так точно, – нехотя согласился майор. – А что же на самом деле произошло, товарищ Дадуа?

– Не знаю, – резко ответил Вахтанг. – С этим нужно серьезно разбираться.

На следующий день группа Вахтанга Дадуа вылетела в Москву. По прилету в Москву, Вахтанг, ничего не скрывая, доложил о происшествии Лаврентию Берия. Внимательно выслушав друга, Берия снял пенсне, и устало закрыл глаза.

– Еще одна загадка, Вахтанг, еще одна загадка, – пробормотал нарком. – Разберись со всем этим, надо будет – задействуй все наши возможности.

Сделаю все, что смогу, – Дадуа повернулся и вышел из кабинета.

Глава 5. Отто фон Шлёсс

Отто фон Шлёсс, бывший полковник «Абвера», непревзойденный мастер интриг, блестящий разведчик, аристократ, цвет арийской расы. Все это теперь в прошлом, всего этого больше нет. Мир, в котором он жил, рухнул. С каждой прожитой минутой он ощущал это все отчетливее. По земле великого рейха маршировали русские солдаты. Они пришли, чтобы окончательно «добить зверя в его логове». И они это сделали. Он видел этих людей в пропитанных потом и кровью гимнастерках, они шли по улицам Берлина. В их лица, казалось, навсегда въелась черная пороховая гарь. Но лица эти были прекрасны, все до единого. Это были лица победителей, в их глазах не было звериной злобы, жажды мести, злорадства от вида поверженного в прах, пыль и грязь врага. Врага, который пытался поработить их стану, врага, который теперь сам был растоптан. Они были истинными победителями, не пытавшимися выместить зло на народе, армия которого жестоко прошла по их земле, убивая, насилая, грабя людей, сжигая города и деревни, свергая их богов, оплевывая их святыни.

А что теперь? Брошенное великим рейхом и своим фюрером мирное население Германии стояло вдоль дорог, по которым шли советские войска. Женщины, дети, старики, еще недавно грозной страны, протягивали руки и пустые котелки, прося хлеба, каши, наваристого горохового супа из концентратов, который так им полюбился. Полевые кухни, шедшие в арьергарде колонн останавливались, повара открывали котлы и отмеряли в подносимые немецким населением емкости кашу и суп, делились хлебом и даже колотым сахаром. «Данке» – говорили воспитанные немецкие дети. Девочки делали книксен, мальчики благодарили быстрыми кивком головы. Старики и женщины брали посудины с едой молча, им было стыдно, в глубине души они чувствовали свою вину в том, что натворил их бесноватый диктатор. Но голод – не тетка, Гитлер не научил их обходиться без пищи. И они брали еду у русского солдата. А русский солдат, честно протоптавший свой не легкий путь от Москвы до вражеского Берлина, в смертельных боях не раз, дававший себе слово отомстить, придя к Бранденбургским воротам и, обнаружив скопление голодных людей, первым делом накормил их. Вот истинная милость победителя, спасшего тех, кто уже и не думал спастись.

Отто фон Шлёсс оторвался от своих грустных мыслей и с интересом взглянул на сцену. Русский, а теперь советский балет – это феерия. «Лебединое озеро» – визитная карточка Большого театра. Великолепное зрелище. Волшебная музыка Чайковского. Она очаровывает, влечет куда-то ввысь. Точеные фигурки балерин кажутся сказочными, нереальными, теряющими очертания в ритме волнующего танца. Музыка и танец, слившись воедино, уже не могут восприниматься взором и слухом. Они наполняют собой зрителя, унося с собой его сознание.

И вот, Отто уже не здесь в Москве, в партере Большого Театра, а в Дрездене на уроке музыки, который проводит высокий рыжий очкарик-учитель герр Мунц. А Отто, маленький мальчик, школьник. Урок музыки проводится в городском соборе, где органист исполняет Баха. Торжественно звучащий инструмент заставляет сердце замирать от неведомой ранее смеси страха и восторга. А после урока музыки в соборе, ребята, притихшие, боящиеся расплескать, обронить неизведанные новые ощущения, возвращаются в здание школы.

Свои школьные годы он вспоминал с нежностью. Уроки рисования часто переносили в Дрезденскую галерею. Ребята часами бродили по залам, осматривая картины великих мастеров. И лишь после самостоятельного ознакомления, слово брал учитель рисования. «Созерцание великих полотен развивает человека лучше, чем рассказы об этих полотнах» – частенько говаривал он своим ученикам. Его правда! Отто научился ценить и понимать прекрасное. Но художником он не стал, не стал и музыкантом. Закончив экономическое отделение Дрезденского университета, он стал разведчиком. В душе Отто был разведчиком всегда. Он был и художником, и композитором сразу, придумывая и претворяя в жизнь свои хитроумные опера-

ции, рисуя замысловатую связь ходов, планов внедрений и вербовок агентуры. Он точно знал, чем закончится каждый его замысел, слышал, нет, скорее ощущал бравурную музыку побед. По его приказу диверсионные группы, заброшенные в тыл противника, взрывали и уничтожали намеченные им объекты. В советском тылу работала внедренная им агентура. Его заслуги замечали. Им публично восхищался самый грозный террорист третьего рейха Скорцени. Отто принимал это, как должное. Ведь он сам был сыном потомственного разведчика. Его отец, Клаус фон Шлэсс, старый немецкий аристократ, коротавший свой век в фамильном замке в предместье Дрездена, давно отошел от дел. Он был пожилым, но еще довольно крепким человеком. Во время своей службы при Бисмарке, Клаус был неоднократно отмечен «Железным канцлером». И твердо верил словам Бисмарка о том, что «русские медленно запрягают, но быстро ездят».

Отто запомнил отца, сидящим в своем любимом кресле с неизменной трубкой во рту.

– Эти ребята заигрались. Национал-социализм – это несусветная глупость. Когда чернь добирается до власти – жди беды. Пойдя на русских, Адольф выроет себе и всем немцам огромную могилу, говаривал старый Клаус. – Держись от этих ублюдков подальше, мой мальчик.

– Я не могу, отец, – отвечал Отто, – Я служу Германии, я офицер «Абвера» и я – патриот. Адольф – наш вождь, он знает, куда вести нацию.

– Тогда, служа Германии, постарайся спастись, когда, она, рухнув, погребет под собой немецкий народ. Верь мне, так оно и будет, – отец замолкал и смотрел куда-то сквозь Отто, как будто, видел воочию те страшные картины, которые спустя несколько лет увидел его сын.

Теперь отца нет, он погиб во время бомбежки Дрездена союзной авиацией в конце войны. Фамильный замок фон Шлэссов и отец перестали существовать одновременно. Вместе с ними погибло все мирное население Дрездена. Военных объектов в городе не было расположено, но это не помешало американским и английским летчикам фактически стереть его с лица земли.

Отто внял советам отца, конец войны он встретил в Берлине, в американской зоне оккупации. Жену и сына заблаговременно отправил в Мексику. Там они благополучно проживали и по сей день. Сам же Отто, хорошо знавший русский язык, бывавший до войны в Москве в составе делегаций немецких журналистов, предложил свои услуги американской разведке. Там его приняли с распростертыми объятиями. Смерть Рузвельта, случившаяся 12 апреля 1945, возвела на президентский престол ярого ненавистника Советского Союза Гарри Трумена. Как и предполагало руководство страны Советов, отношения с союзниками резко ухудшились. Накануне Крымской конференции, посвященной концу войны, английский премьер Черчилль проиграл выборы у себя на Родине. В Ялту приехали совершенно другие лидеры антигитлеровской коалиции, во сто крат больше, чем Гитлер, ненавидящие Сталина и Советский Союз. Вот почему, немецкому разведчику, интеллектуалу, обладающему ценными сведениями о сталинской державе, радовались, как родному и всячески потворствовали Отто в его плане, истинный смысл которого был понятен только ему одному.

Воспоминания, опять нахлынувшие на фон Шлэсса, не мешали созерцать балетное действие. Немецкий журналист-антифашист, Густав Ленц, чудом выживший в гитлеровском концлагере и освобожденный американскими войсками. Вот кем он теперь является для Советов! Настоящий Густав Ленц был мертв. Густав оказался железным парнем. Фон Шлэсс лично застрелил его, но перед этим пытался поговорить с ним. Один на один. Даже обещал ему жизнь, всё бес толку, журналист отказался работать на него. Этот Густав и напечатать-то успел всего несколько статей. Оппозиционная газетенка, куда он писал, почти сразу была разгромлена штурмовиками, подручными Адольфа. Сам господин писатель, побывав в застенках разных ведомств, попал в руки Отто, уже начавшего свою карьеру в «Абвере». Фон Шлэсс всегда беседовал со всеми, кто попадал к нему в руки. Разговор часто шел почти в дружеском ключе, без криков и рукоприкладства. Отто всегда презирал этих мясников, бивших и истязавших людей на допросах. Хитрость и коварство, замаскированные под участие, вот оружие

настоящего разведчика. Люди слабые, надломленные часто клевали на его уловку и навсегда попадали к нему в сети.

В начале войны, находясь в войсках по делам службы, Отто узнал о разбомбленном эшелоне русских. Асы «Люфтваффе» потрудились на славу. От состава остался только остов паровоза и кучка горелых досок. То тут, то там слышались стоны смертельно раненных людей и одиночные выстрелы зондер-команды, добивавших несчастных страдальцев. Отто шел вдоль того, что еще пару часов назад было участком железнодорожного пути, и внимательно всматривался в трупы. Погибшие были одеты в рваные фуфайки, телогрейки, какие-то обноски, почти сплошь мужчины.

Отто прошел дальше, чуть поодаль от насыпи лежал молодой мужчина в форме старшего лейтенанта НКВД. Он внимательно осмотрел карманы гимнастерки убитого, удостоверение личности офицера было залито кровью. Прочсть его было невозможно. Отто еще раз тронул тело, расстегнул ворот с тремя кубиками на петличках, приложил два пальца к шее несчастного. Старший лейтенант застонал, еле слышно, но застонал. «Он жив, жив, его еще можно спасти!» – подумал немец. Вскоре советский офицер пришел в себя, застонал, на сей раз громче и, открыв глаза, уставился на немца.

– Что здесь произошло, что это за эшелон, кто в нем ехал, почему одни мужики? Говори, не бойся, мы не воюем с ранеными, скоро тебе будет оказана медицинская помощь, подобающая военному твоего звания! – Отто говорил на чистейшем русском языке. Не зря он его изучал. Этот язык сейчас очень ему помогал.

Русский сглотнул.

– Я офицер, в эшелоне ехали зэки, кто – воевать, искупить.... Потом побег.... Потом бомбежка.... Один бежал, бежал.... Погиб солдат-охранник. Он его убил, похитил оружие, потом бежал, – хрипел русский. Кровь лилась из его рта, глаза подернулись мутной пленой.

– Ты кто? – вдруг спросил он, глядя на Отто, – где мой портфель, там личные дела.... Искать... ищи его сейчас же, ищи! Я приказываю тебе найти... – русский стал терять сознание.

– Он находится в прострации, не понимает, кто перед ним. Он даже не заметил, что на мне немецкая форма, приняв меня за своего, – подумал Отто фон Шлесс.

В общих чертах Отто уже понял, что эшелон вез на фронт зэков, желающих искупить вину кровью и стать солдатами в штрафных батальонах. Их посылают в самые страшные бои, где шансов выжить, практически нет. Но, что за побег, кто бежал, какой портфель с личными делами? Очевидно, русский говорит о личных делах этих заключенных, которые он вез для оформления их на службу. По опыту Отто знал, что в таких делах описан и характер, и привычки, и склонности будущих воинов, а также номера статей, по которым они проходили и краткое описание проступков и преступлений перед законом.

Отто достал из кармана маленький свисток и пронзительно свистнул, что означало для его группы «Все ко мне». Сержант и пятеро солдат тут же прибежали на зов хозяина. Они знали, что Отто не любит ждать, и даже секундное опоздание может превратиться в отправку в действующие войска.

– Ты и ты – рявкнул Отто, от его участия не осталось и следа. Когда не надо, можно не церемониться, особенно с этими двумя увальнями, кроме недюжинной физической силы, ничем больше не примечательными. – Взять русского, положить на шинель и осторожно, говорю вам еще раз, осторожно перенести его в машину. Потом быстро, я говорю, быстро везите его в госпиталь и поместите в отдельную палату. Доведите до сведения старшего медперсонала, чтобы ухаживали за ним также хорошо, как если бы к ним попал я. Все ясно? Смотрите у меня, если, что-нибудь сделаете не так, и он умрет, или ему станет хуже, я лично расстреляю вас. Все! А вы, сержант, – голос Отто стал мягче, – общитесь все вокруг, вы должны найти портфель этого русского, там важные бумаги. Ищите, ребята, я на вас надеюсь.

Через два часа сержант принес портфель. Отто же в течение этих двух часов разыскал обер-лейтенанта, одутловатого рыжего тьюфяка, руководившего зондер-командой, которая добывала раненых и поставил ему задачу:

– Во что бы то ни стало прочесать окрестности и найти беглого русского ээка, который бежал с эшелона, убив охранника, прихватил его оружие. Все нужно исполнить быстро и качественно! – нравоучительно выговаривал обер-лейтенанту абверовец, размахивая перед его носом своим удостоверением.

Сам же Отто открыл портфель, вытряхнув из него землю, набившуюся при бомбежке, и принялся изучать личные дела ээков, их было около пятидесяти. Но только на одном из них стояла пометка красным карандашом, сделанная наспех. Она гласила: «Совершил побег, убив охранника ефрейтора Мигуна, завладел его оружием.». Число, подпись неразборчивы, время – примерно пара часов назад. «Недалеко ушел» – подумал Отто фон Шлэсс, переворачивая страницу на самое начало. Вот и фотография. На ней молодой симпатичный парень, лицо чуть портили глаза. Даже с черно-белой фотографии взгляд казался жестоким и циничным. «Тот еще мерзавец» – подумал Отто фон Шлэсс, прочитав имя – Василий, фамилию – Борзяк, Отто кликнул командира зондер-команды.

– Как вас зовут? – строго, посмотрев тому в его глупую физиономию, спросил Отто рыжего вояку.

– Людвиг Кнопф, – ответил офицер.

«Этот Кнопф – мужик недалекий, настоящая деревенщина, наверняка из унтерофицеров вслужился, с такими нужно держаться построже, по-другому они не понимают» – сразу решил Отто

– Обер-лейтенант Кнопф, я приказываю вам немедленно начать розыск бежавшего с воинского эшелона русских. Вот его фотография, правда, не очень четкая, – Отто ткнул в лицо рыжему фотографию из личного дела Борзяка.

Кнопф внимательно осмотрел фото Борзяка и отрапортовал:

– Слушаюсь, герр майор»!

– Подождите же! Вы не дослушали приказ, нельзя быть таким солдафоном, обер-лейтенант. Иначе, до конца вашей карьеры вы так и останетесь в этом воинском звании. . . . Так вот! – продолжал фон Шлэсс. – Этот русский очень важен для «Абвера». Он должен быть найден, во что бы то ни стало. Мне он нужен живым. Если беглец окажет вооруженное сопротивление, стреляйте ему в ноги. Не вздумайте убить его. Он бежал с поезда еще до обстрела эшелона нашей авиацией. По моим расчетам он где-то в радиусе восьми-десяти километров от места, где мы с вами находимся. Учитывая характер пересеченной местности, наш русский не мог уйти далеко. Задействуйте все силы вашего подразделения, Кнопф. В случае удачи – награда, в случае провала, вы, обер-лейтенант пожалеете, что появились на свет. Начинайте операцию немедленно! – для пущей убедительности гаркнул фон Шлэсс.

«Проклятый абверовец, разговаривает со мной через губу. Презирает меня, сразу видно – аристократ, небось, сынок богатых родителей. С такими лучше не связываться, такие не лезут под русские пули. Такие только отдают приказы простым немецким парням, вроде меня. Попробуй не угодить ему, мигом наживешь себе беду. Вот теперь придется ловить какого-то мерзавца, гонять себя и своих ребят, рискуя погибнуть» – тоскливо подумал обер-лейтенант.

– Курт! – позвал своего сержанта фон Шлэсс. – Я попрошу вас отправиться на поиски русского беглеца. Держитесь в арьергарде отряда. Ни в коем случае не ввязывайтесь в бой, если он начнется. Предоставьте действовать этим животным из зондер-команды. Когда эпопея с поимкой закончится, свяжитесь со мной. У этого рыжего Кнопфа есть рация. Наши позывные вам известны. Жду! – и Отто хлопнув по плечу Курта, двинулся в сторону автодороги, по которой нескончаемым потоком двигалась немецкая техника.

Добравшись до трассы, фон Шлэсс остановил первую же попавшуюся легковушку. Сидевшему в ней офицеру Отто предъявил свои документы и, ни мало не интересуясь, куда до этого следовала машина, приказал вести себя в госпиталь, который был недавно развернут для оказания медицинской помощи солдатам и офицерам рейха.

Советские войска, постепенно приходявшие в себя после сокрушительных поражений первых дней войны, дрались все яростнее и ожесточеннее. А посему, госпиталь быстро заполнился ранеными. Отто смог убедиться в этом, посетив его. Тяжелый дух, кровавые пятна на полах и стенах, кучи гнойных бинтов, сваленные, где попало. Все это неприятно поразило офицера. Один солдат без обеих ног непрерывно орал на одной ноте, как заведенный, другой с забинтованной головой не прекращая, стонал. К ним никто не подходил. Палат, как таковых, не было. Все, и легко, и тяжело раненые находились в одном большом помещении. Молодой санитар в окровавленном фартуке носился между ранеными, не зная, кому из них помогать в первую очередь.

К Отто вышел начальник госпиталя майор-медик. Не выспавшийся, всклокоченный и злой, он, едва взглянув на документ фон Шлэсса, начал выговаривать ему:

– На каком основании я должен помещать вашего русского протеже в отдельную палату? Почему, отказывая немецким солдатам в своей помощи, я должен выхаживать этого ублюдка?

– Где у вас отдельная палата? – не слушая его претензии спросил Отто и закурил, табачный дым помогал не так остро чувствовать зловоние, царившее вокруг.

– Офицерская палата занята. В ней семнадцать раненых, шесть из них – фактически мертвы, – еле сдерживая ярость, отвечал медик. – У меня есть одна свободная комната в крестьянской избе по-соседству, но я держу ее на самый крайний случай и не собираюсь отдавать ее вам, майор!

– Считайте, что этот крайний случай настал, – Отто говорил нарочито спокойно, хотя этот невротик-медик сильно раздражал его. – Немедленно ведите меня к моему русскому раненому! Да, и тот час распорядитесь подготовить отдельную палату. Это хорошо, что она будет расположена в отдельно стоящем доме. Соседство с вашим свинарником, где одни орут не переставая, а другие мочатся прямо под себя, просто невыносимо.

Медик провел его по коридору госпиталя, зайдя в какой-то закуток, он остановился. На тощем матрасе, постеленном прямо на полу, лежал русский. Лицо его стало еще бледнее, он так и не пришел в себя.

– Что с ним? Как от себя чувствует? – спросил Отто у врача.

– Контузия довольно тяжелая, травма головы, посекло спину осколками. А самое поганое то, что он потерял много крови, – отвечал медик.

– Он выживет? – Отто из последних сил крепился, чтобы не вцепиться врачу в глотку, настолько он его раздражал.

– Откуда я могу знать? – врач смотрел равнодушно. – Во всяком случае, повинуюсь вашему приказу, мы будем выхаживать его с огромным рвением, обделяя вниманием наших парней, отдавать все силы этому русскому, который так важен для вас, господин фон Шлэсс. – врач уже открыто хамил абверовцу. Медик был одиноким, пожилым человеком, и ничего и никого уже не боялся в этой жизни. Отто почувствовал это и перестал давить на старика.

– Господин доктор! – начал фон Шлэсс, как можно любезнее. – Я попрошу Вас об одной вещи, пусть она покажется странной, но, пожалуйста, исполните ее.

– Что еще? – врач смотрел на Отто, как на исчадие ада.

– Не говорите с ним, он не должен понимать, что находится у нас. Пусть думает, что лежит в палате советского госпиталя. Это очень важно для нас, для Германии, для наших ребят, которые сейчас бьются с советскими войсками. У разведки свои законы! Не обижайтесь на меня, господин доктор, я знаю, как вам нелегко и искренне сочувствую вам, поверьте! – Отто

прижал руку к груди. Сейчас он сменил тактику и разыграл перед врачом раскаяние за свою грубость и хамство. Когда было надо, фон Шлёсс умел быть и вежливым, и убедительным.

– Да ладно, чего там, – медик был смущен. – Сделаем все, как надо. Не догадается, ручаюсь! Вот только мои санитары, как они будут с ним разговаривать? За ним ведь нужен уход. А мои люди не знают русского языка.

– За это не беспокойтесь! Я пришлю сюда своего человека. Это мой помощник, он фольксдойч, переселился в Германию незадолго до войны. Раньше жил в Прибалтике. По-русски говорит отлично. Заранее благодарен вам, господин доктор! – вытянув руку в нацистском приветствии, Отто вышел прочь из смрадного помещения госпиталя.

На улице его уже ждала машина, на которой его подчиненные везли раненного русского офицера. Солдаты стояли рядом с автомобилем и курили.

– Как вы посмели курить в присутствии вашего начальника?! – заорал на них Отто. – Ты! – он ткнул в грудь одного. – Немедленно заводи машину, мы едем домой. А ты, – Отто ткнул в грудь другого солдата. – Сейчас же берись за наш передатчик. Курт должен выйти на связь и доложить обстановку.

Говоря, «едем домой», Отто имел в виду небольшую опрятную избу, которую он сам выбрал себе для постоя на ближайшее время. Там его уже ждал ужин, приготовленный хозяйкой. Фон Шлёсс любил и ценил комфорт. Даже находясь на войне, он не собирался отказываться от своих пристрастий.

Умывшись и скинув надоевший за день китель, Отто набросил на плечи любимую домашнюю куртку из мягкого бархата. Он уже усаживался за стол, когда раздался еле слышный стук в дверь.

– Кто там еще, на ночь, глядя? – недовольно пробурчал немец, на всякий случай, доставая «Вальтер» из кобуры.

– Староста местный пришел. Он еще днем приходил, да вас не застал, – доложила Марфа, хозяйка избы, где квартировал фон Шлёсс. – Пустить прикажете?

– Ну что ж, проси, – разрешил Отто.

– Хай Гитлер! – гаркнул вошедший представитель новой сельской власти, нестарый еще мужик с черной окладистой бородой. – Здравия желаю, ваше превосходительство! – подобострастно кланяясь, продолжил приветствие староста.

– Здравствуйте, здравствуйте, Иван Фокиевич, кажется? – слегка поморщившись, поздоровался и Отто.

– Так точно, Конюков Иван Фокич, я, – староста обрадовано закивал головой.

– Выпьете, Иван Фокич, закусите? – Отто фон Шлёсс приглашающим жестом указал на накрытый стол. – Да раздевайтесь же, присаживайтесь, экий вы нерешительный, – Отто приоткрыл дверь. – Марфа, еще один прибор для нашего гостя, уважаемого Ивана Фокича!

«Теперь вот придется ужинать в обществе этого вонючего скота. Интересы службы обязывают тесно общаться с подобным контингентом» – подумал про себя немец, продолжая приветливо улыбаться гостю.

– Ваше превосходительство, я уж сразу к Вам, все знают, что Вы тут самый главный начальник, не то, что этот господин Кнопф, комендант наш, – лстиво начал староста.

– Да вы пейте, пейте, закусывайте, господин староста. Немецкий шнапс плюс русская, как это у вас говорится, закус? Точно, закус! Этот симбиоз заставляет организм работать, как часы. А так же наполняет наше усталое тело энергией жизни, – рассуждал фон Шлёсс, наливая в рюмку старосте вместо шнапса самогон. Шнапс Отто берег исключительно для себя.

– Так вот, Ваше превосходительство! – староста был ободрен, что его усадили за стол и потчуют, как дорогого гостя, – Пришел доложить Вам, что сын Евдокии Мироновой, Петька, с партизанами якшается. Как ночь наступит, он, сейчас, со двора шмыг, и к лесу бегёт. Я, Ваше превосходительство, сам наблюдал, лично, как говорится, проверил. Два раза туда он шастал,

точно вам говорю. В лесу у них шайка-лейка краснопузая действует. Так вот, этот Петька, сопляк двенадцатилетний, все этим разбойникам доносит, чего у нас в округе деится. Подрывает, щенок, основы нового порядка нашего. Вот значит как, ваше превосходительство! Форменный шпиён, а ведь по виду не скажешь, пацан совсем! – староста закончил и, шмыгнув носом, уставился на пачку немецких сигарет, которую Отто извлек из кармана куртки, собираясь закурить.

– Дозвольте одну сигареточку, Ваше превосходительство, уж очень они ароматные у вас. Как курнешь, будто одеколону какого нанюхался, – староста, выпив уже третью рюмку, смотрел на немца с подобострастием.

– Конечно, конечно, Иван Фокич, берите всю пачку, а вам завтра еще распоряжусь прислать. Вы – представитель нового немецкого порядка, не к лицу вам самокрутками чадить. Вы же не голодранец какой-нибудь колхозный, – Отто поднялся из-за стола и приоткрыл окно. В комнате становилось душно. – А позвольте узнать, Иван Фокич, что же вы с Кнопфом–то не поделили? Вы же ко мне явились, а, по идее, могли бы и ему всё доложить. Он же комендант местный, и в его обязанности входит работа с местным населением.

– А я, Ваше превосходительство, ходил, ходил, а как же не ходить. Мы власть местную уважаем. Да, я ему про Таньку Петелину рассказал. У ней брат – командир в Красной армии. В том годе, на Первомай приезжал, в форме по деревне шлялся, капитан он, ваше превосходительство, точно вам говорю. Я к Кнопфу пришел, а он там с переводчиком, учителем нашим школьным, в шахматы играет. Я ему докладываю, ну, про Таньку и брата ее, командира красного, а переводчик переводит, значит. Ну, думаю, сейчас он мне рейсмарок выдаст, как по закону новому положено, за информацию о врагах рейха, значит.

– А он? – Отто уже начал уставать от этого зануды-старосты, хотя и выслушал его с пользой для себя. В голове Отто уже рисовал свой новый план, план очередной операции.

– А он, ваше превосходительство, засмеялся и выгнал меня взашей, еще свиньей русской обозвал. Ни единой рейсмарочки не дал, а я так старался, – староста, чуть не плакал от обиды.

– А теперь вы, уважаемый Иван Фокич, желаете получить награду, вполне заслуженную, замечу, награду, которой вас лишил обер-лейтенант Кнопф?

– Так точно, ваше превосходительство, – староста переминался с ноги на ногу, явно не собираясь уходить.

– Хорошо, я завтра распоряжусь, получите за две новости сразу. Хотя, ладно, я сейчас напишу записку с требованием выплатить вам установленную законом сумму, – фон Шлёсс взял карандаш.

– Ваше превосходительство, простите меня, дурака, но известий-то было три!

– Как три, помилуйте Иван Фокич? Вы донесли на некую Татьяну Петелину. Брат, мол, ее красный командир, год назад ходил по деревне в форме. Ну ладно, пусть это будет первая новость. Вторая – это про связника партизанского отряда, сына Евдокии Мироновой, Петьку. А где же третья новость?

– Как где? – предатель чуть не плакал. – А про партизанский отряд в лесу? Это разве не информация?

– Но помилуйте, Иван Фокич, об этом отряде вся округа знает. И мы тоже прекрасно осведомлены. Сейчас нет времени их уничтожить, а скоро этому отряду придет конец. Так что, за отряд великая Германия платить отказывается, – Отто уже почти смеялся.

– Ваше превосходительство, – не унимался староста.

– Ну что еще? – немцу уже надоел этот жадный мужлан.

– Ваше превосходительство, дозвольте в счет оплаты за верную службу забрать одну из коров. Ее зовут Зорька. Беленькая такая, с черными пятнами по бокам. Она сейчас стоит на сборном пункте для скота, туда со всей округи коров согнали. Я там недавно был, сразу её приметил.

– Да забирайте вы, хоть Зорьку, хоть Ночку, хоть самого дьявола! – уже не сдерживаясь, заорал фон Шлёсс. Он схватил бумагу, черкнул записку и сунул ее в руки старосты.

«За одного паршивого мальчишку-связника выторговал себе целую корову. Не зря его назначили старостой» – зло подумал Отто.

– Спокойной ночи, Иван Фокич, – немец почти вытолкал старосту за дверь.

Наконец-то избавившись от назойливого визитера, немец кликнул Марфу, велел ей убрать со стола остатки ужина. После этого он написал донесение вышестоящему командованию о халатном отношении к несению службы обер-лейтенанта Кнопфа, командире зондер-команды, являющимся так же начальником местной комендатуры. В донесении было отмечено то, что обер-лейтенант не ведет работу с населением, не обращает должного внимания на сигналы, поступающие от старосты и других местных жителей. Часто обсуждает и критикует приказы вышестоящего начальства. А качество их исполнения оставляет желать лучшего. И, наконец, довел до сведения вышестоящего руководства, что обер-лейтенант Кнопф в служебное время нередко пьянствует, распутствует и играет в шахматы с местным переводчиком комендатуры. Довольный собой, Отто фон Шлёсс запечатал донесение служебной печатью, намереваясь утром отправить его по команде.

«Смесь вранья и правды выглядит намного достовернее самой правды» – частенько говорил отец юному Отто. Сын хорошо усвоил отцовские уроки. Уже отходя ко сну, абверовец имел в голове четкий план действий и мысленно возблагодарил Бога за то, что тот надоумил Отто выслушать этого мерзавца-старосту. Его информацию о связанном фон Шлёсс собирался использовать в своей очередной комбинации.

Глава 6. Побег

Эшелон несся по рельсам, стараясь, как можно быстрее доставить на фронт людей, решившихся сменить лагерные нары на окоп пехотинца. Пять дней назад, после обеда, состоящего из куска плохо пропеченного хлеба и миски баланды, зэки были построены на плацу перед зданием администрации лагеря на митинг. Настроение у контингента было хуже некуда. Голод, болезни, царящая кругом антисанитария ужасали. При всем при этом плана по выработке никто не отменял. Зэки рубили уголек в шахте. Работа с каждым днем шла все хуже и хуже. Силы покидали лагерный народец. Частенько из забоев доставали мертвых заключенных. Кого-то косила болезнь, кто-то кончал жизнь самоубийством, не выдерживая скотских условий. Робкая попытка не выйти на работу закончилась для зэков трагически. Администрация подавила бунт в зародыше, расстреляв согласно законам военного времени десяток самых активных бузотеров. На днях начальник лагеря огласил контингенту распоряжение об уменьшении рациона питания, скудные пайки зэков подверглись урезанию. Именно поэтому, построившиеся по отрядам заключенные не ждали ничего хорошего от предстоящего митинга. Из административного здания вышли зам. начальника лагеря с незнакомым человеком в форме старшего лейтенанта НКВД.

Первым выступил зам. начальника:

– Граждане заключенные! Гитлеровские захватчики рвутся к Москве, сердцу нашей Родины! Красная армия бьется из последних сил. Враг, неся тяжелые потери, продолжает наступать. Кто из вас хочет помочь своей Родине? Вы все осуждены, народ кормит вас и поит. Пока вы сидите здесь на нарах, бойцы и командиры Красной армии, преодолев временные трудности первых дней войны, бьют фашистских гадов. Вам предоставляется возможность кровью смыть свой позор. Для вас организованы штрафные батальоны, вступив в них, вы сможете послужить Родине! Может быть, вы погибните в бою, но вы умрете, как солдаты, а не как заключенные. Вы снимите позор с себя и с членов ваших семей. Ваши родные смогут гордиться вами. Кто желает пойти на фронт – шаг вперед!

Среди зэков поднялся неясный гул. Каждый говорил своё, переваривая только что услышанное. Политические заключенные почти сразу вышли вперед. Их построили в колонну и увели, оставили только несколько стариков, которых забраковали по возрасту. Среди стоящих на плацу остались почти сплошь уголовники. Офицеры никого не торопили, отойдя в сторону, они курили, бросая недобрые взгляды на сильно поредевшие шеренги. Наконец, один из заключенных, сделал шаг вперед. За ним еще и еще. Борзяк, стоящий в последней шеренге, хлопнув по плечу впереди стоящего товарища, тоже стал пробираться к зекам, изъявившим желание повоевать.

– Гляди, Шалый, там ведь и закатать могут, – шепотом пытался предостеречь его худющий, длинный как жердь зэк по кличке Верста.

– Там закатать могут, а здесь, на такой шамовке, того гляди, сам закатаешься, – Борзяк оглянулся назад. – Счастливо оставаться, братва, не поминайте лихом.

Вышедших из строя уголовников, зам. начальника лагеря разделил на два отряда. Первый, большей численностью, сразу увели. Второй же отряд остался стоять на плацу. Борзяк осмотрелся, пересчитал оставшихся. Вместе с ним было ровно пятьдесят человек. Через полчаса появился сам начальник лагеря, полковник, и пристально оглядел стоящих в шеренге зэков.

– Этих, полста самых борзых, отдельно вези, мало ли чего учудят. Деятели еще те, – обратился он к старшему лейтенанту.

– Так точно, товарищ полковник, – отозвался старший лейтенант. – У меня для них и спецвагон в наличии имеется. А остальных в теплушках повезем, тех, которые поспокойнее.

– Добре, старший лейтенант, гляди в оба, – полковник взглянул на эков. – А вам хлопцы, хочу пожелать, фрицев побольше наколотить, и в живых остаться!

– Это мы моём, нам мочить – дело привычное, в момент всю немчуру в деревянные бушлаты упакуем, – раздалось с разных концов шеренги.

– Ну, с Богом, братцы! – кричали новоявленным воинам, остающиеся мотать срок эки.

Пятьдесят самых борзых, как выразился начальник лагеря, эков действительно поместили в отдельный вагон. Он был разбит на три клетки, расположенные вдоль вагона и забранные толстыми решетками. Между клетями и стеной вагона имелся узенький проход для часового. В углу вагона, за последней клетью, был расположен отсек для караульных. В отличие от клеток для эков, отсек для караульных имел не решетчатую, а дощатую стену с дверью, выходящую в тот же узкий проход, где прохаживался часовой, вооруженный не винтовкой, а пистолетом. Остальных эков погрузили в теплушки. Режим там был более вольный. В углу каждой теплушки тоже был сделан отсек для охраны. Часа через два поезд тронулся и помчал народ в сторону фронта, который с каждым днем медленно, но верно приближался к Москве.

Старший лейтенант появился в проходе лишь один раз. В руке у него был портфель и направлялся он в отсек для охраны.

– С личными делами пошел знакомиться, особо неблагонадежных граждан выявлять, – злорадно подумал Шалый. – Похоже, старлей в нашем вагоне решил обосноваться. А вот закут для конвоя в вагоне оборудовали не по уму. Если хипиш начнётся, они сразу не въедут, что стряслось, а пока оттуда выскакивать будут, тут не только толковый эк, а и черепаха беременная ноги сделать успеет, – размышлял Василий.

Он изначально не собирался на фронт, намереваясь удрать по дороге. Поезд ехал уже третьи сутки, а случая сбежать все не представлялось. Конвойные глядели в оба.

«Скоро уж к линии фронта доберемся. Москву уж миновали. А бой-то под Москвой, в непосредственной близости уже идет» – нервничал Василий.

И вот случай подвернулся, и скорее, чем рассчитывал Борзяк. За всё время пути кормили всего один раз. Да и то дали лишь по куску черного черствого хлеба и по кружке воды. Народ начал роптать.

– Что ж это такое, братья? – разорвался плешивый тощий эк по кличке Лапоть. – Мы же Родину защищать собрались. Значит, мы уже не эки, а солдаты. А разве солдат в клетях возят? А разве солдатам такая шамовка положена?

– Точно! – раздавалось тут и там.

– Курево не выдают. Даже в нужник не выводят, в щели в полу мочимся! – ругались эки.

«Буза поднимается, самое время линять!» – подумал Василий и, стукнувшись головой о деревянную скамью, заорал, имитируя припадок эпилепсии.

– А, суки! А, волки позорные! Мы за Родину помирать едем, а они, псы легавые, пожрать даже напоследок не дали! – Борзяк, истошно оря, перевернулся на спину, еще раз стукнувшись лбом об пол, окрасив его кровью, принялся сучить ногами и пускать пену из уголков рта. Вместо пены Вася искусно пускал слюну, да и лоб он разбил показушно, крови много, а ущербы здоровью никакого.

Но конвойных припадок впечатлил. С криками: «Товарищ старший лейтенант, падающий!», они бросились к офицеру. Тот, выскочив из своего закута, и, оценив ситуацию, приказал открыть клеть, сунуть Василию под голову тряпку и постараться вытащить пальцами язык изо рта, чтобы бедняга не задохнулся. Один раз он уже видел подобный припадок и раздавал указания со знанием дела.

– Мигун! – командовал офицер. – Голову ему держи, а ты, Костин, ноги ему стреножь. Смотрите, чтобы не подох, а то будет нам втык по самые уши.

Вбежавший первым Костин, пытаясь ухватить Василия за ноги, получил страшный удар сапогом в солнечное сплетение и упал, потеряв сознание. Рванув пистолет из кобуры упавшего

охранника, Шалый пальнул в оторопевшего Мигуна. Тот рухнул замертво. В два прыжка преодолев расстояние от клетки до двери вагона, Василий дернул длинный металлический рычаг запора вверх, после чего рывком отодвинул массивное полотно двери вагонзакла. Все эти действия заняли у него секунды. Сделав два шага назад, Борзяк с силой вытолкнул свое тело из вагона, стараясь пролететь как можно дальше, чтобы встречная волна воздуха не увлекла его под колеса эшелона. Скорость поезда была довольно большая, но Василию повезло. Он умудрился сгруппироваться и приземлился довольно удачно. Из открытой двери вагона, который он покинул только что, раздались выстрелы охраны. Но скорость поезда мешала стрелкам прицелиться, и ни одна пуля даже не зацепили Василия. Зато в горячке побега Борзяк не заметил, как сильно ушиб правую ногу. Это стало понятно только когда, он отбежал с насыпи железной дороги в близлежащий лес. Как и предполагал Василий, эшелон не остановился.

«Во-первых, поди, доберись до машиниста, чтобы он начал экстренное торможение. Пока дойдешь, паровоз уже далеко умчится. Поезд не машина, тормозной путь длинный. Во-вторых, из-за одного зэка, ушедшего в отрыв, целый эшелон стопорить не станут, за время остановки хипез подняться может. Того гляди, и другие разбегутся» – подумал Борзяк и оказался прав.

Двигался Шалый не быстро. Очень бола нога. По его прикидкам прошло около часа после его бегства с поезда, и он прошел не больше полутора километров. Борзяк старался держаться железнодорожных путей, идя по лесу. Он не выпускал из рук пистолета убитого им охранника и внимательно смотрел по сторонам. Теперь ему стало холодно. На нём были брюки, которые раньше можно было назвать ватными, теперь же ваты в них почти не осталось, через многочисленные дыры торчали жалкие остатки утеплителя. Не лучше выглядела и телогрейка, под которой на голое тело был надет тоненький, зато шерстяной свитер. Его Шалый отобрал в лагере у кого-то политического. Политический был щуплым малым, и Борзяк, надев свитер, обнаружил, что шерстяное изделие просто разошлось на нем. Но не отдавать же добро обратно. Теперь этот свитер не давал Васе околеть окончательно. Поглубже нахлобучив ушанку, которую он перед побегом предусмотрительно завязал под подбородком, Шалый уселся на землю. Сняв еще не совсем старые кирзовые сапоги, которые он выиграл в карты уже в эшелоне, Борзяк перемотал портянки. Но, поднявшись на ноги и, собираясь продолжить путь, понял, как сильно устал.

«Надо отдохнуть. Совсем немного, ну, может час или два. А потом нужно ковылять в сторону Москвы. Там, если повезет, сменю прикид и смешаюсь с беженцами. Сейчас масса людей бежит от фашистов. Как-нибудь и я пристроюсь. В этом бардаке, который сейчас твориться, сам черт ногу сломит» – с надеждой рассуждал Борзяк, набивая самокрутку последними крошками махорки, которые он смог собрать в кармане телогрейки.

Жутко хотелось есть, Борзяк буквально падал от голода, но выкуренная с наслаждением козья ножка, заметно притупила голод и улучшила настроение беглеца. Василий натаскал еловых веток и соорудил себе некое подобие постели. Он уже собирался отдыхать, когда услышал над головой рев двигателей. Самолеты! Шалый доковылял до опушки и, подняв голову, увидел огромную махину с черными крестами на крыльях. Гигантская стрекоза полетела вдоль железной дороги, явно выбирая цель. Борзяк зачарованно смотрел ей вслед, пока махина не исчезла из виду. Через некоторое время загрохотали взрывы.

«Железку бомбят, суки» – подумал Василий. – «Верняк, наш эшелон накрыло, хана братве! Не доехали ребята до фронта, вернее, это фронт до них доехал. Неужели это немецкая территория? А впрочем, какая мне разница? Меня, что те, что эти в расход пустят».

Борзяк с досады плюнул под ноги и завалился на ветки. «Вздремну, а там поглядим» – подумал он.

Проснулся он от далекого лая собак и легкого похрустывания веток. Чуткое ухо зэка различило отдаленные голоса. Борзяк проверил оружие, оставалось всего два патрона. «Прокля-

тый вохровец» – помянул Василий недобрым словом погибшего охранника. – «Держал оружие с неполным зарядом».

Борзяк раскидал ногами ветки, на которых спал. Нужно уходить, но куда? Нужно держаться поближе к железке. А может, может рвануть в глубь леса? Наконец, решившись, Василий побежал наискосок от железной дороги, пытаясь производить как можно меньше шума. Но гавканье собак становилось все ближе, погоня настигала его. Шалый отчетливо слышал незнакомые команды, отдаваемые гортанным хриплым голосом. Бежать становилось все труднее, Василий начал припадать на ушибленную ногу. Острая боль, появившись, уже не отпускала ээка.

Вася уже понял, что за ним гонятся не просто немцы, а специально подготовленные на поимку беглецов люди. У них собаки, а от этих тварей уйти очень трудно. «Кажись, хана» – думал Василий. – «Кончилась житуха, вышла вся до капельки... Один хрен, за три копейки не возьмешь, двоих с собой уволоку. Два патрона-то осталось!».

Сзади раздались выстрелы, Василий ясно видел, как пули обдирают кору деревьев. Били почему-то не высоко. «По ногам, похоже, бьют, живым взять вознамерились» – подумал Василий, прибавляя ходу из последних сил. Грозное, глухое рычание настигающей его овчарки, Шалый сначала почувствовал, а уж потом услышал. Он обернулся, на ходу доставая пистолет. Один из преследователей, ближе всех подобранный к беглецу, спустил на него огромную злобную тварь. Не добежав до Шалого какой-нибудь метр, собака мощным прыжком попыталась сбить ээка с ног, но Борзяк успел выстрелить. Пуля, выпущенная с близкого расстояния, попала псине в брюхо. Овчарка громко взвыла и тут же умолкла.

Борзяк, бросив взгляд на мертвого окровавленного пса, испытал мощный прилив сил. Злоба наполнила каждую клетку его звериного организма. Хозяин собаки, вырвавшийся вперед из цепочки преследователей, вскинул автомат и выпустил длинную очередь по убийце своего четвероногого друга. Он знал, что нарушает приказ грозного майора «Абвера», который строго-настрого запретил убивать беглеца. Но сейчас, в данный момент, он должен был отомстить. И фашист мстил, продолжая поливать свинцом огромную ель, за которой залег, затаился русский. Фашист был отличным спортсменом и намного обогнал своих менее сильных сослуживцев, которые теперь, подбегая к месту импровизированной дуэли, что-то громко кричали ему на своем каркающем языке. Возможно, они просили его прекратить стрельбу, выполнив приказ старшего по званию. Но немец, стиснув зубы, всё стрелял, пока не закончились патроны. А как выстрелы стихли, из-за огромного ствола ели, посеченной автоматными очередями, показался русский. Он стоял на коленях, держа обеими руками пистолет, и целился в солдата, который, расстреляв весь магазин, пытался перезарядить оружие.

Шалый высунул от усердия язык, задержал дыхание и плавно нажал курок. Борзяк целился немцу в лицо и не промахнулся. Пуля попала в нос и прошла дальше, в глубь головы. Фашист медленно поднял залитое кровью лицо к небу и рухнул замертво. Оторопевшие немцы, все ещё не добежавшие до своего, мертвого теперь сослуживца, остановились, как вкопанные. Очнувшись от секундного замешательства, они перестроились полукругом и стали обступать безоружного теперь ээка.

– Сомкните круг, он ещё способен убежать, – командовал толстый обер-лейтенант. – Смотрите, не убейте его, он нужен майору живым.

Но русский и не думал бежать, он прижался к дереву, держа разряженный пистолет за ствол, тяжелой рукояткой вперед. Со стороны казалось, что он высматривает жертву. Зэк крутил головой со злобной гримасой на лице.

«Давай, подходи, псы вонючие, мне, что красные, что белые, что вы, суки германские. Я всех вас скопом ненавижу» – думал Василий, высматривая, кому бы вцепиться в глотку. Кольцо сужалось медленно, фашисты с опаской подбирались к Борзяку. Исходящая от него ярость, казалось, ощущалась ими физически. Василий уже наметил жертву. Небольшой крепыш ближе

всех подобрался к нему. Пора! Василий, оттолкнувшись ногами от дерева, бросился на немца. Солдаты были в касках и, поэтому Шалый ударил немца не по голове, а по подбородку. Тяжелая рукоять сокрушила челюсть, фашист, потеряв сознание, упал навзничь. Рыча, как дикий зверь, Борзяк рухнул на немца и впился зубами тому в кадык. Сыпавшиеся со всех сторон удары, не действовали на него. Когда, наконец, солдаты смогли оторвать Василия от своего товарища, немец был уже мертв. Лицо русского было в крови. Гитлеровцы, избив Борзяка до полусмерти, связали его и потащили к майору. Пусть забирает себе этого зверя.

Борзяка бросили связанным в большой дощатый сарай. Сквозь огромные щели в строе-ние задувал ледяной ветер, было холодно, и Василий промерз до нитки, его колотила легкая дрожь. Василий попытался ослабить веревки на руках, но ничего не получалось. Тупое, не проходящее чувство голода не давало сосредоточиться и обдумать ситуацию, в которую он попал. Впрочем, обдумывать было теперь особо нечего. Славно он покуролесил напоследок. В том, что его расстреляют, у Василия не было ни малейших сомнений. «Ну и хрен с ними, пусть в расход пускают» – устало думал пленник, осторожно облизывая разбитые губы.

После поимки фашисты здорово разукрасили беглеца. Особенно старался рослый рыжий мужик, их командир. Борзяк поморщился: «Болит все тело. Ну, теперь ждать недолго. Наверно, с минуты на минуту заявятся. Чего тянуть-то?». Василий думал о смерти спокойно. За свою недолгую жизнь он свыкся с мыслью, что может погибнуть практически в любую минуту.

В дверях загремели засовом. Кто-то вошел в сарай. Шалый, щурясь, пытался разглядеть вошедших. Солдаты! Серые мышинные шинели, каски, похожие на миски. В руках у немцев Василий не заметил оружия. «Из чего исполнять-то меня будут?» – задал Борзяк сам себе вопрос. Один из вояк, рослый, здоровый немец достал из-за голенища сапога нож и быстрым движением разрезал веревки, которыми был связан пленник.

– Веди себя хорошо! От этого зависит твоя жизнь. Бежать не пытайся. Это бесполезно, – немец говорил по-русски без акцента.

Василий поднялся, ноги плохо слушались его, руки мелко дрожали, о нападении на этих двух здоровяков нечего было и думать.

– Пойдем быстрее! С тобой будет говорить герр майор, – немец начал проявлять нетерпение.

– Пошел ты на...! Вместе со своим майором. Я жрать хочу, а не разговоры разговаривать, – злобно ощерился Василий.

Немец отошел на полшага, размахнулся и ударил Борзяка ногой в живот. В другое время Шалый бы уклонился и сам врезал бы здоровяку. Но сейчас, качаясь от голода и усталости, он рухнул на грязный пол сарая и потерял сознание.

Очнулся Борзяк в чистенькой уютной комнате. Напротив него, за круглым столом, сидел и пил чай с вареньем холеный мужчина, одетый в красивую домашнюю куртку-халат на шнуровке. Вид этого мужика так не вписывался в местный антураж, что Василий, несмотря на страшную боль, усмехнулся.

– Во, фраерок, вырядился. По виду чистый профессор или дантист на отдыхе.– подумал Борзяк.

Таких кадров Василий насмотрелся, когда по наводке заходил в богатые квартиры перед кражей, стремясь разведать обстановку и решить стоит ли грабить то или иное жилище. Обычно туда он являлся под видом работника какого-либо жилтоварищества или представителя различных городских служб.

– Что вас так развеселило? – человек встал из-за стола и, подойдя к двери, чуть приоткрыл ее. – Марфа, подай что-нибудь перекусить молодому человеку.

– И выпить! – тут же вставил Василий.

– И выпить, – как эхо повторил странный человек.

Вошедшая женщина со строгим лицом, молча, поставила перед Василием деревянный поднос. На подносе стояла тарелка с квашеной капустой и куском холодной курицы, а также бутылка с мутноватой жидкостью, очевидно, самогоном. Вернувшись в комнату еще раз, женщина принесла большой кусок свежее выпеченного черного хлеба и приличных размеров шмат сала.

– Приступайте, – скомандовал хозяин и отвернулся к окну.

«Не хочет смотреть, как я есть стану. Брезгует, интеллигент проклятый. Ну и хрен с ним. – Василий мигом налетел на еду. Он поедал все вместе, без разбора, он очень долго не ел вообще. А перед этим, в лагере, получая скудное питание, не мог не то, что насытится, а даже слегка заглушить, постоянно мучавший его, голод. Он понимал, что наедаясь сейчас вот так, как он это делает, запросто можно помереть от заворота кишок, но все равно ел и ел, пока не закончилась еда и выпивка. Съев все, что принесла хозяйка, Василий громко рыгнул и во все глаза уставился на человека в халате.

– Чего-то не хватает, верно? – человек улыбнулся.

– Верно! – огрызнулся Борзяк. – Курить хочу, спасу нет!

Человек подошел к тумбочке, стоящей у кровати и, достав оттуда пачку немецких сигарет, бросил ее Василию, следом полетели спички. Борзяк поймал на лету и то и другое. Торопливо раздирая пачку, вытащил сигарету и, прикурив ее, закашлялся, чуть не подавившись крепким, терпким дымом, но тут же закрыл глаза от наслаждения. Василий выкурил три сигареты подряд, после чего почувствовал, как проваливается в сон. Он уже стал сползать с табурета на котором сидел, когда человек подошел к двери и крикнул: «Курт, сейчас с этой свиньей разговаривать бесполезно. Он хочет спать. Проводи его в чулан. Я поговорю с ним завтра, когда эта скотина выспится и будет способна думать».

Утром Василий сидел на табурете в той же комнате и перед тем же человеком. Выглядел Борзяк намного лучше. Сытая еда и отдых пошли ему на пользу. Человек тоже изменился. Сегодня на нем был немецкий мундир.

– Итак, разрешите представиться – майор немецкой армии Отто фон Шлёсс.

Шалый молчал, прикидывая, зачем он сдался немецкому майору.

– С вами, господин Борзяк, я знаком пока заочно, – немец взял со стола какую-то папку и, открыв ее, углубился в чтение.

– Это что там у вас за хреновина в переплете? – Борзяк бросил взгляд на папку.

– Это ваше личное дело, Василий Иванович, – немец прекрасно, без всякого акцента, говорил по-русски. – Мы обнаружили его рядом с разбомбленным эшелонном. Этот эшелон вез на фронт бывших заключенных, попал под бомбежку и был уничтожен фактически полностью. А эту чудесную папку мы нашли в портфеле особиста, который опекал самых отпетых подонков, якобы собиравшихся искупить вину перед Родиной собственной кровью.

– Почему «якобы собиравшихся», мы на самом деле ехали повоевать, – Борзяк мучительно хотел закурить, но немец сигарет не предлагал.

– Это вы-то собирались повоевать? – голос майора стал насмешливым. – Насчет других ваших компаньонов ничего сказать не могу, а вот личное дело заключенного Борзяка я прочитал от корки до корки. Вы, Борзяк, типичный уголовник, рецидивист, и защита завоеваний социализма не входит в ваши планы. Вы вероломно, убив охранника, и, прихватив оружие, сбежали из эшелона. Вы собирались и дальше разбойничать. Хоть сейчас идет война и ваш народ воюет. Но вам до этого народа никакого дела нет. Я прав?

– А хоть бы и так, что с того? Мне один черт, красные или белые. Коммуняки или фрицы. Я на любой режим плевать хотел. Я – вор, господин майор, мне любая власть без надобности. А что ваших пострелял, так они меня тоже пристрелить хотели, когда я по лесу канал. Какие еще ко мне будут вопросы? А если вопросов нет, давай, шмаляй Шалого! – Борзяк рванул на груди остатки свитера.

– Господин Борзяк! Вы же умеете быть вежливым, культурным человеком. К чему эта напускная бравада, хамство, вызывающая грубость, жесты эти малосимпатичные? – немец брезгливо поморщился. – Я уже упоминал о том, что ознакомился с вашим личным делом. Из материалов дела я выяснил, что вы умеете отлично втираться в доверие к представителям различных слоев населения, обтяпывая различные темные делишки. Кроме того, вы обладаете смелостью, дерзостью, хитростью, находитесь в хорошей физической форме. Обладая острым, изворотливым умом, можете решать поставленные перед вами задачи. Да вы готовый агент, которого я собираюсь использовать в своих операциях в тылу врага. Я имею некоторое отношение к разведке, если вы еще не поняли.

– Я это давно понял, – Василий хотел курить. – Немец, так чисто говорящий по-русски, не может не иметь отношения к разведке. Я очень хочу закурить, дайте сигарету, господин майор.

– Сигареты будут позже, – майор помолчал. – Если мы придем к сотрудничеству. Учтите, Борзяк, за смерть германских солдат я могу поставить вас к стенке. Но я спасаю вас от расстрела, предлагаю сотрудничество и материальную выгоду, если вы будете послушны.

– Как же это будет происходить? Я имею в виду это самое сотрудничество, – Борзяк пытался обходиться без блатных выражений, это было трудно, но он старался.

– Я планирую отправить вас в Москву. Мало того, я сделаю так, что вы будете служить в органах госбезопасности. Вы будете сыты, обуты, одеты, а главное вы будете жить, Борзяк. А тысячи русских солдат проливают свою кровь, пытаясь остановить наш стремительный прорыв к Москве. И вы знаете, Борзяк, они его все-таки остановили. Наступление германских войск на Москву, по большому счету, провалилось. Блицкрига не будет. Война приобретает затяжной характер. В свете последних событий, нам понадобятся агенты в Москве, и вы будете одним из них. Первое время, очевидно, для вас и заданий не будет, потом я подумаю, как вас использовать. Вы будете не один, работать станете в паре. Сейчас ваш напарник поправляется в нашем лазарете, у него отдельная палата, ему предоставлен личный врач и первоклассный уход. Через две недели, я думаю, он окрепнет, и вы с ним встретитесь.

– Это что ж за земля? – хмуро поинтересовался Шалый, мысленно представляя себя в форме сотрудника госбезопасности. – Что за кореш, господин майор, поди, из блатарей кто?

– Да нет, Василий Иванович, это старший лейтенант госбезопасности Антон Зубарев. Помните такого? Вы от него и его людей бежать из эшелона изволили.

– Легавый этот? – Вася присвистнул. – Жив, выходит, сучара. Братаны, значит, всей кодовой полегли, а этот красноперый жив-живехонек. Ну, дела...

– Господин Борзяк, давайте без ваших грубостей, – немец поморщился. – Мы же договорились.

– Извините, погорячился! Согласен я к вам на службу идти, господин майор. Лучше гэбэшную форменку натянуть, чем в деревян-бушлат обрядиться. Послужим, так сказать, Великому Рейху, – Борзяк поймал на лету, брошенную ему немцем пачку сигарет.

– Я знал, что вы согласитесь, – фашист самодовольно ухмыльнулся. – И Зубарев согласится. Куда ему деться?

– А как же мы обратно-то попадем? – Борзяк пожал плечами. – Если даже мы к нашим, я имею в виду, ну, бывшим нашим, выйдем, они же нас сразу к стенке прислонят. Мы же с немецкой территории чешем, стало быть, шпионы.

– А об этом, господин Борзяк, я позабочусь. Не прислонят, если слушаться будете меня, – немец усмехнулся. – Сейчас пока отдыхай. Жди, когда старший лейтенант поправится.

Глава 7. Антон Зубарев.

Антон Зубарев открыл глаза. Где он? Почему так болит голова? Антон огляделся. Белые стены палаты, прикроватная тумбочка, на тумбочке какая-то тетрадь. Он повел глазами чуть в сторону. Небольшой столик с целой батареей медицинских склянок. Над столиком, на стене – небольшая фотография Сталина. Окно занавешено плотной темной шторой. Рядом с постелью Антона – табурет. Палата отдельная, больше коек нет. Табурет, конечно, для сиделки. Он тяжело ранен? Антон попытался пошевелить руками – получилось, ноги слушались хуже. Во всем теле – противная липкая слабость. «Нужно сесть», – подумал Антон и попытался приподняться. Он закусил губу, оперся на локоть и тут же опустился на спину. Нет, не получилось, сил нет, перед глазами плывут какие-то разноцветные круги. Вокруг темнота, но вот, слава богу, открылась дверь, мягкий белый свет озаряет женскую фигуру. Кто это? Антон всматривается. Неясные очертания обретают четкость. Вот длинные смоляные волосы, чуть тронутые проседью, лучистые печальные глаза смотрят с укоризной, мол, что же ты, сынок, так разболелся?

– Мама! Мама! – кричит Антон. – Я поправлюсь, я поправлюсь, обязательно поправлюсь! Ты только не уходи! Подожди, я пойду с тобой!

Но мама уходит, уходит в даль по тенистой аллее. Какое знакомое место. Да ведь это Нескучный сад. Его любимое место прогулок. Точно, вот сейчас будет скамейка. Их любимая скамейка, где они любили сидеть, купив мороженое, самое вкусное, с ванилью. И они с мамой, покончив с мороженым, достают книгу. Что это? Ах, да, это Жюль Верн «Пятнадцатилетний капитан»! Мама начинает читать ему. Её волосы касаются его щеки. Антону щекотно, но он не останавливает маму. Антон боится пропустить самое интересное, но какая-то мысль мешает ему сосредоточиться.

Отец! Отец, где он? Почему его нет ними? Антон оглядывается по сторонам и, наконец, замечает отца. Тот сидит на скамейке почти в самом конце аллеи. Скамейка находится далеко от них с мамой, но Антон видит отца очень явственно. Почему-то он одет в тяжелое темное пальто, на голове – теплая кепка. Зачем он так оделся? Ведь сейчас лето, ему же жарко. Отец поднимается со скамейки и смотрит на них долгим взглядом. Почему он не подходит к ним? Сейчас он подойдет и, как всегда, протянет Антону сразу две руки, выбирай любую, малыш. Но отец, повернувшись, идет прочь из сада. «Папа, стой, подожди! Я все знаю! Прости нас, прости и меня и маму! Пожалуйста, прости!» – кричит Антон. Он смотрит на мать, сидящую рядом. Боже, как она постарела. Коротко стриженные седые волосы, скорбно опущенные уголки тонких бескровных губ. А что это за молодой парень в форме лейтенанта НКВД? Да ведь это он сам, Антон. Мама поднимается со скамейки и тоже, как и отец, начинает уходить. Антон хочет попросить ее остаться, но не может вымолвить ни слова. Рядом появляется молодая женщина с ребенком на руках. Она встревожена. «Тоша, Тоша, возвращайся к нам, мы ждем тебя. Ты очень нам нужен», – еле шепчет она, но Антон отлично ее слышит, пытается махнуть ей рукой, но не может. Тело больше не подвластно ему. Женщина с ребенком на руках исчезает. А вокруг Антона начинает кружиться круговорот смутно знакомых ему лиц. Профессор с седыми растрепанными волосами, люди в погонах, некоторых он узнает, некоторые ему не знакомы. Потом круговорот лиц пропадает и устанавливается плотная чернота. Антону кажется, что его больше нет, он говорит, торопясь, сам не слыша своих слов, но силы покидают его, и он опять проваливается в ночь....

– Бредит, состояние очень тяжелое. Во время ранения в организм попала инфекция. Прибавьте к этому развившуюся пневмонию. Я уже не говорю о ранах. Контузия, тело посечено осколками. Если бы не лекарства, которые добывает для него ваш шеф, можно было бы считать парня трупом. А так шанс есть. Бог милостив, может бедняге улыбнется удача. Смотрите за

ним внимательнее, мой друг, он может умереть в любую минуту. Если что-нибудь случится, звоните сразу меня! Будем надеяться, – врач вышел из палаты.

Через две недели Антону стало лучше. Проснувшись утром, Зубарев осмотрел уже знакомую палату. И не узнал ее. Он мало что помнил. Отлично вспоминалось только то, что происходило до бомбежки поезда. Побег, убитого часового, саму бомбежку Антон помнил, а дальше – сплошная темнота. Он огляделся по сторонам. Около кровати стоял табурет, на нем, положив ногу на ногу, восседал молодой паренек в форме сержанта госбезопасности. На коленях у него лежала толстая тетрадь с заложённым внутрь карандашом.

– Где я? – голос Антона прозвучал неожиданно глухо. – Что со мной?

– Вы ранены, находитесь в госпитале, – прихватив тетрадь, сержант вышел.

Все это очень не понравилось Антону. «Чего сержант меня охраняет? Видать, проштрафился, арестовали, как пить дать, арестовали. Что же случилось после взрыва?» – задавал себе всё новые вопросы Антон. Сколько он находится в этом госпитале? Как проходило лечение? Из воспоминаний только мучительная боль и невероятная слабость.

Вошел врач. Наглухо застегнутый белый халат, равнодушный взгляд. Антон попытался задать ему вопрос о своем пребывании здесь, но доктор молчал. Равнодушно осмотрев больного, эскулап вышел, плотно затворив за собой дверь. Минут через пять дверь опять отворилась. В палату вошел высокий симпатичный военный. Вошедший сел за стол, стоящий перед койкой Антона и, настороженно посмотрел в осунувшееся лицо парня. Антон в ответ тоже скользнул взглядом по визитеру. Петлички гёбешные, две «шпалы» – по званию майор. «Дознаватель, наверное», – с тоской подумал Антон.

– Фамилия, имя, отчество, год рождения? – майор достал из кармана галифе пачку «Казбека» и закурил, выпустив дым в направлении Антона.

– Зубарев Антон Иванович, 1913 года рождения.

– Антон Иванович? – гёбист, прищурившись, смотрел на Антона.

– А вот у нас несколько другие сведения. Отца вашего звали не Иван, а Дмитрий. В 1921 году он был расстрелян Советской властью, как активный участник белого движения. После этого, мамаша ваша, тоже, кстати, уже покойная, срочно от мужа своего расстрелянного откристилась. Де, он меня бросил, сына я воспитывала сама. А про его участие в контрреволюции я, мол, и знать не знала, и ведать не ведала. И ей поверили. Потом она срочно вышла замуж за пролетария по имени Иван. И знаете, Антон Иванович или Дмитриевич, как вам будет угодно, дело у нее это выгорело. Имя этого пролетария и стало вашим отчеством, а фамилия Зубарев – это девичья фамилия Вашей матери. Точно это еще не установлено, но, думается мне, мыслю я правильно. Потом, очевидно, пролетарий помер от водки или еще чего. А мама ваша, видать, после смерти его не долго горевала. А знаете, Антон, почему? Мыслю я, что не любила она этого работягу. Ради вас на такую жертву пошла, биографию вам спасла. А вы с такой биографией в органы подались, да еще в партию умудрились вступить. Не думали, что обман-то ваш вскроется, а, товарищ старший лейтенант? Вернее, уже бывший старший лейтенант, – майор открыл красную папку, которую принес с собой, и, заглянув туда, устремил взгляд на Антона. – Как, бишь, отца твоего фамилия?

– Самойлов! Самойлов Дмитрий Дмитриевич. Штабс-капитан Самойлов, – тихо выговорил Антон.

Он был раздавлен, грянувшее разоблачение лишило его последних сил. Он почти терял сознание от слабости, едкого дыма папирос, которые одну за одну курил майор, от сверлящего, злобно взгляда гёбиста.

Как они узнали, как они это все выяснили? И ведь, правда, прав этот чертов майор, почти все так и было. После расстрела отца мама с Антоном уехали к ее сестре в Саратов. Почти пять лет они жили там, город на Волге приютил их неполную семью. Сестра матери, его тетка, с мужем уступили им комнату. Потом тетка умерла, ее муж, ставший вдовцом, горе-

вал недолго. Вскоре он привел в дом сожительницу. Она и выгнала Антона с матерью. Вернувшись в Москву, они обнаружили, что их комнату давно уже заняли другие жильцы. Его мать, утонченная женщина, испугавшись огласки истории с расстрелом мужа, не пошла требовать ордер в жилкомиссию. Она, бывшая до революции учителем словесности в гимназии, попыталась устроиться на работу в школу. Не ее не приняли, не объяснив причин отказа. Тогда мать нанялась на работу в столовую, которая обслуживала рабочих с завода по производству гвоздей. Им сразу же дали какую-то занюханную коморку с промокшими стенами. И в жару и в холод стены их комнаты источали какую-то зловонную жидкость. Запах этих испарений Антон запомнил на всю жизнь.

Рядом с ними в огромной, по сравнению с их конурой, комнате проживал труженик того же завода бездетный вдовец Иван Иванович. Мать вышла за него замуж, скорее, от страха, что одна не сможет поднять сына, к тому же брак с пролетарием закрыл вопрос о происхождении Антона. Иван Иванович сразу же усыновил пасынка. Впрочем, мужик Иваныч был не плохой, к Антону относился хорошо, да и мать не обижал. Пожалуй, единственным его недостатком, с которым ни мать, ни Антон не могли смириться, была любовь к выпивке. Выпивал он частенько, обмывал либо получку, либо выходной. Потом, выпив, начинал выть в голос, вспоминая свою покойную жену. Наверное, Иваныч очень любил ее и вместе с ее уходом, потерял свои жизненные ориентиры. Отчима Антон называл дядей Ваней. Ни особой любви, ни ненависти мальчишка к нему не испытывал. И когда «дядя Ваня» после очередного выпивона, споткнувшись на скользком асфальте возле пивнушки, убился насмерть. Антон, погрузив немного для приличия, тут же забыл о нем. А через два месяца в комнату покойного Иваныча, в которой теперь на законном основании проживали Антон с матерью, появились незнакомые люди в военной форме.

– Мы – следователи особого отдела НКВД, – отрекомендовался старший из пришедших. – Занимаемся расследованием контрреволюционной деятельности вашего бывшего мужа Самойлова Дмитрия Дмитриевича. Расскажите, пожалуйста, нам, что вы и ваш сын Антон знаете о Дмитрие Самойлове. Нас интересует буквально все. Какой он был человек, как вел себя в быту, как относился к вам, к своему сыну Антону? Как и где участвовал в антибольшевистских мятежах? Имел ли он оружие, и какие разговоры вел с вами и сыном?

Антон смотрел на мать круглыми от ужаса глазами. Но мать не испугалась. Сев напротив следователя за колченогий обеденный стол, она четко и ясно, пристально глядя в глаза чекиста, начала свой рассказ.

– По интересующим вас вопросам могу показать следующее. Мой бывший муж – штабс-капитан Дмитрий Дмитриевич Самойлов был мерзавцем и негодяем, картежником, пьяницей и конченным бабником. Ни одной юбки не пропускал, зараза. Замуж за него я вышла от крайней нужды. Постоянно находясь в сильном подпитии, муж жестоко избивал меня и моего сына Антона. Все деньги и драгоценности мой муж проигрывал в карты или спускал на девок. Неоднократно, находясь в пьяном угаре, Самойлов, издеваясь над нами, обещал пристрелить нас. В конце концов, этот человек отказал нам с сыном от дома. А проще говоря, выгнал в зашей на улицу. Именно от его угроз и тирании мы с сыном вынуждены были бежать к моей сестре в Саратов, где, и скрывались до той поры, когда выяснилось, что Дмитрий Самойлов расстрелян. Только после этого мы решились вернуться в Москву. Тут я вышла замуж за человека, который полюбил меня и моего ребенка и заботился о нас до самой смерти. Вот и весь мой рассказ, – мать закончила говорить и расплакалась.

Она плакала навзрыд, долго не могла успокоиться. Молоденький следователь, что играл при старшем товарище роль писаря, фиксирующего показания матери, побежал на кухню и принес стакан воды. Но мать все продолжала плакать. Глядя на нее, заплакал и Антон. Ему было жалко маму, но он не мог понять, от чего она так гадко говорила об отце. Ведь папа был добрым, чутким, заботливым. Зачем она оболгала его? Уже позже, когда Антон подрос, он

понял, что этой ложью мама, прежде всего, спасала его, своего сына, которого любила больше жизни. Любила так, что ради этой любви, отеклась от доброй памяти мужа. Задумка матери удалась.

Майор, допрашивавший сейчас Антона, был прав на сто процентов.

Старший следователь, слушавший рассказ матери молча, поверил ей.

– Да вы сами жертва этого ублюдка! Что же вы молчали раньше, гражданка? Почему не пожаловались, не открылись Советской власти? Она призвана защищать бедных и обездоленных. Ну, ничего, расстреляли мы изверга вашего, вывели из обращения, так сказать. А ты, Антошка, не плачь! – следователь погладил мозолистой рукой Антона по голове. – Заботься о матери! Она перенесла столько горя! А школу окончишь, придёшь ко мне. Адресок я оставлю. Направлю тебя учиться, будешь у нас солдатом революции. Друзья будут тебя уважать, а враги – бояться.

Последняя фраза понравилась Антону. Он крепко запомнил ее. Во время учебы в выпускном классе Антон похоронил мать, которая так до конца жизни и не простила сама себя.

Закончив десятилетку и отслужив срочную, Антон пришел по указанному адресу. Старик к тому времени уже оставил службу, но связи в системе имел прежние. Он и помог Антону без проволочек поступить в школу НКВД, которую тот с успехом и закончил. Получив лейтенантские кубики в петлицы, и надев в первый раз офицерскую гимнастерку, Антон решил навестить своего «крестного», но тот уже несколько месяцев, как закончил свой земной путь и покоился на Ваганьковском кладбище.

«Теперь все открылось!» – Антон открыл глаза, сознание вновь вернулось к нему.

Майор смотрел на него с явной издевкой.

– Чем же вы занимались дальше Самойлов-Зубарев, или как вас там?

– Честно служил, сначала под Киевом в пехотном полку, в особом отделе, потом за отличную службу был переведен в Москву, в центральный штаб войск НКВД.

Майор слегка откинувшись на стуле, захохотал, хлопнув себя по ляжкам.

– Отличная служба, ничего не скажешь! Да ты еще, друг, и враль порядочный.

Антоном овладела холодная злоба, сейчас он больше всего на свете ненавидел этого холерного майора-весельчака.

– Если вы читали мое личное дело, – Антон понял, что терять ему нечего и пытался говорить с презрительными интонациями, – то, наверняка, отметили, что спустя три месяца после перевода в столицу, я уже работал в личной охране Вахтанга Георгиевича Дадуа, советника и большого друга Берии. В личную охрану Дадуа кого попало, не берут. А потом, учитывая, какими делами занимается Дадуа.

– А какими делами занимается Дадуа? – прервал Антона на полуслове хамоватый майор.

– Дадуа занимается разработкой и реализацией секретных проектов Министерства государственной безопасности, а я являюсь личным помощником Вахтанга Георгиевича. Можете сами связаться с ним, и он вам подтвердит правоту моих слов, – Антон пытался говорить четко и уверенно, но это ему плохо удавалось, мешала слабость и головная боль.

– Твой покровитель Дадуа арестован, он мерзавец и враг народа. А скоро Вахтанг Георгиевич будет кормить червей, и ты – вместе с ним, коли будешь врать и запираешься, – майор любовался произведенным эффектом

«Вот это удар, – подумал Антон, закрыв глаза, и откинулся на подушку. – Теперь никто не поможет. Расстреляют, как пить дать, расстреляют. А дома жена и дочка...».

– Ну, так как? Говорить будем или в молчанку играть?

– Спрашивайте, – упавшим голосом выговорил Антон.

– Какими делами занимался ваш начальник в последнее время?

– Последнее время Вахтанг Георгиевич вместе с профессором закрытого научного института Иваном Фридриховичем Линке пытался решить проблему аномальных временных пере-

мещений, регулярно происходящих в районе деревни Большие Борщи, что в Свердловской области.

Майор перестал вести протокол допроса и уставился на Антона.

– С этого места подробнее, пожалуйста, – следователь закрыл папку, отложил бумагу и приготовился слушать. – Расскажите обо всем честно, я постараюсь понять.

«Наверное, Дадуа молчит, как рыба, – подумал Антон. – Ну и пусть молчит. Ему все одно – крышка. А я, если все расскажу этому майору, глядишь, и свободу себе выторгую».

– Я, товарищ майор, конечно виноват, – Антон решил идти ва-банк. – Заключенный у меня из поезда удрал. Ефрейтора караульного застрелил и утек. А тут – бомбежка, я потерял табельное оружие, папку с личными делами вверенных мне эков тоже утратил. Я все это рассказываю вам добровольно, надеюсь на снисхождение. Ведь я был ранен, без сознания, а значит все происшедшее со мной – не вина моя, а беда.

– Ближе к делу! – майор начал терять терпение. – Про побег заключенного из-за вашего ротозейства и незнания основ несения караульной службы, я уже знаю. Теперь рассказывайте о вашей работе в качестве помощника Вахтанга Дадуа. Рассказывайте, как на духу! Ясно? От вашей четкости и правдивости изложения событий будет зависеть не только ваша судьба, но и судьба вашей семьи. Я доходчиво изъясняюсь, гражданин Зубарев?

Антон похолодел. До семьи добрались, гады! А что, если его посадят? Жену с крохотной дочкой сразу же вышвырнут на улицу из служебной квартиры. Родственников у них нет. Приютить их некому. Корку хлеба попросить, и то не у кого. А что, если его расстреляют за халатное отношение к служебным обязанностям в военное время? А что? Побег заключенного из-под стражи – раз, утеря личного оружия и служебной документации – два. А тут еще вскрылась правда о его покойном отце. И как они все узнали? А что, если его семью заклеят позорным «ЧСИР» – член семьи изменника Родины? Тогда жена и дочурка окажутся осужденными и сосланными в лагеря. Есть специальные лагеря для ЧСИР, по долгу службы он знал об этом. Смертность в них еще выше, чем в обычных. Маленькие дети умирают от скудного питания и скотских условий. Там, как милость воспринимается решение администрации об изъятии ребенка у матери и отправка его в специальный детский дом, где условия содержания и питание лучше.

– Я вам заявляю официально, товарищ майор, мои показания будут правдивыми и точными. Я, честное слово, не подозревал, что Дадуа является изменником Родины и врагом народа. Я старательно выполнял все его указания, охранял его, участвовал в его экспериментах. Официально заявляю вам, что Дадуа во время проведения научных исследований на предмет перемещения из настоящего времени в прошлое спровоцировал смерть капитана милиции Копылова и сержанта отдельного полка МГБ, дислоцированного в Свердловской области. Фамилию сержанта я не знаю. Но можно узнать у командира этого полка майора Скворцова. Я не знаю, где сейчас этот полк и кто им сейчас командует. Прошло более полугода. Но Вы можете все проверить, я говорю правду, – Антон вытер пот со лба и торопливо продолжил. – Кроме того, я заявляю, что два члена кулацкой банды, проникшие в наше время из двадцатых годов, и, убившие наших советских военнослужащих, так и не были найдены. Двоих бандитов чекисты застрелили, а двое других бесследно исчезли в районе оцепления, которое, к слову сказать, тоже выставил Дадуа. А после Скворцов приказал своим людям осмотреть в деревне все дома, погреба, чердаки. Ребята даже в выгребные ямы заглядывали – все впустую, как в воду канули.

Майор смотрел на Зубарева, как на умалишенного. Смесь удивления и брезгливости читалась на его лице. Он достал из пачки «Казбека» очередную папиросу и, прикурив, усмехнулся.

«Не верит! Не верит мне! Ни единому слову не верит, гад!» – подумал Антон и чуть не заплакал от бессилия и злобы.

– У вас, Зубарев, с головой не все ладно. Контузило вас, видно, здорово. А впрочем, может быть, тебе, щенок, пошутить охота пришла? – следователь начал подниматься из-за стола.

– Нет! Нет! Какие шутки? Я правду говорю! И Дадуа и хорек этот ученый, профессор Линке, ночью обсуждали все происшедшее. И Иван Фридрихович, ну, Линке, говорил что-то о пластах времени, которые из-за падения метеорита начали самопроизвольно меняться. Из-за этого, человек, скажем, из нашего времени может легко попасть в прошлое, а из прошлого кто-нибудь, глядишь, и к нам помимо своей воли заявиться может. А еще, старый хрыч, профессор этот, влез в воронку от метеорита и давай там какими-то своими приборами учеными чего-то там замерять. Он этих приборов с собой целый ящик набрал. Мы с Вахтангом, то есть Дадуа, этот ящик за ним, как носильщики таскали. А Линке этот в воронку нырнул и давай нас всех по очереди капать заставлял. И я копал, и Вахтанг, и Андрей Копылов, которого потом убили, все по очереди копали, как заведенные. А Линке в грунте какие-то блестящие шарики выискивал и пинцетиком аккуратно в банку собирал, а потом банку в какой-то ящик металлический запрягал. А потом Дадуа с профессором ночью все обсуждали, что да как. Профессор еще все про какие-то поля твердил и сказал, что, если над этим делом как следует попотеть, то и управлять этими всякими изменениями можно будет. Но, мол, это процесс долгий и требует серьезных научных исследований, а также средств и оборудования, какого именно, он укажет. Вот я всё честно вам рассказал, товарищ майор. Я молчал до сих пор про это, мне Дадуа молчать велел, а Дадуа – личный друг Лаврентия Павловича был. И все этого Дадуа уважали и боялись. Откуда нам было знать, что он враг народа? А вообще, товарищ следователь, хочу вам доложить, что Дадуа этот вечно какой-то чертовщиной занимался. А профессор этот, Ленке Иван Фридрихович, по национальности немец, фашист значит. Его бы тоже надо к стенке прислонить.

– А как случилось так, что из помощников Дадуа, такого влиятельного человека, тебя перевели за швалью уголовной присматривать? – майор брезгливо поморщился.

– Кадровый голод виноват! Сотрудников не хватает, сами знаете. В первые месяцы войны, вон, сколько наших полегло, – Антон вздохнул. – Ну, меня попросили разок в командировку съездить, сопроводить, так сказать, контингент на фронт. А после командировки обещали на старое место вернуть. А что, мне у Дадуа хорошо жилось. Служба спокойная, знай у Вахтанга на подхвате будь. А я старался, выполнял все, инициативу проявлял. А на фронт съездить, так и так надо было. Не мог же я всю войну в тылу отсиживаться. Пусть бы в личном деле запись была бы, что я на фронт тоже. как и все выезжал, важное правительственное задание выполнял. Глядишь, награду бы боевую получил бы. А вон как все вышло...

Антону уже было абсолютно все равно. Он понял, что все его усилия тщетны. Майору на него, бывшего старшего лейтенанта Зубарева, плевать с высокой колокольни. Сейчас следователь уйдет, Антона подлечат, а через недельку, другую, поставив на ноги, и, допросив в последний раз с пристрастием, расстреляют где-нибудь в подвале. Потом приедет труповозка, труп Антона в числе многих других тел, погрузят и увезут хоронить в какую-нибудь огромную вонючую яму, которая в официальных гэбешных отчетах именуется местом общего захоронения осужденных за бандитизм и шпионаж. Жена и дочка никогда ничего не узнают о нем. Будут тщетно надеяться и ждать. А потом, разом лишившись жилья и сытного пайка, будут влачить жалкое существование. Эх, зря решил он пойти на эту службу, был бы простым советским служащим или работягой, глядишь, и кое-как прожил бы. Правда, сейчас сидел бы рядовым в каком-нибудь окопе или, вообще, сложил бы уже голову на поле брани. В общем, куда ни кинь, везде – клин.

Майор же, положив ногу на ногу, сидел на табурете и с интересом смотрел на убитого горем Антона.

«Радуетесь, майор. Расколлот меня до пупа. Все выведал. Теперь и расстрелять можно», – думал Зубарев. Его вдруг захлестнула дикая злоба. Он закрыл глаза, пытаясь заставить себя молчать, но злость душила его, не давая дышать.

– Как дела, старлей? Чего замолчал? – майор издевался уже открыто. Разговор по существу был закончен, и он просто изводил Антона, получая своё садистское удовольствие.

И Антон не сдержался.

– Хорошо дела! Сука, ты тыловая! Сидите здесь в тепле, в сытости, людям жилы на кулак мотаете. Где были, что делали, врагов народа ищите. Да главные враги у народа – это вы! Как воевать – вас нет! А ты в атаку ходил? А ты танк немецкий хоть раз видел? А ты знаешь, как народ, да хоть взять тех же эков вчерашних, на фронте упирается? Сколько гибнут, а, сколько еще погибнут! А вы жируете на своих пайках, – Антон вдруг подумал, что почти слово в слово повторяет монолог пьяного эпилептика, капитана Седых, которого они вместе с рядовым Бородиным, сбив с ног, вязали по рукам и ногам во время службы Антона под Киевом. – Да ты хоть одного живого немца-то видал, а, майор?

– Видал, видал, Антон и не одного, а многих видал, – следователь приблизился почти вплотную к Антону, который после своей гневной речи лежал без сил. – Я, Антон, и сам немец. Я – майор, но не советской, а немецкой армии. А ты теперь – мой помощник, добровольный помощник, заметь, всё, что ты мне рассказал, было сказано тобой добровольно и без понуждения.

Антон широко открыл глаза, теперь он смотрел перед собой и не видел лица собеседника, огни какого-то бесовского пламени плясали перед глазами Зубарева.

– Как так? – только и вымолвил больной.

– Да вот так! Маскарад это все! – немец подбросил в руках чекистскую фуражку. – Это немецкий госпиталь. Рядом с лазаретом хозяйственная постройка, которую специально для тебя оборудовали в отдельную палату. Лечили тебя, кстати, по-настоящему и выхаживали кропотливо, никаких лекарств не жалели. Немецкий врач не понимает по-русски, поэтому молчал, как рыба. Я – профессиональный разведчик, свободно говорю на русском, английском, французском, испанском языках. А что ты хочешь? Я получил прекрасное образование, моя бабушка, к тому же, была из России.

– А как я здесь оказался? Я помню бомбежку поезда, дальше – провал.

– А дальше на сцене появился твой покорный слуга. Ты, Антон, плох был очень. А я тебя привез в госпиталь, обеспечил палату, обстановку соответствующую, – немец ткнул в портрет Сталина, приколотый к стене. – Врача приставил, лекарствами редкими обеспечил. А уход? Ты в своей советской больнице сдох бы давно, а у меня – на ноги скоро встанешь. Нужен ты мне, Антон.

– А откуда вы про отца и мать все узнали? Я ведь этого вам не рассказывал, – Антон все не мог поверить в происходящее, разум отказывался понимать, что все это происходит наяву и с ним.

– Бредил ты, Антон. Ты, ведь, больше месяца меду жизнью и смертью болтался. За это время ты много чего наговорил. Я приказал своему помощнику, Курту, записывать твой бред. Курт – фольскдойч, перемещенный немец, русский знает отлично. Он и сиделкой у тебя был, выхаживал тебя, записывал твои мысли сокровенные. Я же на досуге весь твой бред разложил по полочкам, систематизировал. Но это были лишь наметки, обрывочные сведения, по которым нельзя составить четкую картинку, зато на эти обрывки можно опираться, допрашивая человека. Я допросил тебя. Припугнул, как следует, выяснив твои болевые точки. Ты очень боишься за жену и дочку. Причем своих, гэбешных товарищей ты боишься даже больше, чем нас, немцев. Ты зря пошел на эту службу, Антон, тебя легко можно расколоть. Я сразу просчитал линию твоего поведения. Устроил этот маскарад с переодеванием и допросом, а ты сразу

и вывалил всё, что знал. Чекист из тебя дерьмовый и, если бы не твои сведения о научных разработках некоего профессора и твоего шефа, как его?

– Дадуа, Вахтанга Дадуа, – еле слышно выговорил Зубарев.

– Да, Вахтанга Дадуа! Если бы ты не догадался рассказать мне об этих исследованиях, я бы тебя, скорее всего бы, расстрелял бы прямо сейчас. А так, твоя болтливость спасла тебе жизнь. Я сделаю так, что ты вернешься в Москву. А уж ты постарайся попасть обратно на службу к своему благодетелю.

– Так Дадуа не арестован вовсе? – Антон все еще не понимающе смотрел на Отто фон Шлёсса.

– Про арест Дадуа я сказал тебе, естественно, неправду. Я и про Дадуа-то только от тебя узнал. Я правильно рассчитал, услышав, что твой шеф оказался врагом народа, ты тут же принялся выбалтывать то, что знал, по ходу дела, пытаюсь облить Дадуа грязью, а себя, естественно, обелить. Ты – трус, Антон.

– Я боялся не за себя, а за своих близких.

– Это неважно, мой друг, ты струсил. И значит, с тобой можно иметь дело. Когда ты будешь мне нужен, я, или мои люди дадут тебе знать об этом. И ты скажешь мне, то, что будет интересовать меня на тот момент, когда в тебе возникнет потребность. Из таких людей, как ты, получают отличные информаторы.

Антон испытывал острую жалость к себе. Так глупо попался, и с другой стороны, какой у него, Антона, есть еще выход? Можно, конечно, послать этого немца, плюнуть ему в лицо и сдохнуть героем. Но что это даст? А можно попытаться обмануть судьбу, сейчас для вида согласиться на сотрудничество, а потом, может быть, и не понадобится ничего делать?

Немец молча смотрел на Антона и, казалось, читал его мысли.

– Да, Антон, – фон Шлёсс сделал вид, что забыл спросить о главном. – А ты, сможешь по возвращении в столицу попасть на прежнее место службы и быть рядом с этими исследователями времени?

– Конечно, это совершенно точно. Дадуа ценит меня. А потом, у Вахтанга железное правило – чем меньше людей знают о его занятиях, те лучше. Если я вернусь, то непременно окажусь в помощниках у Вахтанга и этого профессора, – Антон старался убедить немца в своих словах, приводя все новые и новые доказательства своей незаменимости.

– Хватит! – немец поднял руку. – Запомни, Антон, я не очень тебе верю. Может быть, ты сейчас врешь, убеждая меня, что будешь рядом с этими исследованиями. Но другого агента сейчас я туда послать не могу. А посему, делаю ставку на тебя. Старайся, оправдай мое доверие и все будет «шито-крыто». Ведь так говорят русские?

– Я только вот не могу понять, как я окажусь в Москве? Даже, если я каким-то образом доберусь до своих, меня же сразу расстреляют! Что я буду говорить, попав к особистам? Туда направляют всех пришедших с оккупированной врагом территории. Если любой военнослужащий, хоть несколько часов проведший в окружении, выходит к своим, то он является для особого отдела потенциальным немецким агентом. А я валялся тут, у вас в госпитале, вылезился и пришел. Здравствуй! Вот он я! – Антон выжидательно посмотрел на фашиста.

– Не считай нас идиотами, Антон. Я продумал операцию и несу ответственность за ее исполнение перед своим командованием. Сейчас я познакомлю вас с вашим напарником. Вы будете работать вместе, – немец открыл дверь палаты. – Василий, зайдите! Наш друг Антон пришел в себя и готов встретиться с вами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.